



А. Ю. КАПТИКОВ

**КАМЕННОЕ
ЗОДЧЕСТВО
РУССКОГО СЕВЕРА,
ВЯТКИ, УРАЛА
XVIII в.**

А. Ю. Каптиков

КАМЕННОЕ ЗОДЧЕСТВО
РУССКОГО СЕВЕРА,
ВЯТКИ И УРАЛА XVIII В.
ПРОБЛЕМА РЕГИОНАЛЬНЫХ ШКОЛ

ББК Ш 135.7
К206

Научный редактор
кандидат архитектуры Н. В. Алещенко

Рецензенты:
кафедра истории искусств
Уральского университета имени А. М. Горького;
доцент Кировского политехнического института
А. Г. Тинский

Редактор И. В. Новикова

ISBN 5—7525—0146—6

© А. Ю. Капников, 1990

ВВЕДЕНИЕ

Архитектурное наследие России, «страны зодчих» (И. Э. Грабарь), крайне многолико. Характерные областные оттенки, часто превращавшиеся в прочные традиции, прослеживаются на всем историческом пути русской архитектуры. Общенациональные художественные черты издревле самобытно преломлялись в отдельных землях и городах, где в силу особых условий складывались свои школы зодчества. Эти школы продолжали возникать и после ликвидации феодальной раздробленности, в условиях централизованного государства. Так, в XVII в. при главенстве московской школы зодчества яркую индивидуальность проявили ярославская, каргопольская и другие школы.

Реформы Петра I, основание Петербурга провели довольно резкую грань между столичной (включая московскую) и провинциальной архитектурой. Несмотря на то, что даже в отдаленных уголках России заказчики зданий ориентировались порой на новую культуру, зависимость от древнерусских традиций оставалась в провинции весьма сильной. Нередко наблюдалось упорное следование архитектурным формам XVII в. в успевшей уже определить местной интерпретации. Наряду с замедленным распространением стилевых новшеств, которые воспринимались также через традиционное, это продлило существование региональных школ почти на целое столетие. Сочетание старых и оригинально, на локальной основе истолкованных петровских и послепетровских черт придавало постройкам все столь же выраженный местный колорит.

Разумеется, не провинциальные школы, отмеченные неизбежным консерватизмом, определяли развитие русской архитектуры XVIII в. Однако их изучение обогащает историю отечественного зодчества, способствует выявлению и охране обширного числа малоизвестных и вовсе забытых памятников. Оно дает немало поучительного и для сегодняшней архитектурной практики. После долго бытовавшего в застройке городов и сел РСФСР пренебрежения к местным традициям все более осознается необходимость соблюдения региональной специфики и исторической преемственности, ассоциативности как с объемно-пространственным языком старинной местной архитектуры, так и с ее убранством. Таким образом, разработка истории региональных школ зодчества, вы-

явление их специфических композиционных и декоративных особенностей становятся все более актуальными, приобщая современного архитектора к живой «памяти места».

Ленинское положение о диалектике отдельного и общего гласит: «Противоположности (отдельное противоположно общему) тождественны: отдельное не существует иначе как в той связи, которая ведет к общему. Общее существует лишь в отдельном, через отдельное. Всякое отдельное есть (так или иначе) общее. Всякое общее есть частичка (или сторона или сущность) отдельного. Всякое отдельное неполно входит в общее и т. д. и т. д.»¹. Любая локальная архитектура развивается в рамках определенного культурного региона, органично связанного со всей национальной культурой и одновременно обладающего свойственными только ему, выросшими на собственной почве, чертами. Еще в 1920-х годах И. Э. Грабарь указывал: «Самый факт связи искусства с местом его возникновения сомнению не подлежит» и призывал к изучению «художественной топографии»², а Н. К. Пиксанов считал, что «для русской искусствоведческой науки существенно утвердить областной принцип мышления и исследования»³. Ныне, несмотря на то, что сама теория культурного региона разработана все еще крайне слабо, получает признание региональный подход к истории культуры⁴. Подобного подхода следует придерживаться также при анализе произведений зодчества. Совокупность устойчивых конструктивных, композиционных и декоративных приемов, распространенных в течение длительного времени в определенных территориальных границах, мы вправе расценивать как региональную школу. Конечно, могут быть названы и иные моменты, например, функционального порядка, но суть школы все равно заключается в формальных признаках

Местная школа зодчества — явление относительно самостоятельное, но не изолированное, связанное с другими школами. В XVIII в., по мере расхождения с господствовавшей в столицах стилистикой и укрепления региональной самобытности, творческие контакты с соседями оказались сильнее, нежели с Петербургом и Москвой. Вот почему в качестве общего в нашем исследовании будет выступать не столько столичная архитектура, сколько известный круг самих региональных школ, представляющий собой не территориальный конгломерат, а синтез родственных художественных качеств. Определение присущего каждой школе соотношения общего и отдельного есть выявление ее роли в данном кругу.

Помимо сугубо регионального аспекта немаловажное значение имеет для нас вопрос о судьбе древнерусской традиции в провинциальном зодчестве XVIII в. Это также отвечает одному из направлений современных культурологических исследований — «выявить характер взаимодействия и сосуществования средневековой

и новой культур после того, как последняя получила преобладающее значение»⁵.

Как известно, развитие русской архитектуры конца XVII — первой половины XVIII в. (а в провинции значительно дольше) стилистически шло преимущественно в русле барокко, которое, по оценке Д. С. Лихачева, еще в XVII столетии выполняло в России функцию Ренессанса⁶. Если на Западе барокко было связано не только с Возрождением, но и со средневековьем, то в России оно «могло быть лишь продолжением и переосмыслением средневековья», «не возвратилось к средневековым традициям, а подхватило их, укрепило на этих традициях»⁷. В древнерусском зодчестве Лихачев усматривает наличие «единого стилистического кода», легко читавшегося зрителем, а потому допускавшего различные «несовершенства». Постепенно доля нового росла. «Но абсолютно новое не может все же существовать: оно не узнается. Чем примитивнее эстетическое сознание, тем для него больше нужно старого, чтоб воспринимать новое»⁸. Приведенные высказывания дают ключ к пониманию причин традиционализма в зодчестве российской провинции XVIII в., степени способности ее освоить язык новых архитектурных форм.

Литературоведы справедливо называют барокко искусством многослойным, разноуровневым; выделяют «высокое», «среднее» и «низовое» барокко. «Низовое» предназначалось для публики с традиционными вкусами, обращалось к формам народного искусства, соединяя их с формами искусства профессионального⁹. Это касается и барочной архитектуры России: в провинциальных городах и на селе создавались произведения «низового» (но не низкого!) уровня, рассчитанные на посадский и крестьянский люд. Сами зодчие были плоть от плоти народной массы. Даже постройки, возводимые ими для имущих слоев населения, с заимствованиями из арсенала «высокого» (в России XVIII в. это соответствовало столичному) барокко, оставались достаточно самобытными.

Преобладание в провинциальном каменном строительстве церковных зданий (как и в Древней Руси) отвечало иерархии ценностей искусства барокко, главенствующая роль в котором отводилась храмам и их убранству. В условиях провинции церкви оставались важнейшими общественными зданиями, служили не только религиозным, но и «мирским» целям, являлись предметом престижа и гордости не одного заказчика, а всего населения, были «благодатной экспериментальной площадкой для проверки и развития архитектурных приемов»¹⁰. Все это очевидно в наши дни, когда произошло изменение идеологической сущности памятников культового назначения и она перешла в новое качество — эстетическое¹¹.

Оставляя в стороне как особую тему градостроительную роль храмов, мы сосредоточиваем внимание на их композиции и уб-

ранстве, используя преимущественно сравнительно-типологический принцип. Внутри памятников каждого региона (исключая лишённые сколько-нибудь выраженной местной специфики) образованы определенные группы и ряды, позволяющие показать характерные объемно-планировочные и фасадные схемы, составные части убранства по возможности в процессе эволюции. При этом приходится учитывать, что сходство планов не обязательно означало сходства объемных построений (особенно это касается храмовых завершений), а композиция объемов не всегда предопределяла подбор и характер украшений.

Сопоставление региональных школ выделено в особый раздел исследования.

Анализ памятников абстрактен вне картины их создания. Однако ограниченность объема книги вынуждает нас лишь сжато излагать факты, касающиеся организации каменного строительства и самих мастеров. В необходимых случаях даны отсылки к соответствующим публикациям.

Перечисленные вопросы могут быть освещены на примере таких регионов, как север Европейской России, известный под названием Поморья, а также Вятки, Урала. В XVII в., ознаменованном, по характеристике В. И. Ленина, «усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок»¹², здесь проходили важнейшие торговые артерии, ведущие из Москвы к первым морским воротам Руси — Архангельску и в Сибирь. Сибирский торговый путь сохранял свое значение и в следующем столетии. Он совпадал с основным направлением миграционных процессов XVII—XVIII вв. Общеизвестна громадная заслуга поморцев в заселении и освоении Урала и Сибири, которые «приобрели социальную окраску, сходную с Поморьем и стали областью не частного, а государственного феодализма»¹³.

В Поморье и связанном с ним Приуралье рано стали зарождаться капиталистические отношения. «Поморье было одним из тех районов страны, где уже в XVII в. обнаруживаются зачатки экономического районирования, внутренняя специализация и товарное производство сельскохозяйственной продукции, широкое распространение торгово-промышленной деятельности крестьянства, небывалый до этого рост имущественного неравенства ... и другие явления, которые присущи эпохе генезиса капитализма»¹⁴. Примечательно, что главной ареной промышленного предпринимательства стал не центр, а окраинные районы России, особенно северо-восток¹⁵. На Урале в конце XVII в. также «отмечены различные формы промышленного производства, имеющие черты новых социальных отношений, простая кооперация, первые частные мануфактуры с применением наемного труда»¹⁶.

Указанные социально-экономические явления, единые для поморских и приуральских земель, их прочные исторические связи должны были породить известную культурную общность, распространившуюся и на зодчество. Такой общности не противоречит дифференциация по школам, отвечающая исторической географии.

Среди выделенных историком русского Севера пяти природно-экономических зон¹⁷ важнейшей было Центральное Поморье со всеми уездами вдоль Сухоно-Двинского водного пути. Здесь сосредоточены города, в которых в XVIII столетии велось большое каменное строительство — Вологда, Тотма, Великий Устюг, Архангельск. В Вологде Г. И. Вздорнов склонен отрицать наличие особой местной стилистики¹⁸. Это не вполне справедливо в отношении XVII в., когда вологодские храмы обладали некоторым композиционным своеобразием. Однако в XVIII в. они были весьма разнородны, а с 70-х годов стали решаться в столичных формах. Последнее объясняется тем, что Вологда ближе всех поморских городов расположена к Москве и в ней была самая значительная на Севере дворянско-помещичья прослойка¹⁹.

В Нижнем Подвинье роль Холмогор перешла в XVIII столетии к Архангельску, в котором сформировалась интересная школа зодчества. К сожалению, характеристика архангелогородской школы затруднена в связи с утратой почти всех ее и без того довольно немногочисленных произведений, доступных сейчас изучению лишь по фотографиям.

Тотемская школа по времени возникновения была самой поздней в Поморье и пережила в последней четверти XVIII в. короткий бурный расцвет. Но до завершения поисков изобразительного материала по ряду несохранившихся памятников Тотмы и обследования всего тотемского ареала нам нечего добавить к превосходной статье В. П. Выголова²⁰.

По названным причинам мы воздерживаемся от специального рассмотрения памятников Вологды, архангелогородской и тотемской школ. На Севере особого внимания заслуживает Великий Устюг — выдающийся «рассадник искусства», создавший в XVIII в. самую богатую и разветвленную школу северного каменного зодчества. Она вовлекла в свою сферу не только значительную часть Центрального, но и Северо-Восточное Поморье с бассейном Вычегды (Яренск, Усть-Вышь, Усть-Сысольск). Сольвычегодск в этом столетии тоже был лишь периферией устюжской школы. К Поморью ряд историков причисляет и Вятскую землю²¹. Несомненно, что торговые пути ее северных уездов (Хлыновского, Котельничского, Орловского, Слободского, Щестаковского) направлялись в XVII—XVIII вв. в первую очередь к Устюгу и Архангельску. Именно в этих уездах развивалась самобытная вятская школа каменного зодчества. Памятникам вятского юга, тяготевшего к Поволжью, уделено второстепенное внимание.

Урал, ставший с колонизацией Сибири как бы соединительным поясом европейской и азиатской частей Русского государства²², не должен рассматриваться лишь как старинные прикамские уезды. В настоящее исследование включены, помимо Прикамья, восточный склон Урала — Верхотурье и его уезд, Екатеринбург, а также Зауралье, «исторические судьбы которого тесно связаны, с одной стороны, с Уралом, а с другой — с Сибирью»²³. Что касается Южного Урала, в частности Оренбурга, поддерживавшего более тесные связи с Казанью, чем с остальными уральскими землями, то он оставлен за пределами нашей книги²⁴.

Очерченные географические рамки неизбежно условны. Они не во всем совпадают с существовавшим большую часть XVIII в. губернским и еще более важным при изучении культурного зодчества епархиальным делением²⁵. Однако они представляются удобными для исследования и позволяют сосредоточиться на трех региональных школах — устюжской, вятской и уральской.

Оставив в стороне начальный этап местного каменного строительства, мы выделили два крупных хронологических периода. Первый — со второй половины 90-х годов XVII в. (канун или время проникновения барокко) до конца петровской эпохи. Второй — 40—80-е годы XVII в., до начала застройки городов на основе новых генеральных планов и развертывания деятельности губернских архитекторов. Будут рассмотрены также отдельные более поздние памятники, которые в обстановке угасания местных школ и вытеснения их классицизмом еще содержали традиционные для региона черты. Датировки всех памятников XVIII в. даны по архивным источникам, а при отсутствии таковых — по наиболее надежным литературным.

Материал для настоящей книги дали, в первую очередь, многолетние натурные обследования памятников ряда районов Коми АССР, Архангельской и Вологодской областей, всей территории Кировской, Пермской, Свердловской, Курганской областей. Многие постройки вводятся в научный обиход впервые.

Проводились изыскания в фототеках Государственного научно-исследовательского музея архитектуры имени А. В. Щусева, Ленинградского отделения Института Археологии АН СССР, в Центральном Государственном архиве древних актов, Центральном Государственном военно-историческом архиве, Государственном архиве Вологодской области и его филиале в Великом Устюге, Государственных архивах Кировской, Пермской и Свердловской областей.

Необходимо оговориться, что неравномерность имевшихся в нашем распоряжении источников, утрата некоторых важных архивных фондов неизбежно повлекли за собой трудновосполнимые проблемы, особенно в том, что касается истории создания памятников,

их атрибуции. Так, строительная практика середины и второй половины XVIII в. освещается преимущественно на примере Вятки, ибо по другим регионам мы можем привести лишь отрывочные сведения. Исчезновение, часто бесследное, значительного числа памятников требовало и осторожности искусствоведческих обобщений.

Считаем своим долгом поблагодарить сотрудников Государственного архива Кировской области и студентов Свердловского архитектурного института за помощь в работе, плодом которой является предлагаемая книга. Планы памятников вятского зодчества любезно предоставлены Кировской специальной научно-реставрационной производственной мастерской.

ГЛАВА I. КАМЕННОЕ ЗОДЧЕСТВО ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII в. И ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ШКОЛ

**Исторический
обзор**

С наступлением XVIII столетия открылась новая эпоха в истории России. Петровские преобразования привели к большим экономическим изменениям.

Для Поморья они имели главным образом отрицательные последствия, пошатнув его бывшее значение (не подорвав его, однако, всецело). «Перемещение «окна в Европу» из Архангельска к берегам Финского залива и перемещение в связи с этим торговых путей, формирование в стране новых промышленных центров, в том числе в Приуралье и в Карелии, правительственная мобилизация ремесленно-промыслового населения поморских уездов, колонизация Юга, секуляризация монастырских вотчин... все это определило в XVIII в. иное место и иную роль Европейского Севера в социально-экономической жизни страны ... Но вряд ли будет правильным говорить лишь об упадке края... Наоборот, этот край продолжал играть крупную роль... В первой четверти этого столетия Поморье было значительным резервом людских ресурсов, используемых для осуществления производившихся преобразований. Европейский Север продолжал быть резервом заселения и освоения восточных окраин...»¹

Торговля Поморья еще в большей степени, чем ранее, должна была ориентироваться на Сибирь. Яренчанин Григорий Осколков писал в 1707 г. в челобитной царю: «А кроме сибирского и китайского торгу у нас ... в русских городах никакого нет...»². Привоз и отвоз сибирских товаров на знаменитую Макарьевскую ярмарку находился в руках поморских купцов, оттеснявших самих сибиряков³. Что касается традиционного товаропотока к Белому морю, то он неуклонно уменьшался ввиду стеснений, которым подвергал Архангельский порт Петр I. В 1721 г. повелено было «к порту Архангельскому возить товары только из тех провинций, которые прилегли к водяному ходу реки Двины без перевозов». Это означало, что вывоз был ограничен продукцией, производимой в бассейне Северной Двины и к востоку от нее⁴. Сокращение заморской торговли, а также массовое переселение в Петербург приостановили рост северных городов, но соотношение их величин осталось в основном прежним: по первой ревизии наиболее круп-

ным городом был Архангельск (с. Холмогорами), затем шли Вологда и Устюг.

Для северного крестьянства, как и для посада, конец XVII — первая четверть XVIII в. были временем жестоких поборов и мобилизаций, что вызывало значительный отток населения в Сибирь. Еще одним направлением переселения жителей Поморья стали уральские заводы. В отличие от Севера, значение Урала в петровскую эпоху намного возросло. Здесь формировался промышленный район — основная база отечественной металлургии. Среди городов края, помимо Соликамска и Верхотурья, выделялся Кунгур. В 1723 г. был основан город-завод Екатеринбург, призванный также стать административным центром всего уральского горного дела. Отдельные металлургические заводы строились и на Вятке. Крупнейшим городом региона оставался Хлынов, а после него — Слободской.

Петровские реформы принесли с собой культурные новшества, которые на местах прививались неодинаково. В Устюге и на Вятке просветительские начинания наталкивались на инертность или даже прямое сопротивление консервативных сил. Несмотря на то, что вятский епископ Алексей формально выполнил требование Синода об открытии при архиерейском доме школы, фактически она не функционировала. Не появилось в крае и «цифирных» школ⁵. Другу Феофана Прокоповича Лаврентию Горке в бытность свою великоустюжским епископом (1728—1731) не удалось при всем старании открыть в этом городе школу⁶. В Хлынове, где он занимал архиерейскую кафедру с 1734 г. до своей смерти (1737 г.), Горка основал славяно-греко-латинскую школу (впоследствии семинария), но ценой упорной борьбы. На Урале усилиями В. Н. Татищева была организована сеть светских горнозаводских школ.

Северорусское искусство сохранило церковный характер, однако холмогорская и устюжская иконопись уже в конце XVII в. стали ориентироваться на новые течения, а в XVIII столетии под воздействием Петербурга порвали со старыми традициями более решительно, чем, например, Ярославль и Кострома⁷. Новые, барочные тенденции прозвучали также в решении иконостасов, в которые, помимо ордерных форм, стали вводиться резные изображения Распятия и отдельных святых. Впрочем, в трактовке статуй мастера еще не освободились от плоскостных приемов, о чем свидетельствуют фигуры евангелистов, сохранившиеся от иконостаса устюжского Успенского собора 1730—1732 гг. (выполнялся местным резчиком Трофимом Сметанинских)⁸. Сходные изменения, правда, медленнее происходили в иконописи Прикамья⁹, тогда как пермская деревянная скульптура сохраняла еще глубоко архаические черты. В 20—30-е годы XVIII в. на горнозаводском Урале возник светский жанр искусства — графические виды за-

водов, интерьеры цехов (М. Кутузов), берущий начало от технического чертежа.

**Развертывание
«каменного
дела»**

С конца XVII в. каменное строительство в России стало значительно расширяться. Это было связано с правительственной политикой, направленной сначала на реконструкцию старых городских центров,

а затем переключившейся на создание новых городов, крепостей, заводов. В числе таких государственных строек были Верхотурский кремль, Новодвинская крепость, Екатеринбург.

Остальное каменное строительство в рассматриваемых нами регионах было еще целиком культовым¹⁰. В Устюге со второй половины 90-х годов XVII в. до запретительного петровского указа 1714 г. было сооружено не менее семи новых каменных церквей. К этому же времени относятся первенцы каменного зодчества на «периферии» Устюга — в Лальске и на Вычегде. На Вятке каменные храмы стали возводить уже не только в Хлынове, но и в Слободском, Орлове, Котельниче, на юге Вятской земли. На Урале каменное церковное строительство распространилось на Верхотурье, Кунгур, отдельные села, но ведущая роль еще принадлежала Соликамску.

Хронология последующих памятников показывает, что строительная деятельность не была прервана указом 1714 г. Запрет на каменное строительство не всегда соблюдался. Приостановленное строительство тех или иных храмов часто возобновлялось, более того, начиналось новое¹¹. В 20-е годы, когда стеснения еще существовали, устюжский епископ Лаврентий Горка добился права давать разрешение на строительство, не запрашивая Синод¹². Это десятилетие достаточно широко представляют памятники Вятки, а на Урале оно явилось временем создания не только отдельных храмов, знаменитой Невьянской башни, но и ансамблей: Далматова монастыря, строгановских построек в Усолье.

В 30-е годы, несмотря на отмену ограничений, каменное строительство в одних регионах (например на Вятке) почти не велось, а в других было незначительным. В Екатеринбурге В. Н. Татищев намечил обширную строительную программу. Разобрав начатую В. Генниным каменную церковь, «понеже она зачата весьма не в надлежащем месте и не надлежащею препорциею», он собирался выстроить каменные канцелярию, гостиный двор, аптеку, школу и «книгохранительницу»¹³. Однако этим замыслам не суждено было осуществиться. Сооружена была только Канцелярия Главного заводов правления (1736—1739).

Итак, несмотря на то, что за петровскую эпоху каменное строительство в провинции несколько возросло, это было главным образом возведение церквей. Нередко оно осуществлялось по инициативе светских властей. По указанию сибирского губернатора

М. П. Гагарина были выстроены Вознесенская церковь в Усть-Выми, Николаевская в одноименном верхотурском монастыре, Иоанно-Богословская в чердынском. В подобных случаях на население зачастую налагали принудительную разверстку. На постройку Благовещенского собора в Кунгуре воевода потребовал взыскивать деньги с каждого уездного жителя¹⁴.

Определенную роль в организации «каменного дела» сохранили монастыри. Хлыновский Трифонов и Пыскорский Преображенский имели тогда уже по четыре каменных храма, не считая хозяйственно-бытовых построек. Трифонов монастырь начал сооружать каменные церкви и в своих вотчинах (Ноли, Курчум), а «ижидвением» Пыскорского в 30-е годы возводился Христорождественский собор в соседнем Дедюхине. Устюжский Михаило-Архангельский монастырь выстроил и содержал городскую Воскресенскую церковь. Однако каменное строительство было под силу далеко не всем «обителям». По ведомости 1727 г. из 29 монастырей Вятской и Великопермской епархии 20 оставались целиком деревянными¹⁵. Большой вклад в церковное «строение» вносило купечество, особенно устюжское¹⁶, менее характерным купеческое строительство было для Хлынова¹⁷. Обладая финансовыми возможностями, «рыцари торгового капитала» по роду своей деятельности могли знакомиться с новинками зодчества в разных городах¹⁸. Однако большой процент культовых памятников составляло «мирское строение», осуществлявшееся вкладчину посадскими людьми, причем формы этих храмов влияли и на возводимые государством, монастырскими или купечеством.

**Проблема
строительных
кадров**

Как и в XVII в., строительство во многих случаях вели пришлые мастера. При сооружении Верхотурского кремля основная роль отводилась двадцати трем присланным из Москвы каменщикам во главе с «каменного, известного, кирпичного и черепичного дел подмастерьем» Т. Гусевым¹⁹. Гусев и его товарищи выстроили в Верхотурье каменные амбары (1699), приказную палату (1700) и воеводский дом (1701), начали гостиный двор. Их прямое участие в строительстве последующих зданий документально не подтверждено, хотя Гусев находился на стройке до 1704 г. Некоторые сотрудники Гусева в это время и позже брали индивидуальные подряды не только на поставку известки и т. п., но и на сооружение храмов. Крестьянин с. Красное Ярославского уезда Иван Борисов, по прозвищу Сорока, с конца 1705 г. руководил в Далматовом монастыре заготовкой материалов, а затем и возведением Успенского собора²⁰. Когда наступил перерыв, Сорока вернулся в Верхотурье и вместе с другим бывшим членом гусевской артели Никифором Яковлевым Грамотиным взялся в 1714 г. строить монастырскую Николаевскую церковь²¹. Загадочной фигурой остается подмастерье

Максим Гаряев, возглавивший, судя по документам, строительство Верхотурского кремля на позднем этапе²².

На казенных стройках Урала и Сибири использовался труд ссыльных и военнопленных, которые в отдельных случаях выступали в качестве зодчих. В 1718 г. М. П. Гагарин, широко привлекавший шведских пленников к строительству Тобольска, отправил их группу в Чердынь²³. Хотя при сооружении Иоанно-Богословской церкви упоминается «прикащик» Лев Колотилон²⁴, необычный декор фасадов говорит о вероятном творческом вкладе шведов.

О приглашении чужих каменщиков на Вятку в этот период ничего не известно. Зато в Устюге и в его регионе это происходило неоднократно. В 1710 г. строить устюжскую Варваринскую церковь был нанят «от Соли Галицкой мастер церковного каменного дела посадский человек Филипп Яковлев Лихачев»²⁵. Богоявленская церковь в Лальске (кроме позднейших достроек) — произведение артели крестьян Солигаличского уезда: кирпичников Ивана Мошнина и Панкрата Лихачева, каменщиков Андрея Бросаловых, Саввы Коробиных, Михаила Серкина, Якова Амосовых с товарищами, работавших над ней между 1711 и 1715 гг.²⁶

Перестройка кафедрального собора Устюга — Успенского была поручена ярославцам. В октябре 1728 г. «Ярославского уезду Гороцкого стану ... села Медягина деревни Меленко Михайло Большой да Михайло Меньшой Борисовы дети», крепостные князя А. А. Черкасского, дали епископу Лаврентию Горке подрядную запись²⁷. Весной 1729 г. они уже от себя заключили договор с каменщиками — помещичьими и монастырскими крестьянами²⁸. В феврале 1730 г. Михайло Большой должен был отправиться в Ярославль, чтобы к началу сезона возвратиться «с каменщиками тридцатью человеками». В декабре того же года он намеревался ехать для найма каменщиков уже в Галицкую провинцию²⁹. Когда в 1732 г. те же братья Борисовы подрядились возвести «при соборной Успенской большой церкви с южной стороны теплую церковь» и переходы от архиерейских палат, местных работников снова привлекали лишь в качестве подсобных — «кирич, известь и воду носить на то строение»³⁰. Приведенные факты говорят не об отсутствии в Устюге собственных мастеров, а скорее о том, что в глазах архиереев квалификация ярославцев была несравненно выше. Переписные книги города петровской эпохи не содержат данных о количестве каменщиков в Устюге³¹. При весьма оживленной строительной деятельности в городе для первой трети XVIII в. характерно использование в зависимости от ситуации (стоимости предстоящих работ, занятости мастеров на других объектах) то своих, то иногородних каменщиков.

Ко второй половине 90-х годов XVII в. сформировалась крепкая артель каменщиков на Вятке. Входившие в нее Иван Нико-

нов, Тихон Чернятев, Михайло Старков и Исак Москвитинов были коренными жителями хлыновского посада³². Авторство Николова «с товарищи» документально установлено только в отношении Цареконстантиновской церкви (1697) и Воскресенского собора (1700)³³. Но на основе хронологической последовательности местных памятников и стилистических аналогов круг произведений никоновской артели может быть легко расширен за счет храма Преображенского монастыря и Богоявленского собора в Хлынове, Екатерининской церкви в Слободском. Такова предположительная картина работы никоновской артели в 1696—1700 гг.³⁴ В дальнейшем, чтобы избежать правительственных мобилизаций, некоторые хлыновские мастера стали скрывать свою профессию — в переписных книгах 1710 г. ни один из членов никоновской артели не значится каменщиком³⁵. Тем не менее перепись выявила в Хлынове шестнадцать каменщиков³⁶. В последующее десятилетие они, видимо, были переселены или разбрелись, ибо в «сказках» хлыновских посадских людей 1721 г. среди ремесленников города упоминаются всего пять каменщиков³⁷.

Каменщики на Вятке имелись не только в хлыновском посаде, но и в монастырских вотчинах. Хотя Трифонов монастырь, безусловно, располагал своими мастерами, строившие в 1722—1724 гг. в с. Нолях (впоследствии г. Нолинск) Николаевский храм Иван Жуков, Петр Осинцев, Прокопий Соколов и Василий Москвин были крестьянами «Казанской губернии Уржумского уезду Спаского Чепочкина (Цепочкина. — А. К.) монастыря»³⁸, т. е. принадлежали к другому, гораздо менее значительному монастырю.

Как вырастали собственные каменщики на Урале, показывает история сооружения Верхотурского кремля. Приставленные к артели Гусева «дети и племянники» местных посадских, стрельцов, ямщиков и крестьян осваивали новое ремесло³⁹.

Если процесс подготовки верхотурских каменщиков хорошо освещен документами, то этого, к сожалению, нельзя сказать о соликамцах. Между тем в Соликамске, как и в Хлынове, спустя каких-нибудь полтора-два десятилетия после появления первых каменных зданий уже имелись местные строители. Имена тех из них, кто работал в самом Соликамске, неизвестны. Зато есть немалый материал о деятельности соликамских мастеров по Уралу.

В 1703 г. в Верхотурье закладку Троицкого собора осуществляли соликамцы в количестве двадцати четырех человек⁴⁰. Они же, надо полагать, составили костяк артели 1704 г., увеличившейся до тридцати восьми каменщиков. Среди них наверняка были соликамские посадские Агафон Суботин, Лука Марков (Удалых), Василий Мыльников, Иван Шапошников⁴¹, а также, вероятно, посадский Андрей Хорхорин и строгановские крестьяне «Соли Камской села Троицкого» братья Василий Большой, Василий Малой и Алексей Черкаловы. Какой путь довелось проделать им за

1700—1710-е годы, явствует из позднейшего прошения Шапошниково «с товарищи» в Екатеринбургскую Канцелярию Главного заводов правления: «...родом они Соли Камской, и взяты были для каменной работы в Верхотурье, а с Верхотурья в Тоболеск, ис Тобольска по прошению Преосвященного митрополита Федора ... взяты в тюменской монастырь»⁴². Другую часть трудившейся в Верхотурье соликамской артели составляли Емельян Гульков, Антон Зубов, Миней Полескин, Михаил Цаплин, Сысой Агафонов, Данило и Роман Громыхаловы, нанявшиеся затем строить Успенский собор Далматова монастыря. Договор с ними был заключен «на Верхотурье» в январе 1708 г.⁴³

Следует ли, однако, считать соликамцев авторами верхотурского Троицкого собора? Этому противоречат отсутствие в артели 1704 г. лица с наивысшей оплатой (никто не назван главным, и девять, по-видимому, самых квалифицированных работников получали одинаковое жалованье), пребывание в Верхотурье более сведущих московских мастеров, неизвестная дотоле местному зодчеству композиция «восьмерик на четверике». Хотя в «записи» о строительстве собора Т. Гусев фигурирует лишь как поставщик извести, нельзя исключать его руководящего участия. Тогда станет понятным богатое керамическое убранство памятника — Гусев происходил из Гончарной слободы, славившейся своими изразцами. Вместе с тем присутствие на фасадах мотивов, сходных с Крестовоздвиженским собором в Соликамске и Никольской церковью в Ныробе, позволяет предположить, что вызванные в Верхотурье соликамские каменщики ранее работали над этими памятниками и, строя Троицкий собор по указаниям Гусева, обладали определенной свободой в выборе деталей. Соликамцам предоставляли работы и в строгановских вотчинах — в 1730 г. Рязанцев, Котельников и Кожин «с товарищи» получили подряд на сооружение соборной колокольни в Усолье⁴⁴. Но возводили ли они ранее там же хоромы и Спасо-Преображенский собор, нельзя утверждать с уверенностью, ибо масштабный строй и оформление колокольни иные.

В петровскую эпоху на Урале был сформирован специфический контингент заводских каменщиков⁴⁵, которые считались отданными «на заводы к мастерам вечно»⁴⁶. В обеспечении казенных строек и предприятий работниками вольный наем и подряды играли незначительную роль. Т. Гусев именовался подрядчиком, но отправка его и артели в Верхотурье походила скорее на насильственную вербовку. А условия труда на верхотурской стройке оказались таковы, что после первого же сезона Гусев пытался оттуда бежать⁴⁷. Что касается сооружения храмов по заказу отдельного лица (архиерея либо губернатора) или прихода, то уже в ту пору оно, как правило, осуществлялось подрядным способом на основе требований заказчиков: «строить ... по убожеству какова им угодно»⁴⁸. «Размерение» храма подчас предоставлялось самим

мастерам и осуществлялось прямо на стройке. Только этим можно объяснить, что в договорах И. Никонова «с товарищи» на «бутку» (закладку фундамента) и возведение хлыновского Воскресенского собора отсутствуют какие-либо указания на его размеры⁴⁹. Однако перед постройкой Цареконстантиновской церкви Никонову были заданы длина и «поперечник» алтаря, храмовой части и трапезной, а также число окон в каждом помещении⁵⁰.

Большую роль, как в Древней Руси, продолжал играть «образец», выбиравшийся заказчиком. Николаевский собор в Нолях мастера обязались делать «образцем и подобием ... какова построена в городе Хлынове Покровская церковь». При этом некоторые размеры и детали фасадов должны были заимствоваться из другого прототипа: «высота в церкви и в алтарех, в трапезе, и окнами против Воскресенской церкви». Еще ранее ссылки на «образцы» для декора встречаются в документах никоновской артели. У Цареконстантиновской церкви надлежало «теска всякая класть в поясы и в окна и в двери против Спасской церкви», а у Воскресенского собора «делать в поясах, и окна и двери, теска класть как в Преображенском монастыре, или по их (заказчиков. — А. К.) велению»⁵¹. Строительство по «образцу» практиковалось повсеместно. Устюжскую Варваринскую церковь собирались возводить наподобие «собора Иоанна Праведного в том же Устюге»⁵², а Николаевскую одноименного монастыря в Верхотурье — «по образцу соборной церкви», т. е. Троицкого собора⁵³. Следует, однако, отметить, что эти церкви, даже если учесть позднейшие искажения, почти ничего общего не имели с намеченными прототипами. Достаточно далек от таковых и нолинский храм, что лишний раз свидетельствует о том, как свободно перерабатывались «образцы».

Чертеж внедрялся в строительную практику очень медленно. В договорах И. Никонова на него нет и намек. Каменщик Михайло Большой с братом получили от устюжского архиерейского дома «роспись соборной церкви каменному строению», где содержались перечень всех намечаемых работ, габариты вновь возводимых восьмерика, апсид и т. д. с указанием даже толщины стен. Заканчивалась «роспись» примечательной фразой: «...а оному церковному и протчему строению по вышепоказанному реэстру привести ему мастеру рисунки добрым мастерством»⁵⁴, т. е. ожидалось графическое переложение требований заказчика. Похоже, что это было для мастеров затруднительным. Через несколько лет теплый придел при соборе они подряжались строить без чертежа, «величиною каков фундамент под тое церковь зделан», а высоту определить, исходя из технических соображений — «по пропорции, какова надлежит в толщину стены»⁵⁵. Широко чертежи использовались только на казенных стройках Урала, что наблюда-

лось уже при сооружении Верхотурского кремля. Для воеводских палат и башен в 1700 г. были присланы из Москвы «чертеж и описание особое»⁵⁶. Перед строительством приказной палаты «сыну боярскому» Ивану Ежовскому было поручено составить «измерение и смету»⁵⁷.

Позднее в центре горнозаводского Урала — Екатеринбурге была открыта специальная «знаменовальная школа», где обучали рисованию и черчению. На заводах фактически для всех построек выполнялись чертежи. Власти контролировали следование проектно-сметной документации, практиковали авторский надзор. Автору проекта Канцелярии — «определенному к архитекторскому делу» смотрителю лесов Иоганну фон Баннеру вместе с его коллегой Паленом вменялось в обязанность следить за осуществлением здания в натуре «для показания в строении по чертежу»⁵⁸. Те же принципы выдерживались и при постройке церквей. Каменный храм в том же Екатеринбурге Геннин предписывал «по чертежу учиненному от меня строить»⁵⁹.

От мастеров требовали гарантии прочности строений. Михайло Большой и его сотрудники перед началом рискованной перестройки устюжского Успенского собора дали заверение, что «та церковь будет стоять без столпов ... без повреждения вечно»⁶⁰.

Подрядные записи скреплялись поручителями или круговой рукой. «А порука в том во всем мы Иван с товарищи друг по другу», — гласит договор артели И. Никонова с заказчиком Цареконстантиновской церкви. Насколько серьезна была круговая порука, довлевшая даже над родственными связями, показывает такой эпизод. Когда старший из каменщиков Борисовых собирался ехать в Галич, Михайло Меньшой донес архиерею, что «ежели помянутый брат ево ... из Устюга будет отпущен, то он з дороги збежит... А ему ... без брата своего ... церковь и прочие каменные по записи строения достроить одному будет невозможно», и просил Михайлу Большого «из Устюга никуда не отпускать, понеже он ему не верит»⁶¹.

Художественно-стилевые источники

Интенсивное каменное строительство в регионах началось, как мы видим, со второй половины 90-х годов. Несколько ранее в общерусской архитектуре после периода количественных накоплений

произошел качественный скачок. Он ознаменовал собой отказ от «узорочья», отвечая идеологическим сдвигам и началу изживания старины в сфере культуры и быта⁶². На смену «узорочью» пришло так называемое «московское», или «нарышкинское», барокко⁶³. Зарождение барокко на русской почве проходило в значительной мере в церковном зодчестве, которое подверглось еще большему, чем в середине XVII в., «обмирщению». Для объемно-планировочных решений храмов стали характерными простота и симметрия,

часто — центричность, сопровождаемые подчеркнутой высотностью либо ярусностью в формах «восьмерика на четверике».

Развитие нового направления породило смелые конструктивные приемы, позволившие, не прибегая к внутренним опорам, увеличить площадь храмового помещения и осветить его верхним светом. Особая роль принадлежит в этом строгановским зодчим. Обычный вид сомкнутого свода они переработали путем устройства в его вершине двухъярусного восьмиугольного барабана-фонаря и введения диагональных лотков. Другим достижением явился подобный же свод с крестообразно расположенными световыми распалубками. Декоративное убранство потеряло «калейдоскопичность», упорядочилось, образовав четкие метрические ряды, и обновилось за счет элементов западного происхождения — маньеристических и барочных, в том числе всевозможных разорванных фронтонов. На передний план выдвинулся ордер, используемый не только как причудливая декорация, но и как тектоническая система, участвующая в построении объемов здания и его деталей (наличники, порталы). Однако «ордерные элементы обогнали принцип ордерной пропорции»⁶⁴.

В первой четверти XVIII в. подчинение строительства государственным задачам поставило стиль барокко на службу «декоруму» Российской империи, но его экспрессия сдерживалась в ту пору требованиями простоты, практичности и «разумности»⁶⁵. Барочно-европейские приемы и мотивы приобретали скромную плоскостную трактовку.

В Москве, сохранившей в начале столетия первенство в разработке форм культового зодчества, «нарышкинские» традиции были еще сильны, но довольно быстро видоизменялись. В произведениях И. П. Зарудного и его круга возник тип храма с малым восьмериком. Являясь трансформацией прежних ярусных построек, он имел пространственным смыслом «облегчение высотной вертикали над весомым основанием, с ускоренным переходом от земли к небу»⁶⁶. Уменьшение «бесполезной кубатуры» восьмерика отменяло и утилитарно-рационалистическим тенденциям петровского зодчества. Убранство московских церквей того времени, сохранив ряд мотивов конца XVII в., в целом перешло на родственный Петербургу «ассортимент» с тем же плоскостным оттенком. Все это необходимо помнить при анализе стилистики, композиции и декора выделенных нами местных школ зодчества, основным ориентиром для которых была в конце XVII столетия Москва. Правда, в Поморье имелся выдающийся пример строгановской ветви барокко — собор Введенского монастыря в Сольвычегодске (1689—1693). Но размеры его были грандиозны, а белокаменный и керамический декор, выполненный не на месте⁶⁷, слишком роскошен, чтобы с ним по-настоящему соперничать. Могли появиться только отдельные вариации на тему этого убранства.

Москва оставалась главным художественным ориентиром и в первой четверти XVIII в., когда, как замечает В. И. Плужников, «движение идет в основном через Москву с юго-запада на северо-восток, а не в сторону Петербурга»⁶⁸.

Разумеется, общие закономерности развития, как и влияние московской или строгановской архитектуры, раннего Петербурга, проявлялись на местах по-разному.

**Великий
Устюг**

Созданию четкой типологии произведений устюжской школы второй половины 1690-х — первой половины 1710-х годов препятствуют позднейшие, порой определяемые лишь предположительно, переделки памятников, а также наличие переходных форм.

Наряду с продолжавшимся раздельным сооружением летней и зимней церквей (несохранившиеся Троицкая, между 1698 и 1710, и Варваринская, 1710) практиковалось устройство при холодном храме теплого придела (Благовещенская церковь в с. Туглим Ленского р-на Архангельской области, 1710; рис. 1—2, 2—4). Некоторые церкви, как и в более ранний период, опоясаны галерей-папертью с двух (Воскресенский собор в Лальске, 1698—1715; рис. 1—1, 2—7, северная паперть подводит к приделу⁶⁹) или трех (Георгиевская, 1696—1703) сторон. Однако чаще паперть пристраивалась только с запада (Варлаамовская церковь, ок. 1704; не сохранилась). К памятникам, у которых храмовому помещению предшествует трапезная, относятся Дмитриевская Дымковская церковь (1700—1708) и Мироносицкая (1714—1722). В последней трапезная дополнена притвором и крыльцом «на отлете» (рис. 2—1). Колокольню обычно рассчитывали возвести позже, отчего схема храмов даже трапезного типа лишена трехчастности. Исключение составила лишь Дмитриевская церковь (рис. 2—2).

В это же время начинается формирование двухэтажного храма с нижним зимним и верхним летним «апартаментами». Помимо церкви Иоанно-Предтеченского монастыря в Устюге (об этом оригинальном памятнике речь пойдет ниже) ранние примеры таких зданий в регионе дает Вычегда. Если композиция устьевымской Вознесенской церкви (1712; не сохранилась) была асимметрична, с традиционной постановкой колокольни у северо-западного угла, то в цилибской Христорождественской (1713) развита продольная ось. Удлиненность этого трехчастного с выдвинутой вперед колокольней храма — «корабля» (рис. 1—3, 2—3) необычна не только для Севера, но и для Москвы. Его горизонтальная протяженность вступает в известный диссонанс с вертикализмом и яркостью основного объема, перекликающегося с центрическими построениями «московского барокко».

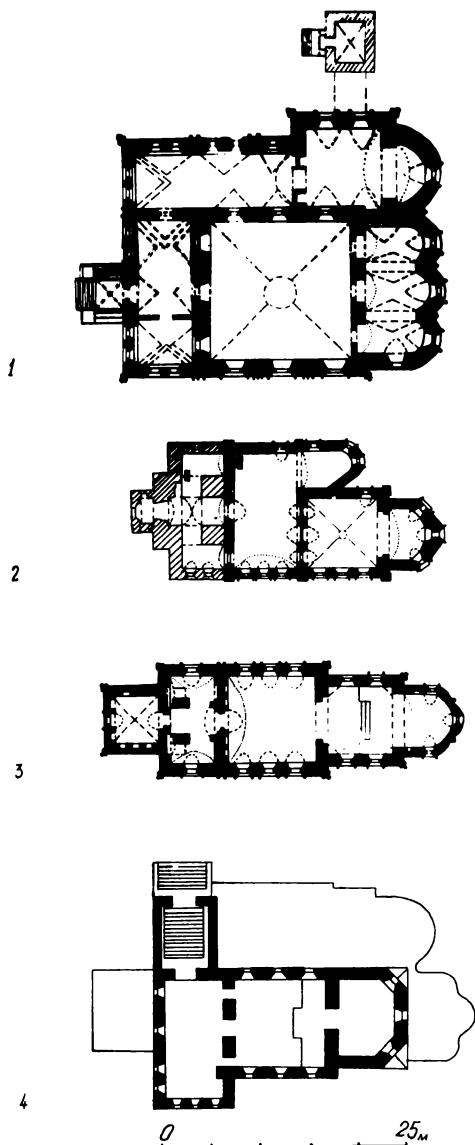


Рис. 1

1 — Воскресенский собор в Лальске. План; 2 — Благовещенская церковь в с. Туглима. План; 3 — Христорождественская церковь погоста Циблиба. План 2-го этажа; 4 — Преображенско-Сретенская церковь в Великом Устюге. Схематический план (по В. П. Шильниковской)

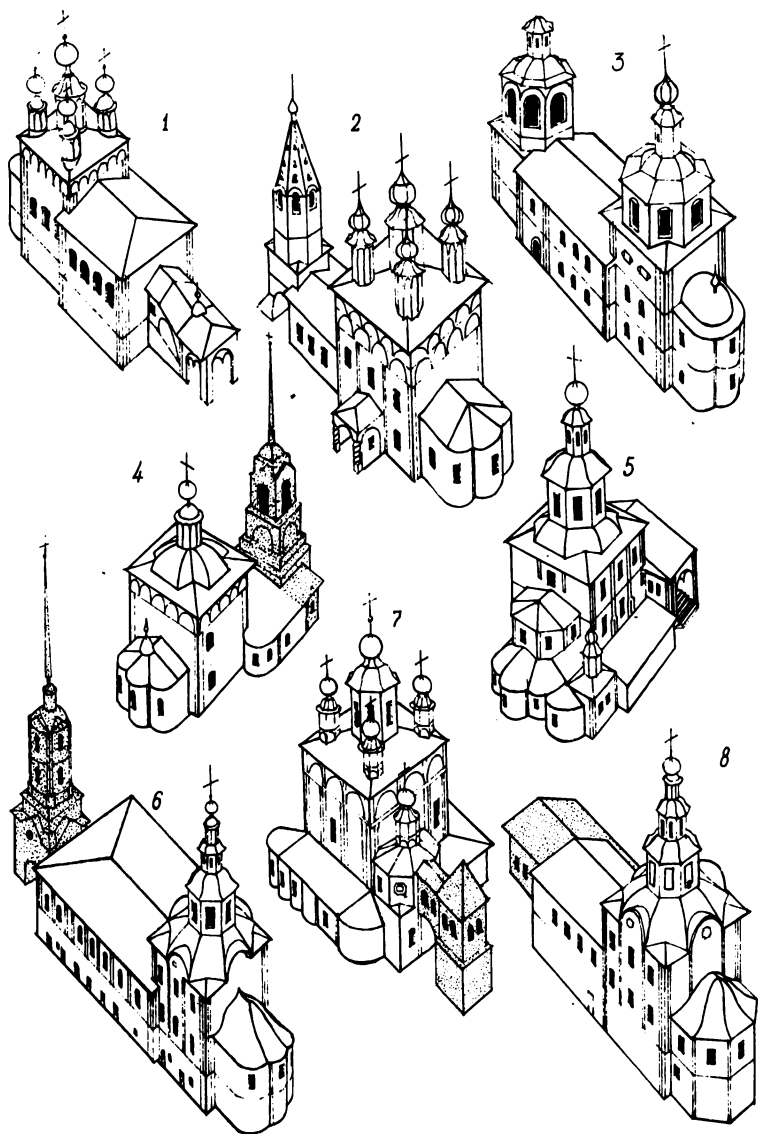


Рис. 2

Схемы объемного построения: 1 — Мироносицкой церкви в Великом Устюге; 2 — Дмитриевской Дымковской церкви в Великом Устюге; 3 — Христорождественской церкви погоста Цилбиа; 4 — Благовещенской церкви в с. Туглими; 5 — Никольской церкви в Великом Устюге; 6 — Иоанно-Богословской церкви в Великом Устюге; 7 — Воскресенского собора в Ляльске; 8 — Преображенско-Сретенской церкви в Великом Устюге

Излюбленным типом завершения оставалось пятиглавие, порой на граненых барабанах (Воскресенский собор в Лальске, Дмитриевская церковь)⁷⁰. Большой восьмерик в Устюге впервые был возведен на Александро-Невской церкви (1707; не сохранилась). Хотя заниженность этого восьмерика и отвечала общим приземистым пропорциям здания⁷¹, все равно он выглядел несколько неуклюже. Вне Устюга широкий восьмерик еще раньше появился в лальском соборе, будучи применен довольно необычно: им увенчан придел. Изящные пропорции приданы восьмерику цилибской церкви.

Крайне важен вопрос о времени проникновения в устюжскую архитектуру малого восьмерика. Родоначальницей этой формы обычно называют Георгиевскую холодную церковь, верх которой В. П. Шильниковская считает закономерным развитием центрального светового барабана⁷². Однако если это так, то малый восьмерик изобретен в Устюге одновременно с Москвой и является предшественником большого (широкого) восьмерика, чему трудно поверить. Из исследователей только В. П. Выголов и Г. Н. Бочаров обратили внимание на то, что «возобновление» Георгиевского храма после пожара 1772 г. не коснулось фасадов, но, по всей вероятности, сопровождалось изменением верха на малый восьмерик⁷³. Для других, ныне не существующих устюжских церквей (Троицкой; Покровской теплой, 1715) изначальность таких восьмериков тоже не бесспорна. Многообразие объемно-планировочных решений местного зодчества дополнял Иоанно-Предтеченский храм (начат в 1695; не сохранился). Основной объем, заключавший в себе два этажа, был возведен восьмериком от земли, что, как и новая пятигранная форма апсид, было подсказано деревянным зодчеством. С запада к нижней церкви примыкали трапезная и келарская, к верхней — паперть, в 1740 г. разобранная и построенная заново с двумя приделами по сторонам. Тогда же у храма взамен прежней главы сделали «восьмерик с окнами»⁷⁴. Следовательно, и в этом случае малый восьмерик был более поздним.

Касаясь композиции фасадов, отметим, что у большинства памятников кокошники сохраняются. Более того, Дмитриевская церковь дает первый для Устюга, но хронологически запоздалый пример завершения стен кокошниками в два ряда. Горизонтальные членения фасадов сводятся, как правило, к отделению тех же кокошников. Кокошники отрезаны поребриковым (Георгиевская, Варлаамовская церкви) или ширинчатым, заполненным изразцами (Дмитриевская) поясом, сплошным изразцовым фризом (лальский Воскресенский собор; Туглим), карнизом (Мироносицкая церковь). Вертикальные элементы — преимущественно колонки, делящие фасад на три прясла. Колонками, собранными в пучки,

оформлялись и углы. Когда промежуточных членений четверика не было, прибегали к угловым лопаткам (Троицкая, Покровская теплая церкви в Устюге; Туглим). Исключением в этом отношении является Мироносицкий храм.

В отличие от устюжских храмов колонки Воскресенского собора в Лальске и цилибской церкви приобрели «валиковые» капители, близкие «нарышкинским» ордерным деталям, а на восьмерике соборного придела мы видим ионические капители. Еще важнее попытки тектонических построений. На южном фасаде лальского храма — не «висячие», а протянутые от цоколя до фриза пары колонок, повторенные в малом масштабе и выше, между кокошниками. В Цилибе угловые колонки в три яруса гармонично увязаны с горизонтальными линиями четверика — междуэтажным карнизом и карнизом на высоте трапезной. «Периферийные» памятники опередили Устюг и другими элементами убранства. Окна Воскресенского собора обрамлены витыми колонками, несущими антаблемент и фронтоны, над нижними окнами — дугообразный, разорванный лишь посередине, где вставлено в плоскость стены «яблоко». Наличники второго ряда заметно усложнены: их колонки имеют ионические (а среднего наличника — коринфские) капители, фронтоны трижды разрезан и заполнен орнаментальным узором (рис. 3—4). В цилибском памятнике устранены архаизмы, еще присутствовавшие в лальском (кокошники, кубышки крыльца и пр.). Треугольным фронтоном наличников, не имеющих выраженного антаблемента, дан оригинальный разрез «изнутри» (рис. 3—5). Верх четверика украшен ложными окнами-картушами. Овально-прямоугольные и четырехлепестковые, они соединены по вертикали подобием кокошника.

В самом Устюге в последнее десятилетие XVII в. и первые полтора XVIII в. картина была иной (рис. 3—1, 2). У таких храмов, как Георгиевский холодный, Варлаамовский, Троицкий, полностью отсутствует «нарышкинский» декор. Робко звучат его отголоски в разорванных фронтонах наличников трапезной и витых столбах (опирающихся, однако, на кубышки) крыльца Дмитриевской церкви. Даже в Мироносицком храме, замыкающем этот хронологический этап, оставлены колонки-«дудочки», кокошники, и новое заявляет о себе лишь в обрамлении окон. Наличники четверика — с колонками на двойных кронштейнах, антаблементом и двумя встречными завитками. Выше — зеркально перевернутые малые завиточки, между которыми вдавлена ширинка. Венчает наличник укрепленный на кронштейне миниатюрный «столбик» (рис. 3—6). Несколько проще оконные обрамления трапезной и апсиды: их завершение не имеет «столбика», а малым завиточкам, укрепленным на полочке, придано аналогичное большим «встречное» расположение. Описанные наличники не снижают общего традиционализма устюжских фасадных декораций того вре-

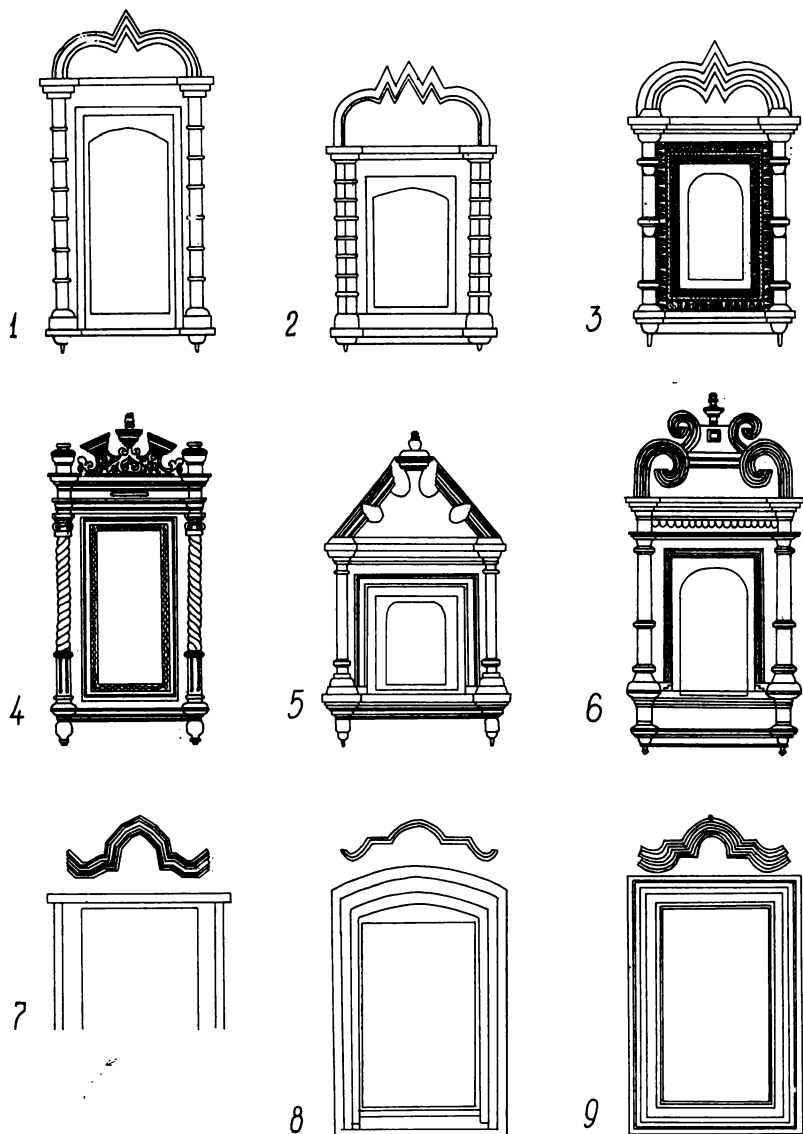


Рис. 3

Наличники: 1 — Спасо-Преображенской церкви в Великом Устюге; 2 — Дмитриевской Дымковской церкви в Великом Устюге; 3 — Благовещенской церкви в с. Туглим; 4 — Воскресенского собора в Вольске; 5 — Христорождественской церкви погоста Цилиба; 6 — Киприановской церкви Михаило-Архангельского монастыря в Великом Устюге; 7 — Миноносичской церкви в Великом Устюге; 8 — Иоанно-Богословской церкви в Великом Устюге; 9 — Преображенско-Сретенской церкви в Великом Устюге

мени. Видимо, местные вкусы пока противостояли воздействию «московского барокко» (в том числе и его строгановской ветви), столь осязаемому в Лальске, где ордерно-барочные мотивы имели источником храм сольвычегодского Введенского монастыря. Однако лальский Воскресенский собор объединяет с современными ему устюжскими памятниками решение пятиглавия и особенно изразцовое убранство⁷⁵. Что касается Христорождественской церкви в Цилибе, то хотя ее колокольня с невысоким восьмериком ярусом звона не лишена сходства с известным храмом в Гордеевке, в целом эта постройка не может быть причислена ни к строгановской школе, ни к сфере влияния Устюга.

Серьезные изменения произошли в устюжском зодчестве только в 20-е годы XVIII в., когда в композиции установился храм двухэтажного типа, а в убранстве исчезло «узорочье» и появился «нарышкинский» и позднепетровский декор. Иоанно-Богословская (после 1715—1725; не сохранилась, рис. 2—6), а затем Преображенско-Сретенская церкви (1725—1739; рис. 1—4, 2—8), не являясь двухэтажными в полном смысле слова, имели подклеты. Не только подклет, но и трапезная Иоанно-Богословского храма, возведенная на семь осей и имевшая с севера во всю длину придел, были обширнейшими в Устюге⁷⁶. Алтарь сохранял полукруглую троечастную форму. Однако на четверике, наделенном взамен кокошников полукруглыми фронтонами — «полуглавиями», было возведено три убывающих малых восьмерика, верхний из которых служил барабаном главы. Сходная с Иоанно-Богословской церковью постановкой на подклете и вытянутостью в длину Преображенско-Сретенская церковь также увенчана тремя восьмериками. Но В. П. Шильниковская указала на оригинальную особенность памятника — устройство звона в первом и втором восьмериках, что потребовало перекрытия четверика однолотковым сомкнутым сводом со спрямленной восточной стеной⁷⁷. Апсида этого храма «под колоколы» — цельной пятигранной формы.

Другую композиционную подгруппу составляют несохранившаяся Христорождественская (1716—1729; рис. 4) и Никольская (начата в 1682, второй этаж — не ранее 20-х годов XVIII в.; рис. 2—5) церкви. Как в двухэтажных культовых зданиях XVII в., алтарная часть решена здесь уступом, правда, с тройной полукруглой нижней и уже пятигранной верхней апсидами. Соблюдение ступенчатости алтаря предопределило сдвиг помещений: теплый храм оказался под апсидой холодного, а его трапезная — под самым холодным храмом. С запада имелась широкая двухэтажная паперть с крыльцом на одну сторону. К противоположному концу паперти Христорождественской церкви примыкала колокольня, у Никольской она поставлена отдельно. Оба памятника, в отличие от Иоанно-Богословской и Преображенско-Сретенской



Рис. 4. Христорожественская церковь в Великом Устюге

церквей с продольно-осевым принципом композиции, имели относительно компактное построение и в то же время содержали элементы традиционной асимметрии. Венчали их два малых восьмерика без «полуглавий». Завершение малым восьмериком отныне стало в Устюге доминирующим. Если же говорить о восьмериком пятиглавии Успенского собора, то оно появилось благодаря стремлению епископа — «малороссиянина» Лаврентия Горки переделать свой кафедральный собор, насколько допускала старая основа, на манер барочных храмов Украины. Недаром и закомары собора XVII в. при перестройке были изменены на фигурные фронтоны («четыре щипца шпренделем и з завитнями», как они обозначены в договоре с подрядчиками).

Шатровую форму колоколен, еще сохранявшуюся в начале XVIII в. (Дмитриевская церковь), сменил восьмигранный столп на широкой прямоугольной «палатке» (колокольня Никольской церкви) или вытянутом четырехгранном основании (колокольня Христорождественского храма). Прорезанный поверху арками звона, этот столп завершался небольшим восьмеричком и шпилем — одним из характернейших атрибутов петровской архитектуры.

На фасадах местных памятников 20—30-х годов XVIII в. выдерживается четкая сетка членений. Метрический шаг распространяется и на простенки трапезной, и на колокольню (основание Христорождественской колокольни разбито на «этажи» с рядами ложных окон). С ростом четверика в высоту его верхняя часть стала отделяться карнизом на уровне трапезной и апсиды. Ордерные элементы чаще следуют той же «этажности», и только у Преображенско-Сретенской церкви они выражают настоящую высоту основного этажа. Любопытна разбивка второго этажа Спасо-Обыденного храма в Сольвычегодске (освящен в 1730): при отсутствии разделительного карниза друг на друга поставлены два яруса колонок соответственно рядам окон. Усиление ордерности не означало ее серьезного понимания и было отмечено наивностями, что особенно наглядно на северном фасаде Никольской церкви, средние пилястры которого «раздваиваются» книзу.

Фасады приобретает «графичность» — также результат влияния петровского зодчества. Колонки все чаще заменяются пилястрами. В Иоанно-Богословской церкви на углах и между верхними окнами четверика имелись колонки, остальные же промежуточные членения создавали пилястры, которыми была обработана и трапезная. На пилястровую декорацию перешли строители вторых этажей Христорождественской и Никольской церквей, Преображенско-Сретенского храма. Прорисовка пилястр — пьедестал с прямоугольной филеюшкой, тонкий ствол без энтазиса и особенно капитель из полочки и валика — лишь отдаленно напоминает дорический ордер. А над капителью пилястры (как ранее над ионическими колоннами строгановских храмов) нередко имеет-

ся вогнутая плита — принадлежность коринфского ордера. Пиллястры Христорожественской церкви каннелированы. Весьма оригинальны они у Преображенско-Сретенской церкви — имеют фигурную форму, по мнению всех исследователей, навеянную витыми иконостасными колонками.

Наличники зданий подчас совмещают черты трех художественно-стилевых периодов. В первом этаже Христорожественской церкви они носили вполне древнерусский характер, завершаясь килевидным кокошником. Верхний ряд второго этажа составляли наличники «нарышкинского» типа, с колонками и разрезным фронтоном. Новаторскими были обрамления окон нижнего ряда в том же этаже, включая апсиду. Среди них — «ушастые», прямо воспроизводившие мотивы «петровского барокко». Однако еще важнее появление простой уступчатой рамки из нескольких валиков — будущей основной формы устюжского наличника. Если прикомпонованный к такой рамке разорванный фронтонык (Никольская церковь) означал симбиоз «нарышкинских» и позднепетровских мотивов, то изогнутый сандрик — бровка сочетался с ней гораздо органичнее. Трудно установить, когда возникли в Устюге такие бровки, перерабатывавшие декор петербургских построек. На Киприановской церкви Михаило-Архангельского монастыря (ок. 1710) заметна неустоявшаяся форма некоторых из этих деталей. Средняя часть вытянута вверх, а боковые, без обычного впоследствии горизонтального перехода, опрокинуты книзу (рис. 3—6), что говорит как будто о раннем происхождении⁷⁸. Во всяком случае, в 20-е годы XVIII в. бровки были, несомненно, широко распространены (Иоанно-Богословская, Преображенско-Сретенская церкви, рис. 3—7, 8), а абрис их стабилизировался. Обновление декоративного арсенала не сводилось к использованию пиллястр и рамочных наличников с бровками. Появились также подоконные картуши, вытянутые по горизонтали и иногда заполненные сочными розетками. Розетки на Преображенско-Сретенском храме украшают и постаменты пиллястр.

Именно 20—30-е годы XVIII в., когда в Устюге был выработан свой тип двухэтажного церковного здания, увенчанного малым восьмериком, и совершен поворот к плоскостному декору, могут со всем основанием считаться временем утверждения местной школы зодчества.

Вятка

После строительства двух крупных соборов, в 90-е годы XVII в., на Вятке стал распространяться иная, трапезный тип церквей. Объемно-планировочное решение обычно включало основной бесстолпный четверик с тремя полукруглыми апсидами, трапезную, часто двухстолпную, использовавшуюся для службы зимой, и паперть с открытым крыльцом на квадратных столбах. Позднейшие искажения не позволяют точно проследить

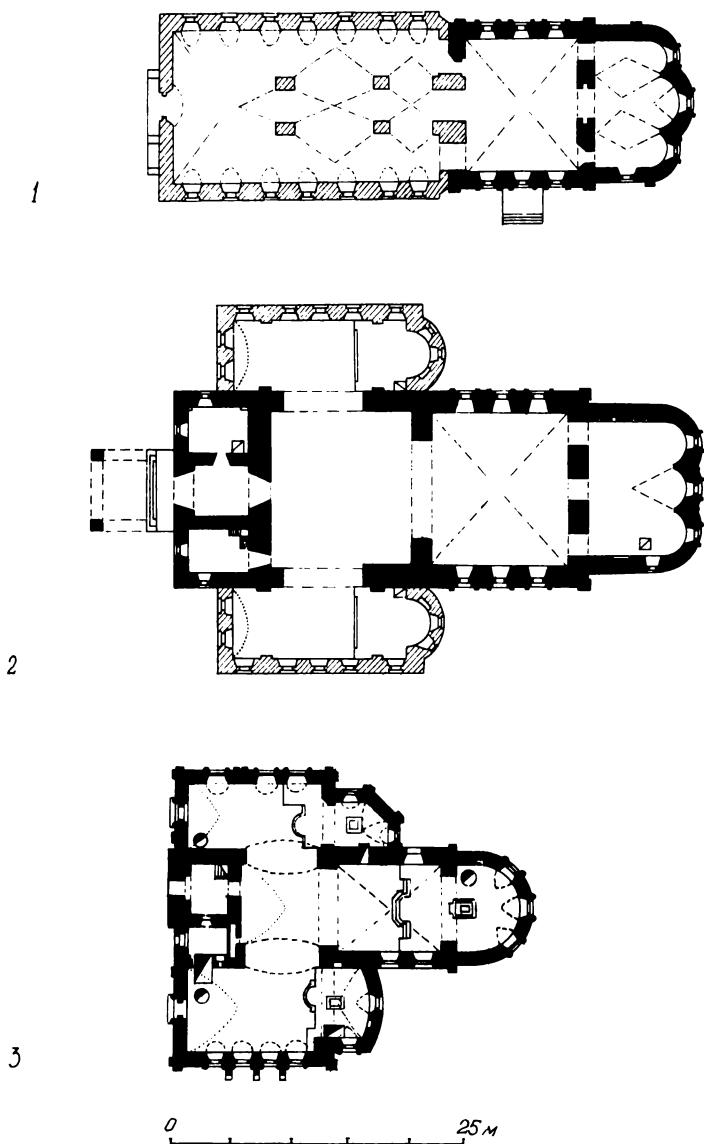


Рис. 5

1 — Преображенская церковь Преображенского монастыря в Хлынове (Кирове). План; 2 —
Екатерининская церковь в Слободском. План; 3 — Покровская церковь в Кукарке
(Советске). План

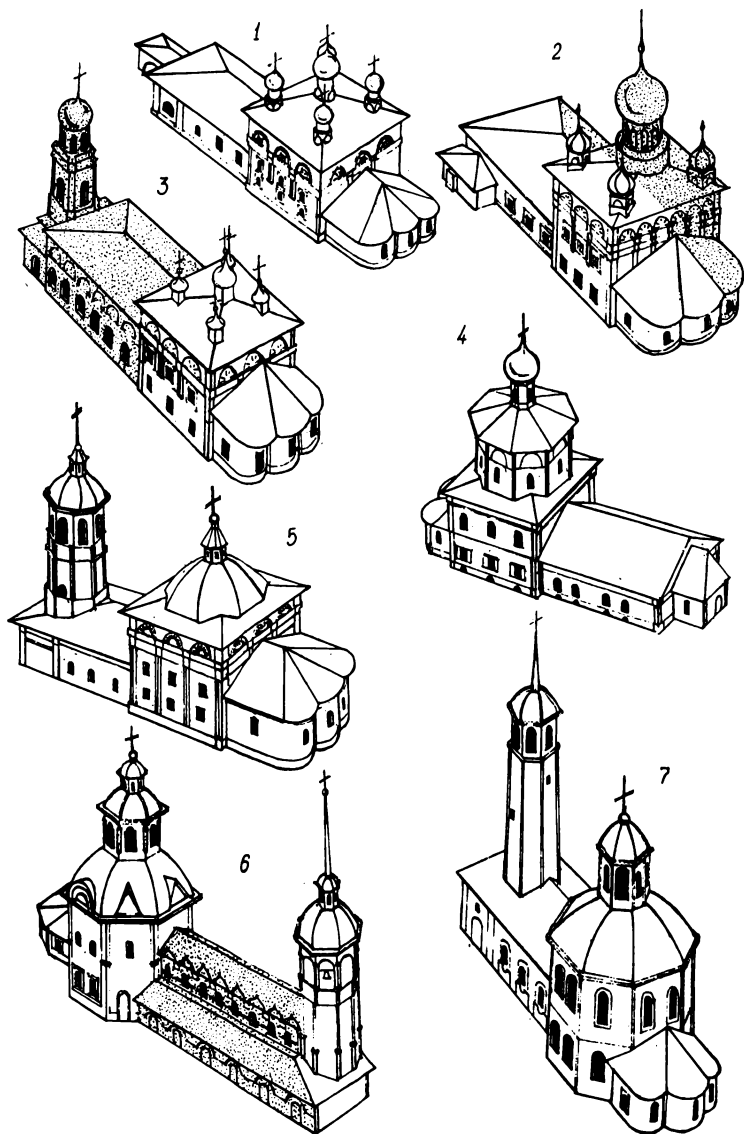


Рис. 6

Схемы объемного построения: 1 — Екатерининской церкви в Слободском (реконструкция); 2 — Сретенской церкви в Слободском; 3 — Воскресенского собора в Хлынове; 4 — Преображенского собора в Слободском; 5 — Покровской церкви в Хлынове; 6 — Иоанно-Предтеченской церкви в Хлынове; 7 — Всесвятской церкви в Хлынове

данную схему во всех памятниках этого периода; она была отчетливо выражена в не существующем теперь хлыновском Богоявленском соборе (1698), слободской Екатерининской церкви (1699; рис. 5—2, 6—1), а также, по-видимому, в Троицкой церкви с. Костино (точная дата неизвестна), храме Преображенского монастыря (1696; рис. 5—1) и Воскресенском соборе в Хлынове (1700; не сохранился; рис. 6—3).

Четверик перекрывался сомкнутым сводом без фонаря и завершался декоративным пятиглавием, реже — одноглавием. Колоколен почти ни один из этой группы памятников первоначально не имел. Фасады членятся на три части спаренными, опущенными лишь до высоты алтаря и трапезной колонками, между которыми — поребрик. В случае, если четверик был всего на две оси и разбивка его делалась двухчастной (Введенская церковь Богоявленского собора строители от промежуточных членений воздержались, а число окон в обоих рядах не совпадало. Но всегда на углах храмового объема выведены понизу лопатки, служа колонкам своего рода пьедесталом. В средних членениях колонки, хотя и опираются на ступенчатые полочки, выглядят «подвешенными» к раскреповкам широкого пояса, который отделяет кокошники. Этот пояс составлен из полосы поребрика, перебиваемой завершениями наличников, двойного карниза на кронштейнах, балясинового фриза и дополнительного карниза (рис. 7).

Подобное «сцепление» деталей довольно сходно с принципом фасадной композиции середины XVII в., определяемым В. В. Згурой как «стремление к созданию единства фасада наряду с богатством его расчленения»⁷⁹. Однако при всей пластической усложненности сдвиг боковых окон к центру позволял вятским зодчим высвобождать стенные плоскости, которые в нижней части фасада еще обширнее. Эта роль гладкой стены в качестве фона витиеватой декорации особенно ярко проявилась в Воскресенском соборе. Апсиды, украшенные поверху легкой аркатурой, разделены колонками укрупненного масштаба, которые, как и на четверике, сохраняют безордерный характер. Ствол весьма своеобразных алтарных колонок Екатерининской церкви обработан «бороздками». (попытка создать витую колонку?), но перебит посередине дынькой.

В обрамлениях окон колонки использовались довольно мало (впрочем, в наличниках северного фасада Воскресенского собора встречались уменьшенные подобию только что описанных «витых»). Чаше мастера выкладывали тяги — из распространенных в эпоху «узорочья» пар миниатюрных балясинок, а также розеток, аппликативных или в виде рельефных кружков. Иногда такие кружки образуют вторую и даже третью внутреннюю рамку (Преображенская церковь; рис. 8—2). Но в большей степени местные декоративные вкусы выражали наличники, выложенные набором бу-

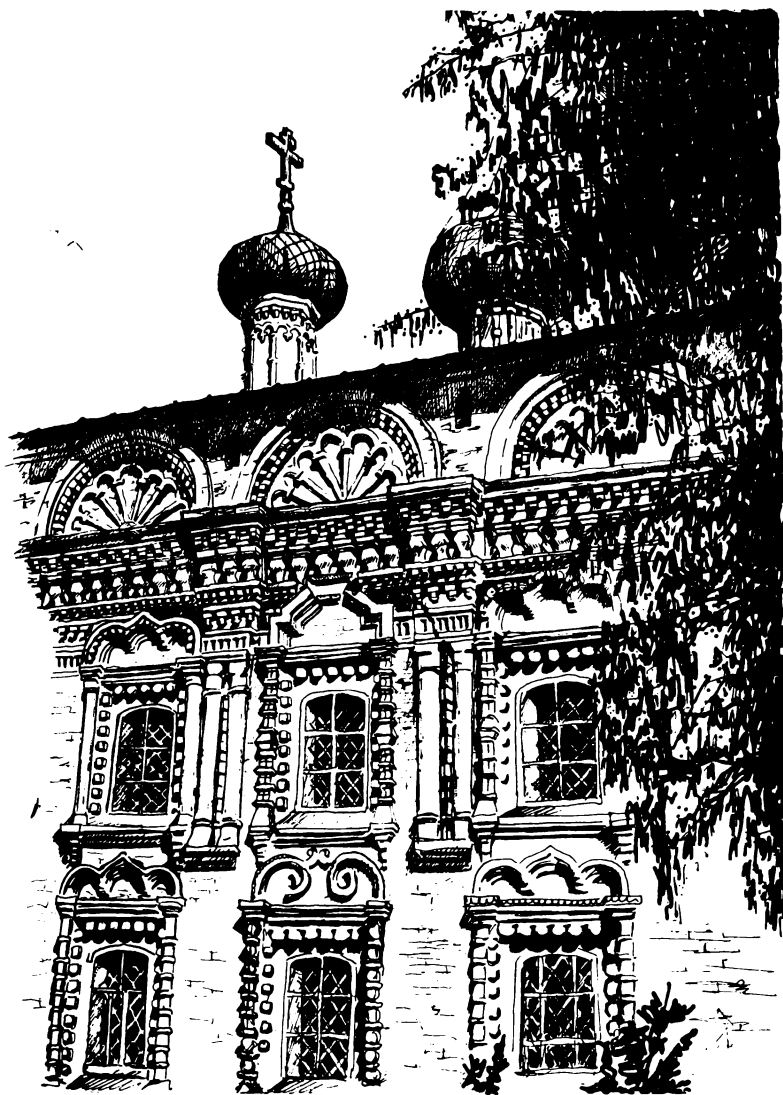


Рис. 7. Екатерининская церковь в г. Слободском

син наподобие жгутов (рис. 8—1). Кокошник наличника нередко выполнялся по внешнему очертанию из тех же жгутов-бусин и многообломен. Правда, почти сплошное заполнение тимпана, как и включение плиток с изображениями креста (бесплодные изразцы?), после Преображенского храма не повторялось. Кокошники имеют преимущественно плавный, бочкообразный абрис, реже встречаются трехчастные. Особенно интересны пятиугольные завершения наличников (центральное верхнее окно южного фасада Екатерининской церкви). Незначительное место в декоративном наборе занимают ширинки. Со вставкой-«кувшином» находим их над углами четверика Преображенской церкви и фланкирующими вход в Богоявленский собор.

Эти разнообразнейшие мотивы не выходят за пределы стилистики середины XVII в. Можно было бы утверждать, что северные уезды Вятской земли до начала XVIII в. остались вне влияния «московского барокко», если бы не два декоративных элемента, использованные в Екатерининской церкви и Воскресенском соборе. Первый — вписанные в полукружия кокошников раковины, снискавшие затем на Вятке большую популярность, второй — «завитковые» наличники. Отмеченные новшества, однако, вплетались в прежнюю затейливую канву. Завитками завершался только верхний ряд окон одного из фасадов, тогда как на противоположном одиночный наличник нового типа, к тому же с тягами вместо колонок, терялся среди старозаветных «узорчатых» деталей.

Надвратная Никольская церковь Трифонова монастыря (ок. 1700) отличается от рассмотренных памятников последовательно выдержанной повторяемостью фасадов и отчасти мотивами убранства. Как на северном, так и на южном фасадах нижние ряды окон — «тройня» с приплюснутыми волнистыми кокошниками на колонках, по контуру проема выложены «сухарики». Верхние окна тоже однотипно обрамлены наличниками с колонками и завитками. Вставка между завитками «яблоком» врезается в мелкопрофилированный поребриковый пояс, совсем не похожий на использованный в других вятских постройках. В промежутках угловых колонок — не поребрик, а валик. Особенности этого торжественно, но относительно сдержанно декорированного храма заставляют приписать его не местным мастерам.

На юге региона, кроме построек, совсем не затронутых новыми веяниями (Покровская церковь в Кукарке, ныне г. Советск, 1700; рис. 5—3), есть примеры барочного декора иного, чем на севере, оттенка. Наличники с разорванным вогнутым фронтоном и коринфскими (правда, и здесь перехваченными дыньками) колонками имеем в Яранске на шатровой колокольне Троицкой церкви (1694?), а также, с тягами вместо колонок, на Благовещенской церкви (дата неизвестна; рис. 8—4). Близ Яранска, в с. Шошма, находится церковь Рождества Богородицы — храм,

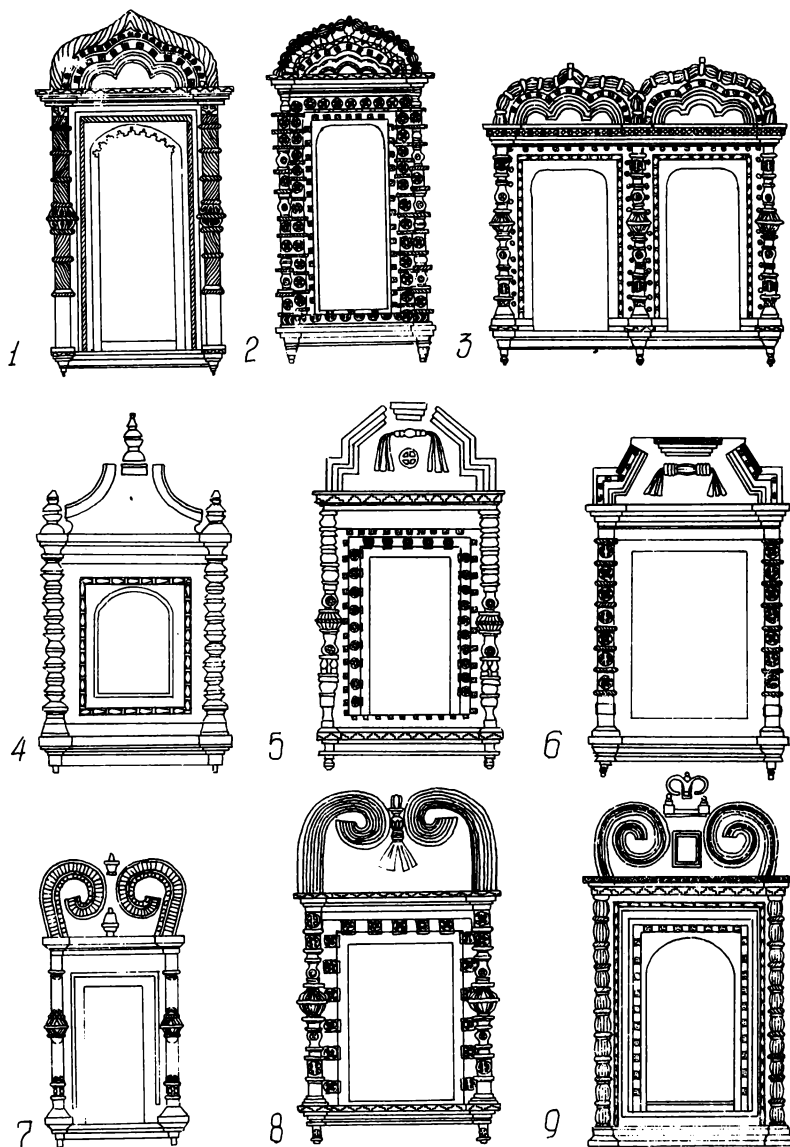


Рис. 8

Наличники: 1 — Троицкой церкви в с. Костинно; 2 — Преображенской церкви Преображенского монастыря в Хлынове; 3 — Пятницкой церкви в Хлынове; 4 — Благовещенской церкви в Яранске; 5, 9 — Николаевского собора в Нолинске; 6, 8 — Знаменско-Богородицкой церкви в с. Пасегово; 7 — Иоанно-Предтеченской церкви в Хлынове



Рис. 9. Пятницкая церковь в Хлынове (Кирове)

содержащий зрелые черты «московского барокко», типа «восьмерик на четверике», с изящной восьмигранной колокольней, наделенной тремя ярусами звона. Некоторые фасадные детали (коринфские капители колонок) вытесаны из белого камня. Но в целом убранство церкви не сходно с декором московских и подмосковных храмов и либо, как в рисунке наличников, сближается с казанскими и чебоксарскими, либо оригинально («резные» контуры наверший граней восьмерика). Этот первоклассный памятник в вятском регионе стоит особняком. Не установлена и дата его сооружения (предположительно — последние годы XVII в.).

Несмотря на преобладание архаичных приемов, зодчество Вятки к началу XVIII в. обрело самобытность, достаточную, чтобы говорить о местной школе. В первой четверти XVIII в. схемы вятских культовых зданий претерпели мало изменений. Двухэтажный храм в регионе почти не разрабатывался (исключение — несохранившаяся церковь Цепочкинского монастыря, 1700—1718). Однако в храмовых завершениях использовался и «восьмерик на четверике». Возведенный на подклете Преображенский собор в Слободском (1699—1717; не сохранился; рис. 6—4), вытянутый в плане, венчал подчеркнуто тяжеловесный широкий восьмерик, лишенный вертикализма. Более живописной была композиция хлыновской Пятницкой церкви (1705—1712; рис. 9). Ее массивный восьмерик также венчала главка на круглом барабане. Но расширявший трапезную с юга придел и пристроенная к северной стене паперти колокольня вносили асимметрию.

На Вятке распространение широкого восьмерика происходило в своеобразной связи с деревянным зодчеством. Хотя, судя по писцовым книгам XVII в., вятские деревянные церкви были преимущественно клетского типа, «восьмерик на четверике» был, конечно, хорошо известен местным плотникам. Где возведение восьмерика в камне представлялось дорогим или технически сложным, его воспроизводили в привычном материале — дереве. Представление о подобном сочетании дает документ 1783 г., касающийся нолинского храма: «...при означенной Николаевской церкви самый материк складен четверугольной каменной, на нем шестерик нарублен деревянной»⁸⁰. Если на каменных церквях встречалась даже редкая форма деревянного шестерика, еще реальнее существование на них деревянных восьмериков.

Облик вятского храма дополняли оригинальные кровли — «курмы», представлявшие собой покрытия кубоватого типа. Упомянутые деревянные шестерики (восьмерики) венчались кубами-луковицами, а у некоторых памятников «курма» возвышалась непосредственно на каменном четверике. На Благовещенской церкви Трифонова монастыря (ок. 1726—1728), согласно описи 1764 г., была «курма осмигранная тесовая, на коей глава обита лемехом»⁸¹. То же угадывается и на Знаменско-Богородицком храме

с. Пасегово (1726). Очертания подобного покрытия, о которых в какой-то мере можно судить даже по позднейшим железным кровлям, были весьма созвучны барокко. Очевидно, деревянные надстройки порой достигали внушительных размеров. Епископ Лаврентий, осмотрев в 1776 г. обветшавшую каменную церковь подгородного хлыновского Иоанно-Богословского монастыря, нашел, что «деревянное строение, имеющееся на верху церкви ... кажется оно излишнее и для стен в разсуждении тягости вредное»⁸².

Неудивительно, конечно, и перенесение в вятские каменные храмы восьмерикового объема от земли. Промежуточное положение между памятниками такого типа и обычным «восьмериком на четверике» занимала несохранившаяся Тихвинская церковь в с. Красном (1715). Стены ее храмовой части со стороны трапезной образовывали трехгранный выступ, чего, однако, не было с восточной стороны, вероятно, для сохранения тройного деления алтаря. Хлыновская Иоанно-Предтеченская церковь (1714—1723; рис. 6—6), сооруженная восьмериком, имеет пятиугольную апсиду. Еще одним храмом «в виде восьмигранной башни» был в Хлынове Всесвятский (освящен в 1723 г.; не сохранился; рис. 6—7)⁸³. Чем завершались эти постройки, неизвестно. Но не с Иоанно-Предтеченской церкви началось распространение на Вятке малого восьмерика, ибо в данном случае он наверняка был сделан при перекладке верха храма после 1775 г.⁸⁴ Нет полной уверенности и в том, что малым восьмериком изначально венчалась хлыновская Владимирская церковь (1707—1718, придел — 1724; не сохранилась)⁸⁵.

Вятские колокольни приобрели в тот период восьмигранное столпообразное построение. Среди них отметим монументальную колокольню Трифонова монастыря, выделяющуюся крупными арочными пролетами и дополнительным восьмериком, который избежал переделок (ок. 1714; ныне разобрана), а также колокольни Пятницкой церкви с уникальным расширением «повалом» при переходе к аркам звона⁸⁶, и Всесвятской — очень высокую, с совершенно гладкими гранями.

По сравнению с объемными композициями фасадные изменения были незначительны. Наметилась некоторая тенденция к укрупнению членений. Чаще стала акцентировка только углов объемов, используемая, главным образом, в храмах «восьмериком на четверике» (Преображенский собор в Слободском). Вместо «висячих» колонок появились колонки, выведенные на высоту обоих рядов окон (несохранившаяся хлыновская Покровская церковь, 1709, рис. 6—5; Пасегово). Декоративный арсенал оставался в общем прежним, продолжая «узорочье» зданий второй половины 90-х годов XVII в. Например, в той же Покровской церкви балясиновый пояс, оконные обрамления с измельченными тягами, трехчастным или пятиугольным кокошником, да и раковины не вно-

силы ничего нового. Не был освоен «нарышкинский» ордер — колонки были еще безордерные. В отдельных случаях, как в Иоанно-Предтеченской церкви, их заменяли вертикальные ряды ширинок, а восьмерики слободского Преображенского собора и хлыновской Пятницкой церкви обработаны «переломленными» на стыках граней лопатками. И тем не менее наблюдались сдвиги, которые проявлялись в подборе деталей, их масштабе, варьировании знакомых мотивов, а иногда — введение новых. Так, мотив балясин, используемый в подкарнизных поясах, стал иногда дополняться имитацией «балюстрады» на цоколе (Пасегово).

Вятские зодчие не только не отказались от кокошников, но перенесли их в новомодные храмы «восьмериком на четверике». Однако восьмерик Пятницкой церкви украшали не обычные, а весьма оригинальные кокошники, представлявшие собой как бы часть рамы со скругленным посередине завершением. Касаясь наличников, отметим в том же Пятницком храме созданные не без влияния деревянного зодчества остроугольные «скатные» фронтончики, над одним из окон придела почти зигзагообразные. Начиная с хлыновской Покровской церкви, Трехсвятительской церкви Трифонова монастыря (ок. 1714) в тимпаны стала часто вводиться «кисть», даже двойная.

Известный нам пятиугольный кокошник мог быть «разрезан» и тем самым уподоблен разорванному фронтону. Правда, это делалось нерешительно и эпизодически, на одном-двух наличниках (Нолинск, рис. 8—5; Пасегово, рис. 8—6). Куда явственнее барочный привкус в «завитковых» наличниках, роль которых, безусловно, повысилась. Кое-где (к примеру, в несохранившейся Сретенской церкви в Слободском, 1720—1726) этот вид наличника потеснил остальные⁸⁷. Завитки увеличивались в размерах, и при подчеркнутой тяжеловесности были весьма динамичны. Особенно замечательны они над нижними окнами хлыновской Иоанно-Предтеченской церкви. «Стебли» завитков как бы выпячиваются в стороны, не образуя прямой линии с поддерживающими их колонками, а на изгибе упираются друг в друга, напоминая упругие рога (рис. 8—7). Иначе решен столь же крупный средний алтарный наличник нолинского Николаевского собора (рис. 8—9). Завитки, разделенные киотом, над которым помещен «пальмовидный» элемент, сильно закручены и трансформированы в «спиральи».

Барочность подобных деталей проявилась бы ярче, если бы не дробная профилировка основного оконного обрамления, состоявшего все из тех же традиционных балясинок, жгутов или кружков (рис. 8—8). В качестве несколько более передовых по стилю следует расценивать наличники восьмерика Пятницкой церкви. В отличие от архаичных наличников ее четверика (рис. 8—3), они «завитковые», на колонках со стволем, заключенным понизу

в круглую «муфту». В центральном наличнике апсиды Иоанно-Предтеченского храма, в отличие от основного объема здания, доминируют не завитки, а витые колонки с грубыми подобиями коринфских капителей.

Эти тенденции не изменили принципиально характера вятской школы, и в первой четверти XVIII в. придерживавшейся принципов «узорочья».

Урал Каменная архитектура Урала петровской эпохи, хотя и незначительно, представлена крепостными и гражданскими постройками. В числе первых — ворота Верхотурского кремля, широкая арка которых фланкирована парами колонн на постаментах. Над аркой идут декоративная балюстрада и киот между двумя наклонными завитками. Ступенчатый аттик ворот образован зубцами, украшенными «яблоками» и накладными фацетированными кирпичами в шахматном порядке. Шипцовым, иного силуэта было завершение восточных ворот Далматова монастыря. Арка здесь заключена в прямоугольное обрамление из кирпичного орнамента, включающего плитки с углублениями в виде креста, и имеет по сторонам толстые одинарные колонны. Одна из монастырских башен покоится на кубическом основании — «палатке», другая имеет восьмигранную форму, обе они увенчаны каменными шатрами с килевидными кокошниками и «слухами».

Приказная палата в Верхотурье, судя по чертежу 1700 г.⁸⁸, сооружена была на подклете. Слева от сеней находилась сводчатая кладовая, справа — комната для подъячих, и за ней — «палата, где сидеть воеводам», освещенная окнами с трех сторон. Фасад, обращенный на территорию кремля, был обработан, по видимому, не лопатками, а колонным орденом. Воеводский дом в том же кремле имел «5 верхних житей», перечисленных в документе как столовая, сени, передняя, «комната» и кладовая. Под ними располагались «погреб каменной с выходом кирпичным, 2 подвала, 2 подклета жилые»⁸⁹. Хоромы Строгановых в Усолье (1724) распланированы уже как анфилада парадных комнат, правда, с традиционными сенями посередине и хозяйственным первым этажом — подклетом. На фасадах нет лопаток против внутренних стен, благодаря чему особую выразительность приобрели «стаи» наличников. В целом же убранство всех названных памятников обладает несомненной общностью с декором культовых зданий. Рисунок балясин и киота верхотурских ворот почти совпадает с деталями Троицкого собора, кокошники и кронштейны далматовских башен тождественны украшениям монастырского храма и его колокольни, одинаков декор строгановских хором и Спасо-Преображенского собора.

Крепостное и гражданское зодчество, существуя в ансамбле-

вой связи с культовым, не отличалось от него по стилистике. Только на горнозаводском Урале оформление гражданских построек (демидовские хоромы в Невьянске, Канцелярия Главного заводов правления в Екатеринбурге, которые сейчас можно представить лишь по архивным чертежам) было чуждо традициям «московского барокко». Высокие, с изломом кровли, балконы, плоские наличники — все это походило на здания петровского Петербурга.

Уникальным памятником заслуженно считается башня Невьянского завода (ок. 1725). В трех убывающих восьмериках, увенчанных шатром, несомненно преемственность с древнерусскими башнями и колокольнями. Однако пропорциональный строй, детали, весь архитектурный образ башни глубоко индивидуальны. Исключительно лаконичен высокий четверик, оставленный без какого-либо декора. Восьмерики башни не чужды барочной динамики, но элементы их убранства (пилястры, охватывающие грани восьмериков, сильно профилированные архивольты) подчеркнута обобщены. Дверные и оконные коробки отлиты из чугуна, восьмерики обведены балконами, шатер был обшит красной медью, что усиливало неповторимо уральский характер этой башни-монумента.

Обозревая типологию культовых зданий Урала конца 1690-х — первой половины 1710-х годов, приходится констатировать господство трапезного храма. Даже воплотивший многие черты «московского барокко» Троицкий собор в Верхотурье (1703—1710), у которого сама постройка на участке кремлевской стены могла бы вызвать центрическую композицию, имеет трехчастный план с трапезной и колокольней (рис. 10—2, 11—3). И в церковном строительстве Прикамья все памятники, кроме несохранившегося кунгурского Благовещенского собора (1700—1704), — трапезного типа. Особенно большую двухстолпную трапезную получил Крестовоздвиженский собор в Соликамске (1698—1709; рис. 10—1, 11—5). Однако в композиционную схему не входила колокольня, почти всегда ставившаяся отдельно.

Соликамские храмы (Крестовоздвиженский собор, церкви Вознесенская, 1698—1704; Введенская, освящена в 1713 г.; рис. 11—1) были покрыты на четыре ската и венчались одноглавием⁹⁰, а Благовещенский собор в Кунгуре и Никольская церковь в Ныробе (построена до 1705; рис. 10—3, 11—2) — обычным пятиглавием. Пятиглавое завершение, подобающее соборному храму, требовалось и в Верхотурье, но зодчий желал увязать его с новыми композиционными идеями. Он не только разместил пятиглавие Троицкого собора на восьмерике, но и, крестообразно прорезав сомкнутый свод восьмерика люкарнами, превратил их в постаменты для глав (рис. 12). Тем самым главы получили расстановку по сторонам света. «Запись» о строительстве собора позволяет предположить, что кроме большого восьмерика над храмовым поме-

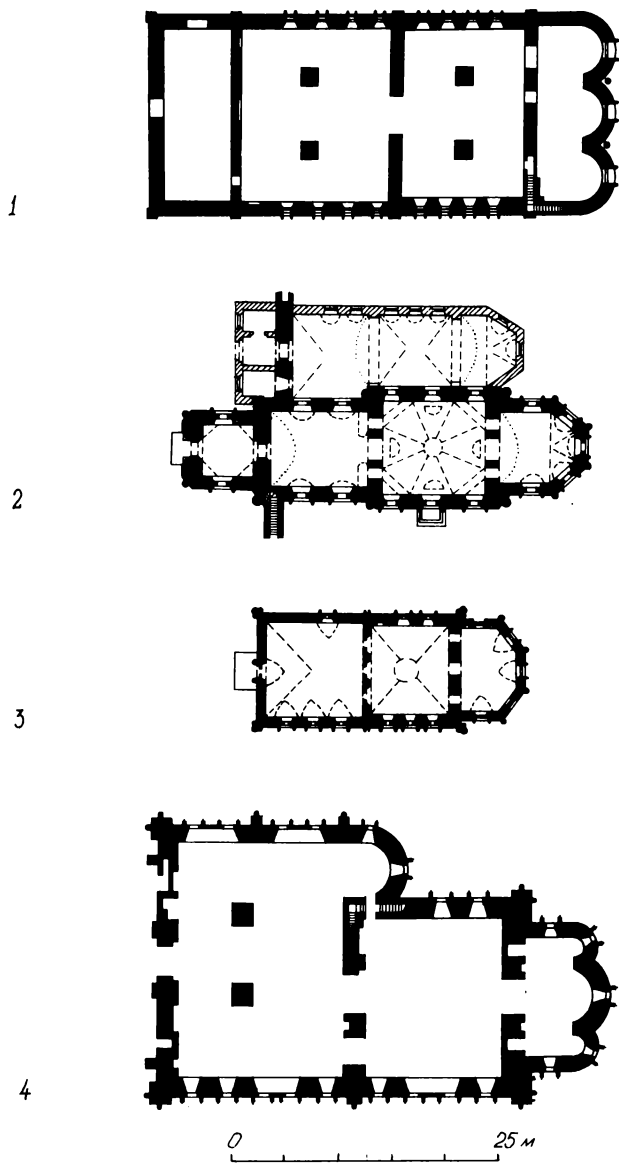


Рис. 10

1 — Крестовоздвиженский собор в Соликамске. Схематический план; 2 — Троицкий собор в Верхотурье. План; 3 — Никольская церковь в с. Ныроб. План (по Г. Д. Канторовичу); 4 — Спасо-Преображенский собор в Усолье. Схематический план

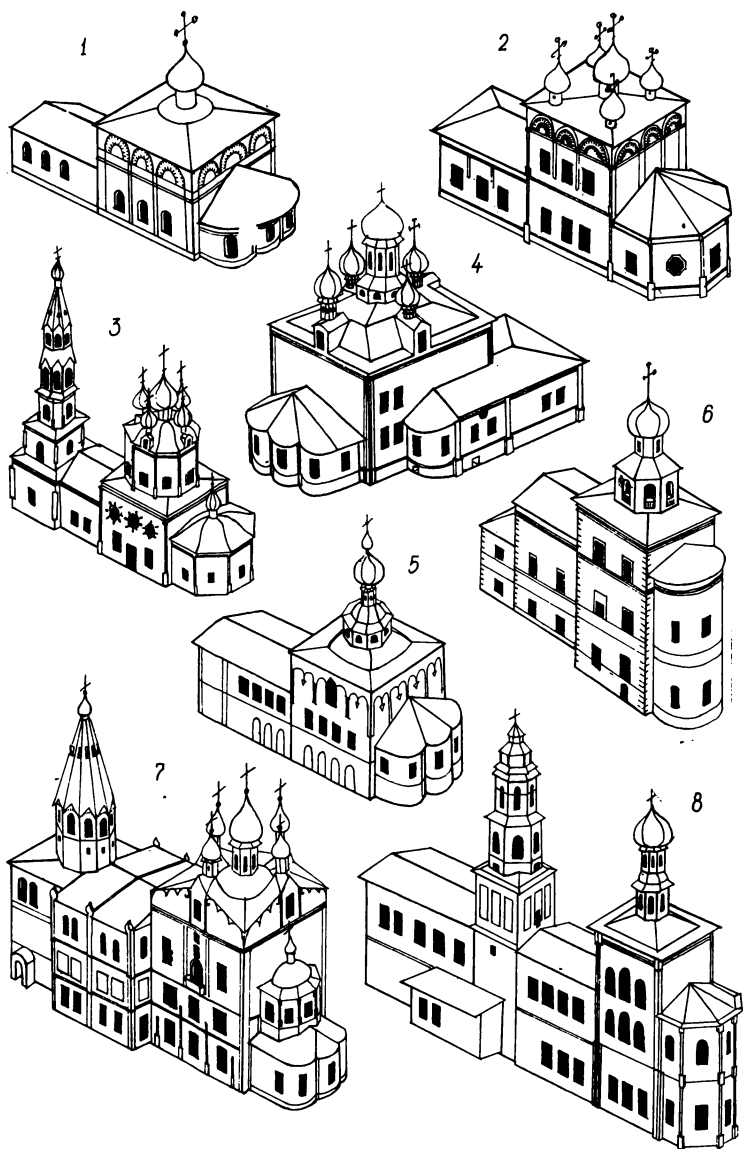


Рис. 11

Схема объемного построения: 1 — Введенской церкви в Соликамске; 2 — Никольской церкви в с. Ныроб; 3 — Троицкого собора в Верхотурье; 4 — Спасо-Преображенского собора в Усолье; 5 — Крестовоздвиженского собора в Соликамске; 6 — Иоанно-Богословской церкви в Чердыни; 7 — Успенского собора Далматова монастыря; 8 — Иоанно-Предтеченской церкви в Красном Селе



Рис. 12. Троицкий собор в Верхотурье

щением первоначально был еще малый — над алтарем⁹¹. Сама апсида впервые на Урале — пятигранной формы. Новаторским было и решение колокольни Троицкого собора. Колокольня шатрового типа приобрела ярусность. Над арками звона помещен как бы усеченный шатер, а выше — дополнительный восьмерик, где также висели колокола. Только затем идет венчающий шатрик. По сравнению с верхотурской более консервативен, хотя и своеобразен, облик соликамской соборной колокольни (начата в 1713), возведенной на особом, «в три апартамента», здании-стилобате⁹² и увенчанной «горкой» кокошников.

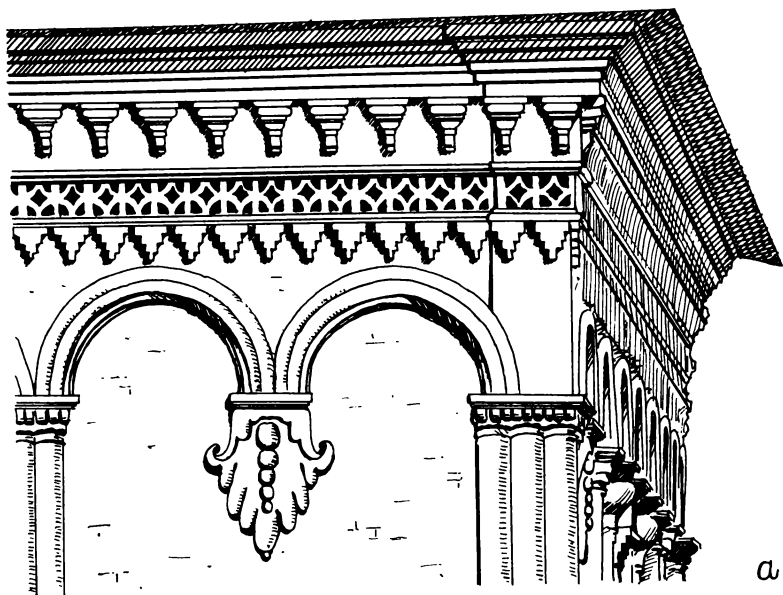
Воздействие «московского барокко» изменило композицию фасадов и обращение с декором. Если в соликамских памятниках 80—90-х годов XVII в. два соседних наличника часто бывали различны либо при общем сходстве не совпадали в частностях, то в Крестовоздвиженском соборе северный и южный фасады одинаковы, а детали претерпели значительную унификацию. Строители упразднили кокошники. Верх четверика, «по-палатному» завершенный карнизом, лишен окон. Их место занял киот, «жучковый» пояс с городчатыми кронштейнами и аркатура из сочных валиков, к которым «подвешены» гирьки (рис. 13-а). Для имитации на стене «вислого камня» гирькам придан как простой (восточный фасад), так и прихотливый, вроде пальметки или «грозди», рисунок. В аркатуру вошли и висячие тройные колонки, в чьих капителях при всей обобщенности узнается мотив аканта. Но намного очевиднее ордерность в алтарных колонках храма, которая выдержана в них от базы до коринфской капители. Ордерное начало выражено и в обрамлении окон. Наличники апсид и четверика скомпонованы из колонок на кронштейнах, антаблемента и завитков, венчаемых мелкими завиточками (рис. 15—1). Лишь над окнами трапезной — не завитки, а разорванные фронтоны. К колонкам приставлены «секиры» или вариации того же завитка.

В ныробской Никольской церкви также пересмотрено убранство. От XVII в. сохранились только кокошники, набранные из кувшиноподобных элементов тяги, и «жучок», ромбы которого получили сходство с розетками. Однако вследствие неизжитого стремления строителей к пластической насыщенности членения фасадов и ордер сугубо декоративны. Четверик делят на «этажи» поставленные в два яруса угловые колонки и пояс с чередованием кирпичей и заглубленных ромбов. Постаменты расположенных в простенках верхних окон одинарных колонок врезаны своей консолью в особый выступ стены. Капители поддерживают другой выступ, создающий раскреповку аналогичных постаменту «кубиков» (рис. 14). Эти «кубики», снабженные каждый сложной консолью, сами играют роль кронштейнов идущего выше карниза. На трапезной и апсиде они заменены рядом мелких «половинных» ширинок и накладных «пирамидок».

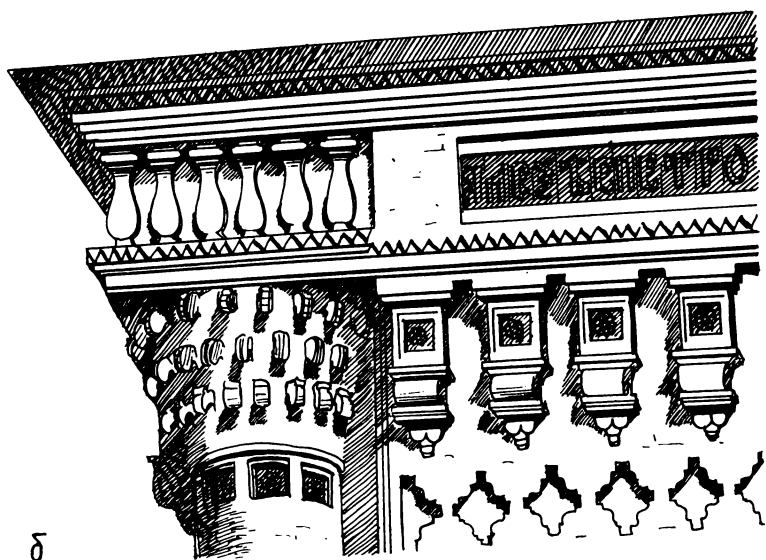
Обрамления всех окон, не считая ложных восьмиугольных — ордерные, но с различным заполнением антаблемента («жучковое», розетки, «граненые» кирпичики) и несколькими видами завершений, среди которых «завитковых» немного. Предпочтение отдано приплюснутым волюткам. Между ними сделан вырез с фигурным столбиком либо помещена консоль венчающей наличник детали — бусины или раковины в кокошничке. В других случаях волюты имеют четко выраженную S-образную форму, а вставкой служат завиточки (тоже на консоли). В отличие от старого типа перспективного портала западный вход вписан как бы в увеличенный завитковый наличник с киотом. В северном портале завитки соединяет двойная арочка с гирькой, а в тимпане помещена «крешатая» ширинка.

Декоративные новшества Крестовоздвиженского собора и особенно Никольской церкви превосходили созданное в Верхотурье. Но в Троицком соборе чувствуется иной, куда более серьезный подход к ордеру, которому отведена главенствующая роль в организации фасадов. Закрепляющие углы трехчетвертные колонны, массивные на четверике и облегченные, тонкие на восьмерике, подчеркивают структуру здания, выявляя снаружи высоту каждого объема. Пропорции колонн приближаются к классическим⁹³. Зато капители из двух-трех рядов слабо развитых, едва напоминающих акантовые листья элементов лишь условно могут считаться коринфскими (рис. 13-б). Над колоннами, в углах антаблемента четверика — балясины. Наличники, по сравнению с Крестовоздвиженским собором, лишены плоских «прибавок», колонки расположены на постаментах без столь широко варьировавшихся в Нырое консолей. Завиткам свойственны более спокойные пологие очертания; как и на полочки антаблемента, на них наложены треугольники, но разделены они уже встречавшейся в Нырое ширинкой в форме креста. Малые завиточки наличников упираются в ленточные обрамления верхних восьмиугольных окон, чья форма повторена выше в поясе углублений-нишек (над ним имеется второй пояс, крестово-ромбовидный). Под антаблементом расположены кронштейны-«кубики», сходные с таковыми на Никольской церкви.

Если для известной части убранства Троицкого собора существуют параллели и аналоги в Соликамске и Нырое, то не этими источниками навеяна его превосходная фасадная керамика⁹⁴. В шейки колонок, антаблемента наличников, «кубики» вставлены желто-зеленые розетки. От восьмиугольных окон расходятся изразцовые «лепестки». Еще эффектнее керамическая декорация венчающих частей храма (обрамления люкарн, украшения барабанов глав). При этом успешно воспроизведены ордерные детали — колонки с витым стволом и капителью, фронтоны и т. д. Изразцовыми буквами выложена и мемориальная надпись⁹⁵, тянущаяся



а



б

Рис. 13

а — Крестовоздвиженский собор в Содикамске. Фрагмент; б — Троицкий собор в Верхотье. Фрагмент



Рис. 14. Никольская церковь в с. Ныроб

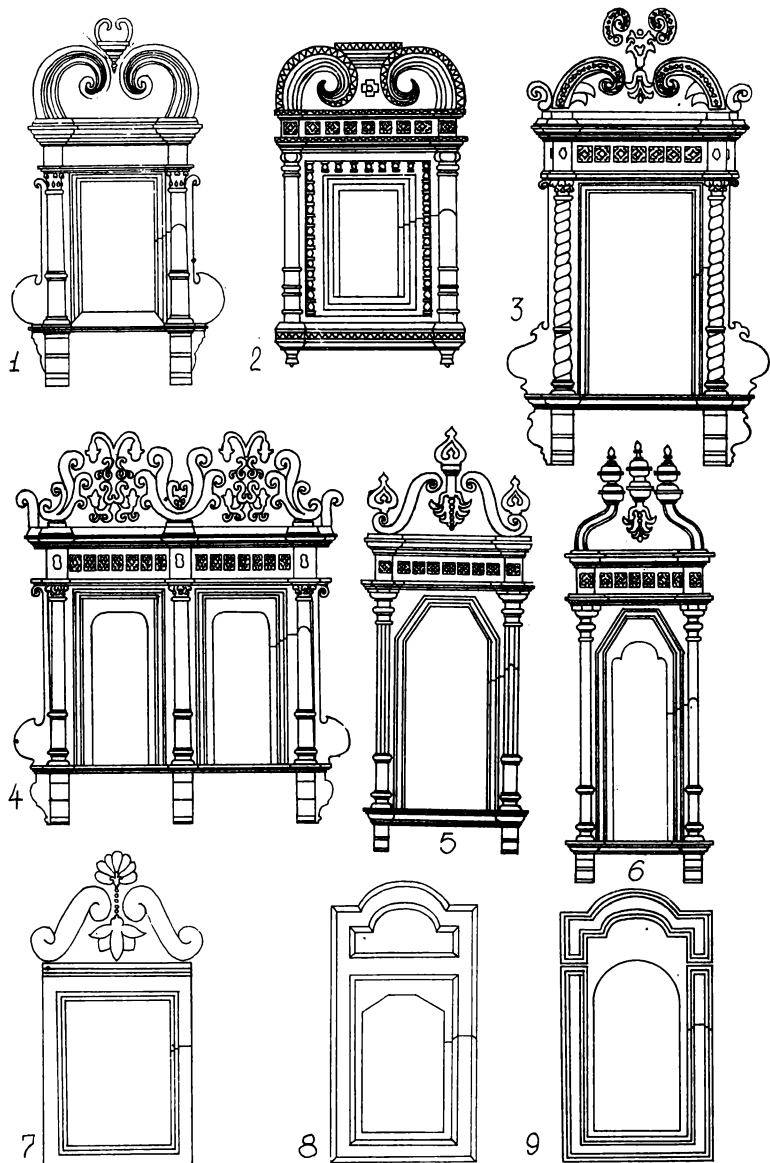


Рис. 15

Наличники: 1 — Крестовоздвиженского собора в Соликамске; 2 — Успенского собора Далматова монастыря; 3, 4, 8 — Спасо-Преображенского собора в Усолье; 5, 6 — Иоанно-Предтеченской церкви в Красном Селе; 7 — Иоанно-Богословской церкви в Чердыни; 9 — Архангельской церкви в Соликамске

поверху всех объемов, начиная с алтаря и кончая колокольней. В остальном декоре колокольни любопытны разорванные фронтоны под арками звона.

В архитектуре соликамского Крестовоздвиженского собора, ныробской Никольской церкви и Троицкого собора в Верхотурье проявились основные черты уральской школы барочного зодчества.

В первом этаже Успенского собора Далматова монастыря (1707—1711) оформление апсид сходно с их оформлением в рассмотренных памятниках, но дополнительный охват оконных проемов измельченными рамками архаичен (рис. 15—2). Что касается такого приема, как вертикальное объединение рядов окон четверика, то вместо с колоннами-«пальмами» он навеян украинским барокко. Распространение на Урале барочного декора отразилось не во всех памятниках того периода. В соликамской церкви Вознесения фасад с «завитковыми» наличниками по старинке разбит лопатками. Поразительно скупое убранство Введенского храма в том же Соликамске, ограниченное мотивом зубчиков в полукружиях кокошников, ширинках и карнизах и едва оживляющее гладь стены.

В конце 10-х — 30-х годах XVIII в. продолжали строиться однокорабные «трапезные» храмы (Архангельская церковь в Соликамске, освящена в 1725; Николаевская в одноименном верхотурском монастыре, 1712—1738, не сохранилась; Прокопьевская в с. Прокоп-Салда под Верхотурьем, 1727, примечательна двумя полукруглыми апсидами; Богоявленская в Ныробе, ок. 1736, с асимметрично примыкающим крыльцом). Одновременно шли поиски, направленные на создание двухэтажных культовых построек и дальнейшую разработку «крещатого» пятиглавия. Среди типов завершений появился и малый восьмерик; большим восьмериком после верхотурского собора увенчалась лишь церковь Похвалы Богородицы в строгановском селе Орел (1733—1738), региональной школе фактически не принадлежавшая.

Первым двухэтажным храмом на Урале стал надстроенный в 1713—1720 гг. собор Далматова монастыря (рис. 11—7). Заметная несогласованность пропорций и членений верхнего этажа с нижним указывает либо на то, что верхний первоначально не предполагался, либо на сложности становления нового объемного решения, в частности, конструктивные (недаром верхняя трапезная была сооружена деревянной). Единными для обеих этажей были «украинизмы». Пятиглавие по сторонам света устраивалось не на восьмерике, а на четверике. Оно сопровождалось фигурными фронтонами, причем двускатные постаменты под барабанами глав воспринимались как вершина фронтона. Конструкция свода была выражена люкарнами с колонками по бокам. Большей цельностью объемного решения отличается Иоанно-Богословская цер-

ковь в Чердыни (1718; рис. 11—6). Трапезная второго этажа здесь уже каменная; пристроена двухэтажная же паперть. Алтарь — без ступенчатого подразделения. Возможно, в прошлом, по крайней мере вдоль южного фасада, имелось гульбище на каменной аркаде. Впервые в уральском зодчестве введен венчающий малый восьмерик, который, однако, покоится на глухом своде и, будучи сквозным, заменял собой звонницу.

Местный тип двухэтажного храма начал определяться с превращением малого восьмерика в световой, апсиды — в пятигранную, развитием продольной оси за счет увеличения трапезных и постановки западнее их колокольни. Все это налицо в церкви Иоанна Предтечи в Красном Селе около Соликамска (начата в 1721, нижний этаж освящен в 1728; рис. 11—8). Но утверждать, что именно этот памятник положил начало уральским двухэтажным храмам «кораблем», нельзя с полной уверенностью, ибо дата возведения второго этажа неизвестна⁹⁶, а трапезная и колокольня несут следы неоднократных искажений.

Спасо-Преображенский собор в Усолье (1724—1731; рис. 10—4, 11—4) имеет прототипом известную Рождественскую (Строгановскую) церковь в Нижнем Новгороде и перекрыт сходным сводом со световым пятиглавием на «крещатом» основании и дополнительным постаментом-восьмериком для центральной главы. Общими в обоих памятниках являются также устройство подклета и трехчастный круглый алтарь. Однако композиция усольского храма асимметрична благодаря северному теплому приделу при трапезной, а широко расставленные главы придают верху некоторую несобранность.

После Успенского собора Далматова монастыря шатровые колокольни на Урале не возводились, их сменили ярусные, чаще стоящие отдельно. Характерным примером может считаться соборная колокольня в Усолье — массивный восьмигранный столп с вытянутым восьмериком над арками звона.

Декор таких памятников, как Спасо-Преображенский собор в Усолье, Иоанно-Предтеченская церковь в Красном Селе, вытекает в целом из местного зодчества начала века⁹⁷. Ордер (спаренные, а в первом этаже красносельской церкви тройные колонны) сосредоточивается на углах объемов. В отделанных жгутами коринфских капителях Спасо-Преображенского собора знакомые нам по Верхотурью элементы вроде «тычинок» доминируют над нижним поясом из «листьев», а под карнизами — аналогичные ныробскому храму «кубики». Проще капители Иоанно-Предтеченской церкви. Здесь вместо акантового мотива использованы вапки, в первом этаже выведенные под опирающейся на пучок колонок плитой-абакой, во втором — обвивающие трапециевидную капитель. Интересны аранжировки «завиткового» типа наличников. Завитки над верхними окнами усольского собора (рис. 15—3)

дополнены «ответвлениями» и вместе со вставкой, напоминающей пальметку, действительно близки к растительным мотивам. В Красном Селе окна нижнего этажа образуют «тройню» с поставленными на антаблемент криволинейными и спиралевидными завитками.

Параллельно возник другой, позже также ставший популярным, тип наличника, увенчанный диагональными, закрученными на обоих концах волютками. Впервые, с пальметкой посередине, они встречаются на алтаре чердынской Иоанно-Богословской церкви (рис. 15—7), затем — на приделе соликамского Воскресенского храма, освященном в 1721 г., в двойных нижних окнах четверика собора в Усолье (рис. 15—4), где они составляют часть причудливого «вензеля». Наоборот, они грубовато отчетливы во втором ряду окон красносельского памятника (рис. 15—5). Здесь пальметка, довольно схожая с гирьками-«гроздьями» фасада Крестовоздвиженского собора, подвешена к луковичного очертания «прорезному» элементу. Третий ярус окон церкви Иоанна Предтечи имеет иные, хотя тоже волютообразного типа завершения наличников (рис. 15—6).

Убранство Иоанно-Богословской церкви, необычное для тогдашних уральских построек своей плоскостностью и многими специфическими мотивами (русты, карнизы с мелкими сухариками), включало и рамочные наличники с полукруглым выступом посередине завершения. Подобные наличники имели пока лишь единичные повторения (постаменты глав собора в Усолье, видимо, заново оформленные после пожара 1737 г., рис. 15—8; Архангельская церковь в Соликамске, рис. 15—9).

Памятники 20—30-х годов XVIII в. свидетельствуют об углублении своеобразия уральского зодчества, а также о достижении зрелости местной школой.

ГЛАВА 2. РЕГИОНАЛЬНЫЕ ШКОЛЫ НА НОВОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ (40—80-е ГОДЫ XVIII в.)

**Экономика
культура,
искусство**

Реформы Петра I создали предпосылки для хозяйственного прогресса страны. Россия, превратившаяся в мощную европейскую державу, продолжала движение вперед, значительно увеличив свой

экономический потенциал во второй половине XVIII столетия. Росийский абсолютизм, укрепляя феодально-крепостнические устои, одновременно покровительствовал промышленности и торговле, в которых все явственнее становились буржуазные отношения. Протекционистская политика, отмена внутренних таможен способствовали расширению всероссийского рынка, углублению общественного, в частности, географического разделения труда¹. В эти процессы закономерно втягивались и рассматриваемые нами регионы. Урал, где только за 50—70-е годы возникло свыше полуотни новых заводов, сделался для металлургической промышленности России «не просто ведущим, а абсолютно главенствующим районом. Уральская и русская металлургия стали почти одозначными понятиями»². Более того, по выплавке чугуна Россия благодаря Уралу вышла на первое место в мире.

Ответвлениями уральского заводского строительства были заводы, основанные в этот период на Вятке (Климковский, Холуницкий и др.) и в Восточном Поморье (Нювчимский, Кажимский). Создавались здесь и другие промышленные предприятия — бумажные фабрики, стекольные заводы, на мануфактурную основу начинали переходить традиционные ремесла — финифть, чернь. Однако основная роль сохранялась за сельским хозяйством. Росло товарное производство хлеба, чему способствовали освоение новых земель при заселении водоразделов и секуляризация монастырских вотчин³.

Возросла численность городского населения. Правда, некоторые старые северные и вятские города — как и вновь образованные после губернской реформы 1775 г. (Красноборск, Никольск, Нолинск, Глазов и др.) — не отличались экономически от сельской округи и выполняли лишь функции административных пунктов⁴. Только в больших городах жители уже не занимались сельским хозяйством. Крупнейшими городами продолжали быть на Севере — Вологда, Великий Устюг, Архангельск, лишивший всякого значения Холмогоры, на Вятке — Хлынов и Слободской. На Ура-

ле вместо переживавших упадок Соликамска и Верхотурья выдвинулись Кунгур (в 1737—1781 гг. — центр Пермской провинции) и Екатеринбург.

Дворян в городах, за исключением Вологды, было чрезвычайно мало, что касалось даже чиновничьего аппарата. Перед открытием Вятского наместничества генерал-губернатор вынужден был испрашивать «соизволения» Екатерины II на замещение ряда должностей в новых учреждениях грамотными чернососными и экономическими крестьянами⁵. Доминирующее положение в городском обществе занимало купечество. Таковы были в те времена в Устюге Курочкин, Шилов, Захаровы, в Лальске — Юрьевы, Максимовых, новое поколение Саватеевых, Бобровских, в Хлынове — Машковцевы, Аршаулов, Калинин, в Слободском — Песьяков, Платуновы, Анфилатовы. На Урале с переходом заводского дела в частные руки купцы-заводчики приобретали вес в соответствующих уездных городах (Походяшин в Верхотурье).

Торговые операции купцов, помимо Москвы, имели два традиционных маршрута: архангельский и сибирский. Чрезвычайно показательно заявление двух лальских купцов — Папулова и Аврамова — о том, что они торгуют «по кредиту» лалетянина же Максимовых один в Архангельске, другой — в Кяхте⁶. Роль Архангельского порта вновь повышалась по мере ликвидации ограничений эпохи Петра. В 1735 г. правительство, отмечая уменьшение архангельского торга от «великой пошлины», признало, что «из Вятки, с Устюга, с Вологды, с Ваги, от Соли Камской и Вычегодской и из других городов ... российских товаров в Санктпетербургской порт за дальностию в подвозе не бывает, ибо водою удобной коммуникации из тех мест не обретается»⁷. В 1762 г. Екатерина II указала «порт города Архангельска всеми теми преимуществами и выгодами снабдить, какими Санктпетербургский пользуется»⁸. «Отпуск товаров за море» опять принял крупные масштабы. Устюжане и лалетяне по-прежнему торговали с Сибирью⁹ и Китаем. Коммерческая и промысловая деятельность, как и у их предков — землепроходцев, сопровождалась географическими открытиями (М. Неводчиков, А. Бахов, В. Шилов из Устюга, С. Глотов из Яренска и др.).

Торговые артерии, ведущие к Архангельску, остались неизменными. Но к пути, связывавшему Москву с Сибирью через Вологду — Устюг — Лальск — Кай — Соликамск — Верхотурье, добавились новые, сначала через Нижний Новгород — Яранск — Котельнич — Хлынов — Слободской — Кай (официально признанный в 1744 г.). Затем, с закрытием около 1763 г. верхотурской таможни, стал легальным тракт через Нижний — Казань — Кунгур — Екатеринбург. Использование этого тракта не повлияло на активность купцов-северян, пользовавшихся старым путем, но означало новые возможности товарообмена для Урала, спо-

собствовало возвышению оказавшегося у пересечения трактом реки Камы Егошихинского завода, который в 1781 г. был, «уважая важность положения», преобразован в город Пермь.

В результате создания Пермского наместничества из двух областей — Пермской и Екатеринбургской — были довольно органично объединены прикамские и зауральские земли. В результате той же губернской реформы особое наместничество составила Вятка. Что касается нового административно-территориального деления Севера (Вологодское наместничество с Вологодской, Великоустюжской и Архангелогородской областями), то оно, по мнению историка, игнорировало экономические связи отдельных местностей¹⁰.

Большие успехи были достигнуты в области культуры. Образование все еще сосредоточивалось в руках церкви. В подлинный очаг просвещения на Вятке превратилась хлыновская семинария. Особенно заботились о ней епископы Варфоломей (1758—1774) и Лаврентий II (1774—1796). При Лаврентии в учебные программы были введены новые предметы, в том числе рисование, было организовано снабжение семинарской и соборной библиотек «латинскими и иными книгами через выписку первых из Лейпцига»¹¹. Слабее была устюжская семинария, в которой долго имелся только низший (риторический) класс. В начале 40-х годов возникли духовные училища в Тотьме, Лальске, Сольвычегодске и Яренске. Светская школа до открытия по положению 1786 г. главных и малых народных училищ отсутствовала, только на Урале существовали горнозаводские школы.

На местах развивались различные виды искусства, часто находившиеся под влиянием искусства столицы. Такова тематически и в декоративно-орнаментальном плане большая часть произведений мастеров устюжской черни. Под контролем Канцелярии от строений находилось уральское камнерезное и мраморное дело, в то время ориентированное преимущественно на изготовление архитектурных деталей для петербургских дворцов и парков. Н. А. Демидов пытался наладить на Нижне-Тагильском заводе отливку решеток, ваз и статуй.

Столичного влияния не избежало и церковное искусство. В первую очередь это относится к Устюгу, чья иконопись, не теряя традиционализма, сближалась с академическими и барочными тенденциями¹². Представители семьи иконописцев Березиных¹³ писали и светские картины — портреты, панорамы родного города. Работы священника Василия Алёнева потомки считали не уступающими по уровню исполнения академическим. Кроме Березиных и Алёнева, можно назвать Василия Холмогорова, которому после синодских указов 1759 г. был поручен осмотр храмов города на предмет выявления «неискусно написанных образов», Стефана Красильникова и Ивана Скрипина, расписавших в 1755 г. Воскресен-

скую церковь, Козьму Волкова — автора стенописи и икон Иоанно-Богословской церкви и других¹⁴. В 1779 г. устюжский мещанин Андриан Протопопов и «кафедрального Успенского собора псаломщик» Семен Попов подрядились на роспись Покровской церкви на р. Лузе близ Лальска¹⁵. Иконописные работы в устюжских храмах все более «растворялись» в экспрессивной стихии барочной резьбы. Архитектоника иконостасов утратила ясность из-за многочисленных раскреповок, волнистых контуров завершений, помещения икон в образующие целые ряды прихотливые картуши. Полное представление об этой новой композиции дает известный иконостас собора Троицко-Гledenского монастыря. На стенах и сводах получили распространение алебастровые «клейма» с живописными изображениями. Среди штукатуров-устюжан, выполнявших эти рокайльного характера картуши, славились братья Петр и Михаил Червяковы¹⁶.

На Вятке общее наблюдение за иконописанием с 1759 г. осуществлял «искусный в сем деле» хлыновский посадский Евсей Кузнецов, а в 1764 г. оно было вверено его ученику дьякону Покровской церкви Максиму Котлецову. В 1769 г. «по нечастому над оными иконописцами смотрению» он был заменен на этом посту своим братом, певчим архиерейского дома Иваном¹⁷. Полученную должность И. Котлецов, энергичный и плодовитый мастер, исполнял для подавления конкурентов и получения все новых и новых подрядов. Он делал «рисунки» для иконостасов (например, церкви с. Никулицкого), выполнял в них живопись и позолоту (в Макарье, Истобенском и многих других селах), брался и за стенные росписи (в с. Ошеть, 1786)¹⁸. В 1776 г. Котлецову пришлось уступить место главного смотрителя за иконописцами иеродьякону архиерейского дома Клименту Чаховскому, у которого он затем пытался оспаривать подряд на иконописные работы в храме с. Юрьево. Климент расписывал (с группой помощников) в 1777 г. хлыновскую Стефановскую церковь, делал иконы для церкви с. Хмелевка¹⁹.

Вятские иконописцы следили за достижениями устюжан. В 1758 г. протопоп слободского Преображенского собора Федор и иконописец Александр Рязанцев «просил об отпуске их ... в город Устюг для наилучшего предусмотрения и скопирования ... в том городе в святых церквах иконного художества (против коего ... города Слободского купец Иван Платунов порядил ево иконописца ... предписанную соборную церковь... росписать)»²⁰. Тогда же выдвинулась плеяда вятских резчиков, видное место среди которых занимали житель «Успенского Трифонова монастыря Суботины слободки» Яков Пяткин²¹, а также служитель архиерейского дома Никон Исаев. Пяткин и Исаев добивались подрядов на «строе» иконостасов в селах Суна, Верхосунье, Кырчаны, Филипповское, Ржанополомское, Сезенево, жалуясь, что вместо них там

подряжают «из черносошных крестьян столяров и резчиков и то в лутшем тех иконостасов строении неискусных»²². Черносошный крестьянин Хлыновского уезда Василий Шубин трудился над иконостасом церкви с. Молотникова по своему «рисунку»²³. К сожалению, произведения вятских иконописцев и резчиков либо утрачены, либо совершенно не изучены. То же можно сказать и о штукатурном убранстве, великолепные образцы которого уцелели в интерьерах лишь немногих памятников, в частности церквей в селах Рябиново и Ошеть.

Вятка поставляла мастеров и для украшения прикамских храмов. В 1765 г. консистория, отмечая, что «как известно в Соликамску в художестве добрых иконописцев нет», намеревалась сама подрядить и послать туда художников для написания икон в Воскресенской церкви²⁴. В том же году И. Котлецов выполнял иконописные работы в Успенском храме г. Кунгура²⁵. Эти примеры можно умножить. Конечно, в Прикамье имелись и свои опытные иконописцы: чердынский мещанин Леонтий Протопопов, «который ... свидетельствован самим Преосвященным (епископ Варфоломей. — А. К.) и по свидетельству живописание его Протопопова оказалось правильное», крестьянин с. Старого Посада Кунгурского уезда Иван Святухин, с 1763 г. находившийся «в иконописном художестве, в котором и достиг совершенства»²⁶, и другие.

Динамика каменного строительства

Вслед за периодом некоторого застоя каменное строительство снова оживилось в 40-е годы, нарастая в каждом последующем десятилетии. При этом гражданские каменные здания еще долго бы-

ли редкостью даже для крупных городов. К примеру, Хлынов в момент переименования в Вятку и открытия наместничества (1780) насчитывал только семь каменных домов²⁷, а Слободской — шесть. Посетившие Урал академические путешественники отметили там сходную картину. В Кунгуре, по свидетельству Лепехина (1772), «строение все деревянное, выключая церкви и изрядно построенную ратушу»²⁸. В том же году Фальк зафиксировал в Екатеринбурге пять каменных домов и ни одного «партикулярного»²⁹. Каменные заводские корпуса также составляли исключение, став многочисленнее лишь в ходе восстановления заводов после крестьянской войны 1773—1775 гг.³⁰

В северных городах — Вологде, Архангельске, Устюге, Лальске — продолжалось большое культовое строительство. Несравненно активнее, чем в первой трети столетия, стала строительная деятельность в Сольвычегодске — все городские храмы были перестроены в камне. К аналогичным работам приступили и в Тотьме. Каменный собор появился в Яренске. Но отличительной чертой этого периода было широкое каменное церковное строительство

в сельской местности. Речь идет не только о памятниках, возникших неподалеку от городов, но и о весьма значительном круге храмов в небольших монастырьках и селах. Некоторые были выстроены уже в 30—50-е годы XVIII в., но большая часть их относится к 60—80-м годам. Они встречаются и в сухонских, и в южских, и в двинских, и в вычегодских волостях.

Культовое строительство Вятки в 40—50-е годы XVIII в. было относительно невелико. Это было время распрей между местными светскими и духовными властями, массовых волнений («отпирательства») архиерейских и монастырских крестьян. Все же были сооружены или начаты каменные храмы в ряде вотчин хлыновского Трифонова монастыря (Кумены, Ошеть, Суна, Рябиново и др.), архиерейского дома (Сырьяны), некоторых черносошных селах. В самом же Хлынове возвели лишь одну новую церковь — Стефановскую (Донскую).

Шестидесятые годы ознаменовались на Вятке крупнейшим за все столетие строительным мероприятием — сооружением Кафедрального собора. Чтобы максимально мобилизовать местных каменщиков, разрешений на строительство других каменных храмов в Вятской провинции практически не выдавалось в течение нескольких лет. И только когда работы по возведению собора уже достаточно продвинулись, возобновилось интенсивное строительство сельских церквей. Еще большим размахом строительства отличались 70-е годы, когда было возведено или начато строительство около трех десятков каменных храмов.

В целом вятское церковное строительство переместилось из городов в села. Нечто подобное происходило и с некоторыми городами Урала. В Соликамске новых храмов почти не сооружалось, зато каменные церкви стали появляться в ряде близлежащих сел. И вокруг городов, где строительство не затихало, а увеличивалось (Кунгур, Чердынь), имеются целые группы сельских памятников того времени. Заметный вклад в уральское каменное зодчество по-прежнему вносили прикамские вотчины Строгановых.

По ту сторону Урала, где сильны были позиции раскола, каменные храмы строились реже — в Верхотурье, Екатеринбурге, отдельных заводах и селах.

**Заказчики.
Участие
населения**

Храмовое строительство за счет государства было в этих регионах исключением. Только в Екатеринбурге сооружение Екатерининского собора субсидировалось горными властями. Продолжали об-

страиваться крупные монастыри, а в таком, как Пыскорский (после его перевода на новое место в 1756 г.), началась настоящая строительная горячка³¹. Самые богатые из них сооружали церкви в вотчинах, например, тот же Пыскорский, хлыновский Трифонов монастыри. Каменные церкви начали появляться и в незначитель-

ных северных монастырях. Однако после секуляризации монастырское строительство резко снизилось. В единичных случаях осуществлять строительство каменных храмов позволяли высокие церковные доходы. Причт устюжской Дмитриевской Дымковской церкви выстроил теплую Сергиевскую на суммы, получаемые с принадлежащей храму земли³².

Часто в качестве заказчика выступало купечество. Особенно значительна его роль в каменном культовом строительстве Севера³³, а также на Урале³⁴. Заводские храмы возводили, как правило, владельцы заводов³⁵. Гораздо меньше связаны с купечеством культовые постройки Вятки³⁶. Бывало, что купцы воздвигали храмы далеко от места своего жительства — там, откуда они были родом или где имели деловые интересы³⁷.

В некоторых сельских приходах роль храмоздателя брал на себя какой-либо разбогатевший крестьянин вроде церковного старосты с. Вяз Ивана Санникова. В 1777 г. он заявил вятской консистории, что «не токмо ту церковь потребным, но и священно-и церковнослужителей пропитанием содержит из своего кошту»; «прежняя церковь и колокольница деревянные построены ево старанием, а после того каменная церковь строится»³⁸. Однако это было, конечно, исключением. Подавляющее большинство сельских храмов сооружалось «тщанием» всех прихожан.

Решение о строительстве в селе каменной церкви принималось на приходском собрании, где составлялся «общезаручной приговор», вместе с соответствующим «доношением» препровождавшийся архиерею. На том же собрании выдвигался «выборный» (иногда двое), которому в значительной мере вверялась организационная сторона строительства и, прежде всего, привлечение к работам самих прихожан³⁹. Права выборного характеризует документ жителей Пижанки, выданный в 1776 г. их односельчанину Анисфору Звереву: «...какая надобности ... в строении понадобитца ... тебе выборному нас мирских людей во всем нарежать и нам ... быть тебя во всем послушным и ни в чем с тобою не прекословить, а ежели паче чаяния кто из нас явится огуршик и противен и тебе выборному с таковыми слушниками поступать во первых увещевать и наказывать словами всячески, а ежели тем наказанием доволен не будет и после того таковых противников наказывать пристрастием тебе дозволяем»⁴⁰.

Выборный занимался также денежными делами, приемом материалов, наймом подрядчика, должен был присматривать за работами («ходить и наблюдать ежедневно»). Однако ему полагалось решать все вопросы совместно с причтом и церковным старостой. Вопреки этому выборный иногда действовал самовольно. Например, исполнявший эти функции в 1782 г. при строении колокольни в с. Волчевском Ефим Анисимов «сам собою кроме священноцерковнослужителей» отказал опоздавшему с началом работ подряд-

чику Ивану Коршунову и нанял другого⁴¹. В свою очередь приходской священник зачастую не считался с выборным. В 1768 г. выборный крестьянин Григорий Зайцев жаловался, что протопоп сарапульского Вознесенского собора Иаков Емельянов отобрал у него выданную на строение собора «шнурованную книгу»⁴². Разногласия между выборными и духовенством выливались в острые столкновения⁴³.

Перед крестьянами, начинавшими строительство без расчета на какого-либо благотворителя, вставала серьезная финансовая проблема. Средства изыскивались путем уравнительных «разводок» — денег, взимаемых «с каждой души мужеска пола». Кроме того, как правило, обращались в консисторию за «шнурозапечатанной книгой» для сбора «от доброхотных дателей». Поступления из обоих источников были скудными и нерегулярными⁴⁴. В этих условиях понятны постоянно практиковавшиеся займы из церковной казны соседних сел⁴⁵. Помимо денежных затруднений на всех этапах стройки большие хлопоты возникали с приготовлением материалов. Кирпич, а во многих случаях и известь делались по подряду, но в печах и сараях, устроенных самими крестьянами. В их обязанности входила заготовка бутового камня, леса, железных связей и т. д., не говоря уже о транспортировке всех припасов. При закладке и возведении храма прихожане привлекались к разным вспомогательным работам. Работа, предстоящая, например, жителям с. Нижне-Ивкино, подробно описана в их приговоре⁴⁶.

Понятно, что все это ложилось на крестьян тяжелым бременем. Нередко к затеянному строительству охладевали и уклонялись от него. Это могло перерасти в упорное неповиновение, не лишённое социального протеста. Недовольство могло обнаружиться еще на подготовительной стадии постройки. В 1768 г. священник с. Подрелье доносил, что местные жители обязались «всякие материалы ... готовить беспрекословно», но «ныне де по многократным его попа прозбам и принуждениям ... те материалы не приготавливают и ево попа Изергина не слушают». Через три года в том же Подрелье староста и сотники не выполнили подписку «нарядить» крестьян «для привозу к церкви» камня и извести⁴⁷. В Сорвижах в 1774—1776 гг. отказывались устраивать кирпичные сараи, «да сверх того ту церковь каменным строением иметь не желают и вовсе того отреклися». Не подействовал и нажим со стороны Котельнической воеводской канцелярии и «экономического казначея» поручика Сытина — крестьяне «для выслушания тех приказов в мирскую избу не пошли и во всем отказались ослушны и противны»⁴⁸. Такую же позицию занимали в ряде мест и выборные. В с. Макарье Котельнического уезда выборные Иван Колчанов и Андрей Стариков, как сообщал священник, «нынешнего (1774.—А. К.) году по многократным ево ... известиям и при-

казаниям никакого до церкви старания и послушания не имеют и потребных к достроению церкви материалов не исправляют»⁴⁹.

Вятские архиереи должны были довольно крутыми мерами добиваться от крестьян выполнения обязательств и ускорения строительства. В необходимых случаях они обращались за содействием к светским властям. На доношении о неповиновении сорвижских прихожан епископ Лаврентий II наложил резолюцию: «...сообщить куда надлежит в светскую команду и требовать чтобы крестьяне к строению церкви побуждены были»⁵⁰. Со своей стороны архиереи объявляли слушникам «неблагословение» и угрожали оставить тех без храма. В 1766 г. епископ Варфоломей велел жителям с. Суны «вновь строящуюся каменную и при ней предельная церкви конечно в нынешнее лето строением и всяким церковным благолепием окончить», предупреждая, что в противном случае старые деревянные храмы в этом селе «запечатаны быть имеют»⁵¹. Весной 1770 г. он же потребовал от прихожан с. Макарье «за Вяткою рекою» объяснений, «чего ради они ... о заготовлении к строению вновь каменной церкви потребных материалов ... старосте Трушкову вспоможения не чинят и никакого о том рачения не имеют». «А если они прихожане», говорится в том же документе, «от строения той каменной церкви и от приготовления покупкою собственным своим коштом ... материалов отречутся ... то ... состоящая в том селе деревянная церковь имеет быть запечатана и вовсе упразднена»⁵².

Мастера-каменщики и миграция артелей

По сравнению с XVII и даже первой третью XVIII в. во второй половине XVIII в. значительно увеличались и окрепли собственные строительные кадры. Устюг и подведомственный ему регион теперь, по видимому, обходились без приглашения мастеров

из центра России⁵³. Епископу Варфоломею удалось соорудить Кафедральный собор с помощью местных каменщиков, вызывая в Хлынов только руководителей-архитекторов⁵⁴. Лишь Урал нередко принимал чужие артели.

Источники донесли до нас единичные имена строителей-устюжан середины XVIII в. В 1739 г. «каменных дел подрядчик устюжанин посацкой человек» Алексей Аленин сделал «у ново соборной при доме Его Преосвященства каменной теплой церкви в трапезе ... вместо старого разобранного каменного свода новой каменной ж свод»⁵⁵. В письме епископа Гавриила из Москвы (1748) говорится о каменщике (?) Архангельского монастыря Иване Чайке, которого надлежало «к нам допустить в Москву для некоторой нашей келейной поделки, также и для работы в Донковский уезд в село Ярославы»⁵⁶.

Во второй половине столетия число устюжских каменщиков непрерывно увеличивалось. Помимо горожан, ряды их пополняли

уездные крестьяне. К примеру, в 1784 г. «Сухонской трети Ергоцкой волости деревни Афанасовца Иван и брат его Иван же Васильевы дети Проскины» изъявили желание «по здешнему городу Устюгу по каменному мастерству записатца в цех на три года». Было приказано «каменного мастерства мастеровых дел собрав, тех Проскиных освидетельствовать». «Устюжские мещане каменного дела мастеровые люди» нашли, что «Проскины тое мастерство подлинно знают и в цеху быть ... достойны»⁵⁷. В «Обывательских книгах» Устюга 1795 и 1798 гг. зарегистрированы 35 каменщиков⁵⁸. Среди них немало родных братьев, сыновей, работавших вместе с отцами, т. е. целые семьи и династии. Таковы Алёны, Бирины, Бородины, Квасовы, Пестовские, Петровы, Юхляевские.

В среде строителей существовала, конечно, неоднородность и по квалификации, и по имущественному положению. Лишь отдельные выступали в качестве подрядчиков. Высокой профессиональной репутацией пользовался Василий Дмитриевич Квасов. Недаром в книге 1795 г. о нем единственном сказано: «имеет мастерство каменного здания», тогда как о других: «имеют работу каменного здания»⁵⁹. К сожалению, установлен лишь один строительный подряд В. Квасова (да и тот был отменен по не зависящим от мастера причинам) — на сооружение колокольни при Сретенской и Мироносицкой церквях в Устюге (1782)⁶⁰.

Скудны сведения о конкретных работах и других каменщиков местной школы. В 1770 г. причт и прихожане «Удимской Богородской церкви, что на Бабаеве» (ныне с. Михалево), «возимели договор экономического ведомства с крестьяны ... а имянно Ильей Каплиным, Иваном Титовым с товарищи, чтоб ... построить вновь каменную ... церковь»⁶¹. С И. Г. Петровым и крестьянином Петром Мощовым в 1781 г. был заключен контракт на сооружение «Шарденгской Николаевской церкви» (с. Пеганово?)⁶². Устюжский мещанин Петр Истомин «с товарищи» за сезон 1784 г. выстроили по подряду «низмянную» Афанасьевскую церковь в Кичменгском Городке⁶³.

Артели устюжан шагнули далеко за пределы своего региона⁶⁴. Крестьянин «Южской трети Быкургского стану верхнева конца» Лев Вешняков с земляками в 1772 г. прибыли на Урал. Они работали на Сысертском и Полевском заводах Турчанинова, где вместе с соликамцами начали строить каменные храмы, а затем в 1774 г. оказались в Екатеринбурге и приняли участие в сооружении Богоявленской церкви, возглавлявшемся с 1771 г. устюжанином Дмитрием Квасовым⁶⁵ — видимо, отцом уже знакомого нам Василия. В 1766 г. «Устюга Великого посацкие Иван Жерновской, Иван Нечаев, Андрей Белков... Архангельского монастыря экономического ведения деревни Барановской крестьянин Иван Истомин, того же ведения Ивановского монастыря деревни Ястреплева

крестьянин Афанасий Андронов да деревни Лычной Веретья крестьянин Никифор Дьяконов, Льва Чалбышева записной Иван Шубинской, Южской трети Яхренской волости деревни Ступина Иван Тупиков» подрядились «вступить в церковную каменную работу» в вятском селе Истобенском⁶⁶. Они поступили под начало приглашенного туда годом ранее «Устюжского уезда Двинской трети Ярокурского стану деревни Оносовой» черносошного крестьянина Никиты Максимовича Горынцева. Последний, а особенно его сыновья, так прочно связали себя с Вяткой, что о деятельности этой семьи целесообразнее говорить в контексте вятского зодчества.

Мы имеем очень немного данных о вятских каменщиках за 40—50-е годы⁶⁷. Но представление об их численности и о том, кто из них был наиболее квалифицированным, дают документы, относящиеся к началу сооружения в Хлынове нового Кафедрального собора — настоящего смотра местных строительных сил. В 1761 г. на «бутке» фундамента было занято 153 каменщика — 25 архиерейских, 43 монастырских и 85 из хлыновских посадских людей, уездных крестьян и прочих⁶⁸. Тогда же входившие в это число «каменных дел мастера города Хлынова посадские» Федот Шутов, проводивший «с товарищи» в 1756 г. «освидетельствование и осмотр» обветшавшего старого собора⁶⁹, Дмитрий Москвитинов, Алексей Окулов, Спиридон «малой» Редников и «Успенского Трифонова монастыря из вотчинных крестьян» Спиридон Шустов по требованию епископа Варфоломея дали справку, какую «находящиеся при строении собору» архиерейские и монастырские каменщики «у них мастеров в недавних пред сим годах при деле каменных работ плату получали»⁷⁰. Следовательно, всем пятерым неоднократно доводилось брать подряды, но какие — известно лишь про Окулова. Этот видный, но не всегда добросовестный в исполнении подрядных договоров мастер строил Стефановскую церковь в Хлынове, Вознесенский собор в Слободском, храмы в селах Суна, Каменшица, Каринка, Пантыл, заложил в 1757 г. Николаевскую церковь в с. Истобенском. В 1782 г. ему достался подряд на сооружение колокольни в с. Волчевском⁷¹.

В течение нескольких лет старшим над каменщиками, возводившими Кафедральный собор, являлся, очевидно, Редников. Однако во второй половине 60-х годов, с наступлением на строительстве относительного затишья, состав каменщиков существенно обновился. Из 70 человек, договорившихся в 1770 г. сооружать соборную колокольню⁷², в работах 1760—1761 гг. участвовало менее половины. Выбыли, в частности, все поименованные выше мастера, кроме Окулова. Зато выдвинулся в недавнем прошлом рядовой каменщик — крестьянин «Великорецкого оброчного стану» Данило Тупицын. Именно он в конце 1769 г. взялся «докон-

чить» фундамент колокольни и «с того фундамента оную колокольню под означенное в плане и фасаде (выполненных архитектором А. Бекарюковым. — А. К.) показание ... класть начать и в совершенное окончание под крышку с твердою и непоколебимою твердостью превести наготово...»⁷³. В том же году Тупицын просил разрешения на подряд строить колокольню в с. Вожгалы, начал работать над церковью в с. Подрелье⁷⁴. Позднее, в 1779—1783 гг., он возводил колокольню в с. Ишлык по проекту архитектора В. Кафтырева⁷⁵.

В качестве подрядчиков выступали затем и другие строители Кафедрального собора. Бывший архиерейский каменщик Петр Тупасов («малой?»), числившийся после секуляризации «города Хлынова заоградной слободки экономическим крестьянином», в 1773 г. подрядился быть «установщиком» при закладке церкви с. Вяз, а в 1775 г. договорился в с. Пантыл «о сделании ему ... строящейся ... каменной церкви вместо упавшаго свода вновь оногo»⁷⁶. Крестьянин «Спенцынского оброчного стана подгородней волости» Иван Балезин взял в 1782 г. подряд на постройку колокольни в с. Гостино, однако вскоре, несмотря на заключенный договор, ему в этом было отказано⁷⁷. Конечно, значительное число работавших на Кафедральном соборе и впоследствии оставались простыми членами артелей. Хлыновские мещане Перфило Метелев и Родион Золотухин уже в 1783 г., при перестройке в их городе Всесвятской церкви, были «не подрядчиками, а в числе протчих десяти человек черноработцов»⁷⁸.

В 1765 г. епископ Варфоломей приказал, «чтоб отныне впредь Вятской провинции к строению вновь каменных церквей кроме находящихся при ныне строящемся здесь Кафедральном соборе каменщиков и иногородных и других без ведома и дозволения духовной консистории ... отнюдь никого ни под каким видом не подражать»⁷⁹. Однако это не смущало заказчиков. В 1766 г. жители с. Сезенево, намечая возвести каменный храм, просили у архиерея разрешения «в уставе при оном строении обращаться» не участвовавшему в сооружении собора посадскому городу Слободского Якову Котельникову, «которой в строении ... каменных церквей искусство имеет»⁸⁰. Примерно в то же время Котельников был нанят в с. Совье⁸¹. В 1769 г. консистория узнала, что в с. Всесвятском «самовольно» подрядили каменщика Григория Тебенкова⁸², а в с. Пасегово — хлыновца Ивана Коршунова. Последний, лишь недолго проработав на стройке Кафедрального собора, превратился затем в одного из крупнейших специалистов каменного дела на Вятке. Вот перечень работ Коршунова, приведенный им самим (в 1783 г.): храмы в селах Верхосунье, Верхние Кумены, Холуницко-Ильинское, Бахта, кладбищенская церковь в Слободском, верхний придел Стефановской церкви в Хлынове, колокольни в с. Пасегово и при слободском Вознесенском соборе⁸³.

В этом же кругу мастеров, почти или вовсе не связанных с Кафедральным собором, назовем еще крестьянина Юмских Починков Котельнического уезда, жившего в Хлынове в «загородной монастырской слободке», Ермолая Спицына и крестьянина «Хлыновского уезда Бритовской подгородней волости» Савву Цепелева. Спицын руководил сооружением церкви в с. Вяз по подряду, взятому в 1775 г. совместно с крестьянином Слободского уезда Софроном Сунцовым⁸⁴. Кроме того, Спицына в 1779 г. наняли строить храм в с. Нижне-Ивкино⁸⁵. Цепелев строил церковь в с. Спасо-Талица, а в 1783 г. осматривал «грунт земли места» под закладку новой Троицкой церкви в г. Орлове⁸⁶.

На юге Вятской земли работали свои мастера, и хлыновских каменщиков туда, по-видимому, не приглашали. Богата каменщиками была «дворцовая Кукарская волость». Крестьянин с. Ильинского Ефим Кошкин вместе с «той же волости вверх по Белой речке новопоселенного починка» Карпом Головиным заключил в 1770 г. контракт на постройку церкви в с. Лебяжье, занимаясь ей по крайней мере до 1779 г.⁸⁷ В 1780г. Кошкин возводил по подряду в Кукарке «при настоящей Покровской церкви по правую руку придел», в 1781 г. — храм с. Красная Изголь⁸⁸. С крестьянами Кукарской волости Ефимом Южаковым и Анисимом Лутошкиным в 1775 г. составили «договорное о строении в ... селе Колянуре колокольни письмо». После смерти обоих подрядчиков колянурскую колокольню достраивал с 1779 г. односельчанин Е. Кошкина Герасим Домрачев⁸⁹.

«Города Яранска содержащие ландмилицию» (преемники «старых служб» стрельцов) Яков Кудрявцев, Дмитрий Цырочкин построили в 1770 г. Покровский собор в Царевосанчурске⁹⁰. Более полно состав их артели выясняется из «записи» на сооружение храма с. Пижанка (1773)⁹¹. Здесь, помимо Кудрявцева и Цырочкина, фигурируют Степан Кузнецов, Иван Царегородцев, также принадлежавшие к ландмилиции, «да отставной солдат живущей в том же городе Яранске» Павел Ситнов; руководящее положение было на сей раз за Кузнецовым. В 1778 г. Кудрявцев заключил от себя договор в с. Кичма⁹², но затем, вероятно, отошел от дела, ибо летом следующего года «докончатъ церковное каменное строение» должны были там Ситнов и Цырочкин. В 1783 г. они еще работали над кичминским храмом⁹³.

Ремесло каменщика сделалось на Вятке наследственным. В иных мастерах узнаются потомки местных строителей конца XVII — начала XVIII в. Так, Д. Москвитинов, видимо, приходится племянником члену никоновской артели Исаку Москвитинову. На протяжении четырех поколений прослеживается династия Окуловых⁹⁴. Достойным наследником мастера Лаврентия Злобина стал сын Макар, проживавший близ бывшей монастырской вотчины — с. Ку-

мены, где в 1779 г. был подряжен перестраивать теплый храм, а также возвел восьмерик на холодной церкви. В 1777 г. он строил колокольню в с. Кырмыж. Деятельность М. Злобина была особенно обширной в 80—90-е годы, когда им были выстроены церкви сел Архангельского, Петровского (по «образцу» предыдущей), успешно осуществлен ряд архитектурских проектов⁹⁵.

Неотделима от вятского зодчества семья Горынцевых — не вятчан по происхождению; Горынцевы появились на Вятке около 1763 г. Весной 1765 г. выборные из с. Истобенского заключили с Н. М. Горынцевым договор на сооружение Николаевской церкви⁹⁶, которую неудачно начал А. Окулов. Параллельно с Николаевской церковью он вел другие постройки: колокольню в с. Великорецком, церковь в с. Никулицком (по крайней мере, «забыл» ее)⁹⁷. Кроме того, Никита был вовлечен в строительство Кафедрального собора, руководя в 1767 и 1768 гг. перекладкой сводов холодного храма, первоначально выведенных слишком низко⁹⁸, а осенью 1768 г. участвовал в торгах на закладку фундамента соборной колокольни⁹⁹. Сотрудниками Никиты были в ту пору его земляки, помогали ему и три сына — Данило, Николай и Борис. Нелегко определить, когда наиболее талантливый из сыновей мастера, Данило Горынцев, начал сам брать подряды. Впоследствии, перечисляя в «доношении» в консисторию свои постройки¹⁰⁰, Данило о некоторых умолчал, зато назвал те, где работал, надо думать, еще под руководством отца (Истобенское, Великорецкое). Представляется, что и сооружение церкви в с. Макарье «за Вяткою рекою» возглавлял тоже Никита Горынцев¹⁰¹. Не совсем ясно, кто из Горынцевых являлся подрядчиком в селах Юрьево и Макарье «за Моломою рекою» (Котельнический уезд), хотя и эту работу Данило приписывал себе.

Весной 1773 г. Горынцев-отец взял подряд в с. Раменье с тем, «чтоб ... по основании фундамента быть ему ... до окончания строением тоя церкви мастером и над работными людьми безотлучно смотрение иметь», однако от этой работы его отвлек другой подряд — в с. Просница. Жалоба раменских заказчиков и вмешательство консистории, видимо, заставили Никиту передать свои дела в Проснице работавшему с ним на постройке раменской церкви сыну. С того момента, надо полагать, и развертывается самостоятельная деятельность Данилы Горынцева, тогда как имя отца перестает фигурировать в документах¹⁰². В начале 1775 г. выборный привез Данилу в Сарапул заключать контракт на сооружение Вознесенского собора. Но мастер пренебрег своими новыми обязательствами, продолжая строить просницкую церковь и участвуя в сооружении храма в с. Волково. Доставленный в конце 1777 г. в консисторию для допроса по поводу невыполнения сарапульского подряда, Данило вышел из положения благодаря священнику и выборному с. Екатерина, которые как раз нужда-

лись в опытном строителе. Немедленно внеся за него «те деньги ... задаточные сарапульские», они заполучили Горынцева с каменщиками к себе¹⁰³. В 1779 г. Данило, предоставив присмотр над стройкой в с. Екатерина братьям Николаю и Борису, взял новые подряды. Он «забутил» храм в с. Нижне-Ивкино, но вскоре был вызван на строительство хлыновского Спасского собора для «показания поверстки кирпича». В Хлынове мастер узнал, что ивкинские жители «ево Горынцова отбрасывают» и подрядили взамен Е. Спицына. Тяжбу с ними в консистории весной 1780 г. Данило проиграл¹⁰⁴.

С 1782 г. Д. Горынцев сооружал храм в с. Сорвижи по проекту архитектора В. Кафтырева. В 1788 г. вместе с каменщиком Бабиковым он заключил «условие» на постройку колокольни в с. Ржанополомском¹⁰⁵, а в 1790 г. возводил колокольню в с. Екатерина¹⁰⁶. Последнее известие о нем относится к 1795 г., когда он перестраивал в Котельнице Николаевскую церковь, выполняя проект архитектора Ф. М. Рослякова¹⁰⁷. В биографии Данилы был момент, когда, оказавшись «в праздности без работы», он намеревался идти на Урал. В соседнем регионе вятчане, надо полагать, работали нередко, но этот факт подкрепляется пока немногими документальными свидетельствами. В 1777 г. хлыновский посадский Федот Суворов, участник сооружения Кафедрального собора, возглавлял своих земляков, вместе с соликамцами продолживших строительство храма Сысертского завода. В марте следующего года Суворов отправился из Хлынова в Екатеринбург, где был обязан договором с купцами Дубровиными «находиться в клаже каменной при новостроящемся здесь ... доме или других строениях», однако по дороге принял предложение священника и выборного с. Шерья «остаться к достроению ... каменной церкви», соорудившейся до него тоже хлыновцами — Григорием Пенкиным, а затем Григорием Масленниковым¹⁰⁸.

Лучшими уральскими строителями по-прежнему оставались соликамцы. Поскольку в самом Соликамске во второй половине XVIII в. работы было очень мало¹⁰⁹, они мигрировали по всему Уралу. Группа соликамских каменщиков — посадские Иона Кремлев, Матвей Пинягин, Григорий и Иван Татариновы — в 50-е годы находились в Верхотурье¹¹⁰, двое последних — «у клажи каменной церкви» (по всей вероятности, Иоанно-Предтеченской для заводчика М. М. Походяшина). Между тем екатеринбургские горные власти начали сооружение Екатерининского собора по переработанному проекту архитектора И. В. Миллера. Констатируя, «что мастера, который бы в совершенное той соборной церкви строение мог вступить, в здешних местах не отыскивается», Канцелярия Главного заводов правления в 1758 г. затребовала Татариновых («оба они к тому достаточны») в Екатеринбург. Правда, в тот раз с братьями не сошлись в цене. Но после сезона

1759 г. недовольная «вызванным из Руси во имяновании уставщика» ярославцем Иваном Дубовым Канцелярия вновь вспомнила о Татариновых¹¹¹. Походяшин, чьи денежные дела тогда были в расстройстве¹¹², поспешил послать их в Екатеринбург. «Кондицию» Татариновы заключили наравне с Кремлевым¹¹³.

Свыше двадцати соликамских каменщиков сооружали в 70-е годы церковь на Сысертском заводе¹¹⁴, будучи в подчинении, как уже говорилось, у устюжанина Вешнякова, а затем вятчанина Суворова. Среди них встречаем четырех Зыряновых — Василия, Дмитрия, Гаврилу и Захара. С долей вероятности можно предположить, что к ним имел отношение (или происходил из Соликамска) подрядчик Данило Зырянов, строивший Преображенскую церковь в Кунгуре, хотя позднейший источник и называет его екатеринбургским купцом¹¹⁵. Хорошие каменщики имелись в Далматовом монастыре. Иакинф Денисов (Стафиев) вел ряд строек на Урале (например, Христорождественского собора в Челябинске в 1765 г.), посылался в 50-е годы в Енисейск для «уставы церковного каменного строения» и обучения каменному делу «тамшних монастырских»¹¹⁶.

Что касается заводских каменщиков, то екатеринбургским, «кои», как не слишком лестно отзывалась о них Канцелярия, «простую клажу каменного здания отправлять могут», отводились при сооружении Екатерининского собора сугубо вспомогательные функции¹¹⁷. Демидовские заводы также имели каменщиков, отпускавшихся иногда и на сторону. Так, «Невьянского завода житель» Гордей Нечкин строил в Екатеринбурге здание госпиталя и Старо-Златоустовскую церковь¹¹⁸. В целом же на Урале, особенно на горнозаводском, отмечалась нехватка квалифицированных каменных дел мастеров. «Для строения при нижнотагилском моем заводе каменные церкви» (Входо-иерусалимской. — А. К.) Н. А. Демидов велел в 1764 г. собрать «сколько есть при заводах моих каменщиков ... а буде своих ... недостаточно, то нанять из городов Верхотурья, Туринска и Тюмени и Долматова монастыря ис крестьян»¹¹⁹. Однако руководство ими вверялось крестьянину Ярославского уезда Якову Коколову, который и был «уставщиком» на этой стройке в течение пяти сезонов¹²⁰.

В середине XVIII в. подрядный способ работ почти совершенно вытеснил остальные. К нему вынуждены были прибегнуть даже те заказчики, которые могли использовать крепостной труд. Вятский епископ Варфоломей, закладывая Кафедральный собор, рассчитывал, что «без найма посторонних домовыми нашими людьми и вотчинными крестьяны исправиться будет можно»¹²¹. Вопреки этому уже в первый год возникла необходимость набирать черносозных крестьян и посадских за договорную плату. И затем архиерейской «домовой казначейской конторе», непосредствен-

но ведавшей сооружением собора, приходилось иметь дело не столько с «казенными людьми», сколько с подрядчиками.

Наем того или иного подрядчика во многом зависел от его репутации, красоты и прочности созданных им ранее построек. Некоторые мастера считали необходимым заручиться определенными рекомендациями. Например, Я. Кудрявцев перед тем, как добиваться подряда в с. Кичма, выправил две бумаги — от своей общины и от прежних заказчиков. Староста «содержащих ландмилицию» г. Яранска удостоверял, что Кудрявцев «уже действительно и был в подрядах настоящим мастером ... почему мы ево сим и одобряем что он ... каменного здания художество подлинно достаточно знает и состояния честнаго, никаких пороков то ж и других противных добродетелям худых поступок за ним не знаем, в кабаках и в наймах нигде не укреплен, почему ... ко оному в селе Кичминском церковного строения ево ... за сим нашим одобрением допускать без всякого сумнительства». Второй документ — «атестат», выданный причтом и «первыми прихожанами» царевосанчурского Покровского собора Кудрявцеву «с товарищи в том, что они ... по содержанию объявленного им плана при вышеупомянутом соборе каменную ... церковь во имя Покрова Пресвятыя Богородицы ... и на оном же фундаменте и колокольню строением достойною работою благополучно и по сие время невредно окончили»¹²².

При сооружении церкви по подряду мастеру полагалось «во всей той работе как священником с причетники, так и выборным быть во всем послушну и ни в чем никаких отговорок и прекословия не чинить». Согласно договору, заказчики обладали правом вмешиваться во все стороны производимой постройки, давая подрядчику указания. Даже в решении какого-нибудь конструктивно-технического вопроса, несмотря на некомпетентность, последнее слово оставалось за ними. Вот соответствующая цитата из пижанского контракта С. Кузнецова «с товарищи»: «толщину и вышину (стены. — А. К.) вести имея препорцью или по общекупному со священники согласию к лутчей пристойности или ж по воли их безпрепятственно».

От подрядчика требовалась прежде всего расторопная и тщательная работа «совершенно безостановочно хорошим мастерством и без всякой фальшивости безотрицательно неотходя»¹²³. Уклонение или какое-либо невыполнение взятых подрядчиком и артелью обязательств преследовалось. Если заказчикам не удавалось привлечь к ответу всех связанных договором лиц, пускался в ход принцип круговой поруки. За артель, не окончившую церковь в с. Малая Суна, пришлось отвечать рядовому каменщику Осипу Краеву, хотя за ним самим числился незаработанным всего рубль. Краев был в 1779 г. «из ... села Екатерининского с каменной работы взят командою своей и отослан под караулом в то

село Малое Сунское» и жаловался, что тамошний священник «ево Краева из артельщиков волочит одного за оной один рубль»¹²⁴.

Словесное
описание,
«образец»
и чертеж

Не вдаваясь в дальнейшие подробности подрядных отношений, труда и быта мастеров¹²⁵, рассмотрим факторы, непосредственно влиявшие на композиционно-художественную сторону здания.

Что заказчиков волновали чисто эстетические моменты постройки, свидетельствует ряд прямых упоминаний в документах. Жители г. Котельнича просили в 1767 г. разрешения в теплой Алексеевской церкви «для подобающей красоты окна поправить»¹²⁶, истобяне добивались от Н. Горынцева, чтобы у колокольни «над сводом осмерик ... был в красе», Е. Кошкину надо было на приделе кукарской Покровской церкви «около окон и дверей сделать для красоты фигуры тесаные из опоки таким маниром, каковыя у старой церкви»¹²⁷, и т. д.

В 40—70-е, а порой и в 80-е годы XVIII в. на Вятке, как доказывают подрядные договоры, сохранили значение словесное описание и «образец». Причиной этого являлась приверженность традиционным принципам организации строительства. От них, очевидно, был неотделим глубоко укоренившийся в сознании заказчиков и мастеров, освященный той же традицией некий художественный стереотип. Это можно проиллюстрировать следующей простодушной фразой из контракта Н. Горынцева с выборными с. Истобенского: «...а може чего в сем договоре том незнанием, забытием или ошибкою и не написали, то все чинить как у протчих таковых церквей обыкновенно, словом сказать, так все делать как церкви и колокольне быть надлежит».

Мастерам были понятны закономерности технического и композиционного характера. Использовать эти закономерности в условиях конкретного задания означало на языке подрядных записей «делать по препорции». Такое выражение чаще встречается в договорах, основой которых служит «словесный портрет» намечаемого к сооружению храма. Оно могло касаться не только способа кладки («извеску и песок класть в препорцию»), толщины стен («придел ... с простенком по препорции») и т. п., но и объемно-планировочного решения, масштаба той или иной части здания. В с. Кичма Я. Кудрявцеву при названных длине и ширине церкви, количестве окон, а также объемном построении и общей высоте храмового помещения предоставлялось «четверик и три осмерика сделать по препорции», т. е. самому найти их соотношения. Для придела кукарской Покровской церкви были чрезвычайно подробно расписаны все размеры вплоть до величины окон. Тем не менее и здесь читаем: «в западной стене дверь по препорции», «на нем (восьмерике. — А. К.) главу и под ней шею сделать по препорции»¹²⁸. Впрочем, интуиция мастера во многих слу-

чаях должна была уступать требованиям заказчика, которому принадлежало право окончательного решения: «а олтарь и трапеза по препорции как приказано будет». Выбор «образца» также по-прежнему оставался за заказчиками. Не менее быстро, чем мастера, они подмечали новинки «каменного дела», разумеется, если вновь созданные постройки несли в себе элемент преемственности и не слишком выходили за рамки сложившихся представлений.

До нас не дошли вятские подрядные записи 40—50-х годов, но в них наверняка постоянно фигурировала Спасо-Преображенская церковь в с. Великорецком — настолько часты ее отражения в храмах тех десятилетий. Свидетельствами сильного впечатления, произведенного на вятчан постройками Горынцевых — Николаевской церковью в с. Истобенском и особенно Макарьевской «за Вяткою рекою» — явились не только целая группа однотипных памятников, но и ссылки в прошениях и договорах.

Перестройка в 70-е годы хлыновской Цареконстантиновской церкви, распространение каменных малых восьмериков, казавшихся особенно эффектными на Стефановской (Донской) церкви, вызвали волну подражаний. Желание воспользоваться этими образцами для переделки верха своих храмов изъявили причты и прихожане хлыновских Иоанно-Предтеченской церкви (1775), Богоявленского собора (1777), церкви с. Кумен (1779), Николаевского собора в Нолинске (1783)¹²⁹. Случается, что избранный «образец» раскрывает нам особые художественные связи данного ареала. Так, на юге Вятского края, больше тяготевшем к Казани, чем к Хлынову, Е. Южакову и А. Лутошкину велели строить колокольню в с. Колянур «по ..., священническому нраву против казанской Петропавловской колокольни тем образцом ... с чистою резьбою против вышеписанной колокольни»¹³⁰. «Запись» С. Кузнецова в с. Пижанка, перечислив массу всевозможных, еле подающихся теперь расшифровке фасадных украшений, определяла «все оное класть с лицевой стороны как изображено в граде Казани у Ильинской церкви».

Строительство по «образцу» было, разумеется, характерно и для устюжского региона. Так, жители с. Ильинского «вознамерились» в 1781 г. построить каменную колокольню своего храма «наподобие в Устюге Великом которая при Ильинской церкви»¹³¹. В региональном центре выбирали даже столичные образцы. Сретенско-Мироносицкую колокольню артель В. Д. Квасова предполагала «сработать ... мерою в ширину и высоту и всем подобием так точно как зделана в Москве при церкви святого Никиты великомученика в Басманной, на которое строение ... и план получили». Заказчики и мастера знали основные размеры взятого «образца». Указание на него в колянурском договоре дополнили развернутым описанием, изобилующим цифрами: «...а заложить

тое колокольню на пяти сажнях во все стороны а во первом ярусе соорудить часовню, два четверика мерою восемь сажен да осмерику в двух же ярусах восемь же сажен со звоном двои слухи ... а сверху звону до креста осмерику ж шесть сажен со слухами ж»¹³². В с. Чепецко-Ильинском в 1780 г. намеревались строить церковь «фасоном, мерою и количеством против зарешной Макарьевской церкви (окроме колокольницы)»¹³³. Следовательно, практиковались какие-то обмеры, а о наличии зарисовок известно достоверно.

«Образец» почти никогда не воспроизводился буквально. Жители с. Петровского в 1787 г. «избрали обществом» в качестве прототипа новопостроенную церковь в с. Архангельском, более того, «порядили самага того ж майстера» — М. Злобина. Однако оба храма не вполне совпадают как по композиционной схеме, так и в деталях. Церковь с. Лебяжье, хотя Е. Кошкин и К. Головин и обязались «оную ... сделать наподобие села Истобенского Николаевской церкви во всем непременно»¹³⁴, напоминала последнюю лишь в основных чертах, при ином декоре. Очень далек от «образца» храм с. Вяз. Он и не мог походить на упоминаемый в контракте церковного старосты И. Санникова с Е. Спицыным и С. Сунцовым макарьевский уже потому, что должен был строиться в два этажа. В данном случае ссылка на «образец», видимо, была скорее формальной.

Вносимые изменения в первую очередь зависели от заказчика. В той же вязовской церкви подрядчикам следовало «прибавить клейма (картуши. — А. К.) где какия потребны будут ему Санникову». В с. Петровском должны были «уменьшить ... в храме и трапезе по одной сажени» (по сравнению с «образцом»). И все же, поскольку на практике, очевидно, считалось достаточным соблюдение только общего сходства, несомненен большой вклад самого мастера в переработку прототипа. Творческий опыт подрядчика внушал доверие, заставляя учитывать, а зачастую и полагаться на его мнение.

При всей распространенности строительства по «образцу» наблюдались и зачатки графического проектирования. Жители с. Орлово под Устюгом в 1771 г. просили разрешения соорудить верхний храм «по приобщенному фасаду»¹³⁵. И. Петрову и П. Мощову в Шарденге следовало, видимо, руководствоваться, кроме упомянутого контрактом плана, и каким-то фасадным рисунком, ибо при подробном указании размеров, в том числе высоты здания, ничего не сказано ни об окнах, ни об убранстве. В 1782 г. церковный староста Варваринского прихода в Устюге обратился к архиерею за дозволением разобрать обветшалую апсиду и «по приобщенному при сем рисунку ... вновь исправить». «Рисунок» представляет собой схематический план-проект, на котором пунктиром показана и существующая алтарная часть¹³⁶.

Еще лучше аналогичный процесс прослеживается на Вятке¹³⁷. Даже в договорах, изображающих будущее здание словами, проskalъзывают указания на чертеж. Если описание объемно-планировочного решения истобенской Николаевской церкви не считали нужным или не могли подкрепить чертежом, то «у всей той церкви окна делать, также около окон в пристойных местах поясы и вверху шестерики» Н. Горынцеву надлежало «в против прилагаемого при сем рисунка». В с. Кичма на сооружение храма предполагалось иметь план. Это явствует, во-первых, из того, что размеры приведены в договоре лишь суммарно, во-вторых, из формулировки, раскрывающей намерение в конечном счете руководствоваться именно планом: «олтарь в длину и ширину и в вышку по препорции а по совету священнойцерковнослужителей, приходских людей или как в плане показано будет». В отношении же дверей и окон недвусмысленно говорится: «вышиною и шириною по данному рисунку».

«Проекты» не шли пока дальше примитивного плана, иногда дополнявшегося набросками декоративных деталей. В с. Пижанка С. Кузнецов договаривался со священниками церковь «скласть по данному от них плану». Тем не менее в контракт вписаны «длинник» и «поперешник» всех ее частей, из чего ясно, что план носил схематический характер и не имел масштаба. Отсутствие чертежей фасада и разреза заставило назвать число верхних окон четверика, расстояние до них от нижних, которых предстояло сделать «колико на плане показано будет», и указать, сколько окон должно быть в восьмерике, «да в глубозе поднявшись от осмерика», т. е. в венчающем фонаре.

Исполнение нехитрого «проектного» рисунка было под силу многим священнослужителям (для декора Николаевской церкви в с. Истобенском рисунок, как сказано в договоре, был «малеван» пономарем устюжского Прокопьевского собора), да и некоторым прихожанам. Разумеется, этим занимались и сами строители. Обращает на себя внимание тот факт, что рисунок с «образца» для сооружения церкви в с. Лебяжье дан был заказчиком мастерами, а не наоборот. Возможно, Е. Кошкин и К. Головин изучили и, как умели, изобразили ее прототип по требованию своих нанимателей. Но не исключается и наличие у мастеров коллекции таких изображений, которая могла пригодиться при переговорах с заказчиками, служила подспорьем в работе. Отдельные подрядчики самостоятельно достигли определенных успехов и в роли проектантов. О Д. Горынцеве местный историк отзывается как о приобретшем «даже в сочинении планов немалое искусство»¹³⁸.

Можно предположить, что на Урале большинство сельских церквей, а также некоторые городские, особенно в городах, непосредственно не связанных с заводами, также строились на основе словесного описания и «образца». Для примера достаточно

привести хотя бы многократные подражания соликамской Воскресенской церкви. Но на горнозаводском Урале еще с петровской эпохи вошло в правило составление проектов. Буквально все известные нам контракты подрядчиков, строивших храмы на заводах, предусматривают работу по чертежу (И. Дубов, И. Кремлев с братьями Татариновыми, Д. Квасов в Екатеринбурге, Я. Коклов в Нижнем Тагиле, Л. Вешняков в Сысерти и Полевском). Горные власти и при сооружении церквей приказывали «накрепко наблюдать, чтоб то строение произведено было против чертежа сходственно»¹³⁹. В связи с усмотренными «по измерению ... ошибками» Дубов был отстранен от постройки Екатерининского собора и заменен Кремлевым и Татариновыми. Новые мастера, исходя из эстетических соображений, пошли на уменьшение толщины стен, но во внешний облик храма они никаких изменений вносить не помышляли: «...а снаружи быть как есть, против данного от Канцелярии Главного заводов правления чертежа».

**Переход
к строительству
по архитектур-
ским проектам**

До сих пор речь шла главным образом о традиционной ситуации, когда мастера, конечно, с учетом «образцов», а иногда и примитивных планов, набросков деталей, совмещали в себе автора-зодчего и подрядчика-строителя. Между тем уже в 40-е годы и тем паче в последующие десятилетия некоторые заказчики, и прежде всего духовные власти, нуждались в услугах специально подготовленных архитекторов. Однако получение проектов, а особенно вызов архитектора из столиц в глубинные регионы, были делом хлопотливым и дорогостоящим. В 1763 г. устюжский епископ Феодосий, попросив обер-прокурора Сената А. И. Глебова направить для осмотра и составления сметы на перестройку Успенского собора «архитектора, или из учеников достойного», вскоре отказался от своего намерения, ибо «архитектору содержание и плата потребна была немалая, каковыя здесь прозвесть будет не из чего...»¹⁴⁰.

На горнозаводском Урале потребность в архитекторах остро не ощущалась, поскольку их здесь успешно заменяли геодезисты. Екатеринбургский «главный межевщик» Афанасий Кичигин переработал присланный из Берг-Коллегии проект Екатерининского собора, который, как оказалось, «здешние художники по прилежном старании в совершенность разобрать не могут»¹⁴¹. «Знаменованием», т. е. чертежной графикой и умением составлять проекты, хорошо владели не только геодезисты, но и прочие чины горного ведомства. В 1755 г. член Пермского горного начальства Егор Арцыбашев, обращаясь к архиерею за разрешением выстроить каменную Петропавловскую церковь на Егошинском заводе (будущий г. Пермь), в отличие от массы аналогичных просителей добавил: «...а каким маниром оная церковь строитца будет, то ... для

разсмотрения приобщается при сем чертеж»¹⁴². Только крупнейших уральских заводчиков, таких, как Демидовы, обслуживали столичные зодчие¹⁴³.

Большую настойчивость в приглашении архитекторов проявляли вятские архиереи. Еще в 1744 или 1745 г. к епископу Варлааму, добывавшемуся «из Москвы или другого какого города искусного архитектора и доброго гезеля», Сенат направил товарища Д. В. Ухтомского — «гезеля» Тихона Иевского, составившего смету «на возобновление» Кафедрального собора и перестройку архиерейского дома¹⁴⁴. Этот контакт с московской архитектурной школой нашел продолжение полтора десятилетия спустя, когда руководить сооружением нового Кафедрального собора прибыл питомец «архитекторской команды» Ухтомского И. Г. Кутуков, проработавший в Хлынове сезоны 1760—1764 гг. Затем его сменили архитекторы С. И. Заикин (1765), Василий Ильин (1766), а при начале сооружения соборной колокольни (1769) присутствовал Алексей Бекарюков, также бывший одно время учеником Ухтомского. Сам Ухтомский состоял в переписке с епископом Варфоломеем, «апробировал» чертежи Кутукова и давал ему «наставления»¹⁴⁵.

Возглавляя стройку, Кутуков весьма недоверчиво относился к качеству заготовленных материалов и техническим приемам каменщиков¹⁴⁶. В 1763 г. он, заявив, будто «здесьние каменщики искусства хорошаго знать не могут и столбов, перемычек и со оных сводов, контрибунов строением не в каких местах непроизводили ... от чего и в строении зделается может повреждение», потребовал нанять «достойных и знающих» иногородних. Однако вызванные к архиерею «лутчие мастера Спиридон Редников с товарищи» заверили, что части здания, о которых так беспокоился архитектор, возвести «твердою и прочною работою могут». В итоге Кутукову было предложено: «...оным каменщикам дать по архитектуры ваше ясное наставление»¹⁴⁷. При сооружении Кафедрального собора местные каменщики, бесспорно, повысили свою квалификацию, приобрели новые профессиональные навыки, не говоря уже о непосредственном знакомстве с формами столичного зодчества. Данное им преимущественное право на получение заказов было мотивировано архиереем следующим образом: «находились здесь под смотрением архитектора и по указательству ево дело производили порядочно»¹⁴⁸.

Преемник Варфоломея — Лаврентий II, хотя не без сожаления и признавался, что «в архитектурском знании немного практики имел»¹⁴⁹, с самого начала управления епархией активно вмешивался в организационную сторону строительства. Но ввиду отсутствия связей с архитекторами составление планов и смет, освидетельствование культовых зданий Лаврентию приходилось поручать служителям архиерейского дома или членам консистории,

проводившим это «с мастеровыми каменного художества людьми»¹⁵⁰. Положение изменилось после того, как осенью 1777 г. в Хлынове было получено «сообщение» казанского губернатора П. С. Мещерского. Отмечая, что «не только в уездах ... но и в городах зданий вновь церквей ... совершаются без проектов архитекторских, следственно и к прочности и в виде фасад без надлежащих правил, а потому и расположении их внутренняя в несоответствиях благолепию», Мещерский уведомлял епископа: «В городе Казане ныне есть и настоящей архитектор господин надворной советник Яковлев и в архитекторской должности господин коллежской асессор Кафтырев». Тут же рекомендовалось всем, кто предпримет постройку каменного храма, обращаться «персонально или чрез изъяснении письмом к архитекторам оным в Казане пребывание ... имеющим», давая сведения «в какой по возможности своими длине, фасады широтою, общественно ли с церквию в фасады и колокольню, или отдельно и какой же обширности построить желают и дикой камень на фундамент какова сорта имеют, да и о величине кирпича». Губернатор гарантировал, что «по объявлениям тем от того архитектора коему кто подаст ево, будут без малейших трудностей и убытков проект и план с наставлениями ... к построению тому нужными да и смету о материалах всех получать»¹⁵¹.

Это предписание ограничивало волю заказчиков: им оставалось лишь указать размеры будущего храма, стилистику которого всецело определял архитектор. Оно немедленно было, «яко в таком случае полезнейше необходимонужное», принято к исполнению. От обращавшихся в консисторию храмоздателей уже в конце того же 1777 и в 1778 г. стали требовать «прислать объяснение для составления плана», препровождая затем в Казань архитектору Василию Кафтыреву. Жители с. Ишлыка сообщили о предполагаемых размерах колокольни, наличии камня и какой у них употребляется кирпич. Спустя девять месяцев в Кукарское духовное правление поступили «учиненная господином ... Кавтыревым согласно правилам архитектуры гражданской план, фасад и смета материалам с наставлением надлежащим для отдачи благомыслителям»¹⁵².

Духовные власти не преминули воспользоваться услугами находившегося в 1780 г. в Хлынове «при строении наместнического дому» нижегородского архитектора Якова Ананьина (ранее — помощника И. Е. Старова). Причам и прихожанам сел Кумены и Суна, где намечалась перестройка храмов, указали пригласить его приехать и «учтивым образом о исправлении просить наставления, или плана ... и по ево наставлению строение и производить». Ананьин побывал в Суне и дал необходимые консультации¹⁵³. Было бы неверно рассматривать происходившее только как следствие давления духовных и светских властей. В какой-то, пусть

малой степени это было подготовлено изменениями вкусов и понятий части заказчиков. Ведь не зря прихожане хлыновской Иоанно-Предтеченской церкви, прося в 1775 г. санкции переделать ее верх, считали, что она «в прежния времена» построена низкой по недостатку средств, «а паче предвидится, что по незнанию архитекторских правил»¹⁵⁴.

Соответственно не могла не снизиться роль подрядчика. Достаточно привести договор И. Коршунова в с. Бахта (1779)¹⁵⁵, почти полностью сводящийся к чисто техническим вопросам. В нем не найти даже цифровых данных, поскольку, очевидно, имелся исполненный в масштабе архитекторский чертеж, которого и надо было придерживаться («по объявленному ему Коршунову рисунку размерять»). Конечно, на деле заказчик и мастер не всегда точно следовали проекту, да еще не совсем им понятному. Например, в 1783 г. выяснилось, что в Ишлыке «колокольня заложена не по рисунку но пространнее с огласия всех того села священноцерковнослужителей с приходскими людьми, а не по одному ... священника Ермила приказанию, какового ... единому ему ... и дать невозможно, ибо в рисунке силы он не знает, а положились они тогда ... на подрядчика Данила Тупицына и естли бы ширина и длина колокольни свыше рисунка ему Тупицыну была противна, то б он о том на них в то ж время мог просить где надлежит»¹⁵⁶. Любопытно, что архитекторский чертеж стал использоваться в привычном качестве «образца». В 1783 г. консистории сообщили, что для предполагавшейся к закладке орловской Троицкой церкви «по мачтабу ж за неимением в городе ... сведущаго архитектуры человека зделать чертеж некому, почему и учинен чертеж оной строению тому по примеру только»¹⁵⁷.

В течение определенного времени духовные власти не возбранили составление проектов наряду с архитекторами также и опытным подрядчиком. Многочисленны архиерейские резолюции 1783—1785 гг., предписывающие строить «по плану архитектурскому или искусных мастеров»¹⁵⁸. Но затем эта компромиссная формулировка сменилась другой, четко разграничивающей функции зодчего и подрядчика: «... чтоб строение ... производимо было по архитектурскому плану и фасаду и под смотрением искусных в сем деле мастеров»¹⁵⁹. Епископ Лаврентий дождался появления в Вятке штатного губернского архитектора. Пока же на просьбу прихожан котельнической Николаевской церкви о постройке восьмерика он высказался так (учитывая и то, что они «сумы на строение не имеют»): «когда представят нам от архитектора или искуснаго мастера основательное мнение, что от сей переделки никакова вреда и безобразия церкви не последует, тогда и строение осмерика производить мы дозволим»¹⁶⁰. Одновременно мастерам, не прошедшим «свидетельствование» архитектора,

начали отказывать в «аттестатах». Так поступили в 1785 г. даже с Данилой Горынцевым¹⁶¹.

Глубокие сдвиги в организации культового строительства происходили параллельно с проводимой в общегосударственном масштабе после губернской реформы 1775 г. градостроительной политикой, составлением и подготовкой к осуществлению новых регулярных планов городов¹⁶², архитектурским проектированием каменных гражданских зданий. Весной 1786 г. в Вятке вступил в должность первый губернский архитектор Ф. М. Росляков. Через несколько месяцев после его прибытия консистория издала указ, предписывающий «на строение каменных колоколен, церквей, иконостасов брать от архитектора планы и фасады ... а подряды чинить с таковыми мастеровыми людьми, которые имеют в своем искусстве от архитектора надлежащее свидетельство, строение производить не иначе, как только по данным от архитектора чертежам и планам, а с неимеющими от архитектора свидетельства подрядов не чинить под опасением штрафа»¹⁶³. Лишь в первое время работы губернского архитектора еще была возможна некоторая самостоятельность прихожан в выборе стилистики для ремонтируемых или вновь возводимых культовых зданий. Когда жителей с. Кырчан, намеревавшихся в 1787 г. починить завершение церкви, консистория запросила, «по старому или по новому маниру перекрывать будут», предупредив, что «буде по новому, то должно взять план и фасат от архитектора», те ответили: «церковную курму и протчее намерены покрыть не по новому, а по старому маниру»¹⁶⁴. Однако в 90-е годы архитектурский надзор не только за гражданским, но и за культовым строительством на Вятке ужесточился. Практически все новые храмы сооружались по проектам Рослякова. Подрядчики превратились в простых исполнителей, а их творческая активность сошла на нет.

О начале проектирования архитекторами церковных зданий Прикамья можно судить по изложенным выше материалам, ибо и из «пермской десятины» через Вятскую духовную консисторию шли заказы Кафтыреву. Показательно, что на горнозаводском Урале, где проектные чертежи давно стали обычным делом, даже в приписанных к заводам селах были заранее готовы принять любое архитектурское решение. Жители сел Судинского и Ясылского Кунгурского уезда в 1778 г. послали в консисторию только сведения о камне и кирпиче, цифры длины и «широты» намечаемых к постройке храмов, «о высоте же тех церквей и мере оларей их и колоколен, виде фасадов и о всем протчем оставляют на благоразсмотрение господ архитекторов»¹⁶⁵. Росляков, судя по сохранившимся постройкам, прикамским ареалом почти не занимался. Здесь надо предполагать скорее работу губернских архитекторов Перми или даже Тобольска¹⁶⁶. Особенно большую лепту тобольские зодчие могли внести в культовое строительство ряда уездов

Зауралья, пока последние не отошли ко вновь учрежденной в 1799 г. Пермской епархии.

К сожалению, о внедрении архитектурских чертежей в Устюге и его регионе в документах ничего не сказано. До самого упразднения местной епархии (1788) и ее присоединения к Вологодской прямым данным о контактах с архитекторами нет. Устюжские архиереи не требовали от прихожан заполучать проекты, что, впрочем, при заинтересованности могло практиковаться и без какого-либо принуждения свыше. Устюга, особенно в 80-е годы, не могла не коснуться деятельность вологодского губернского архитектора П. Т. Бортникова, а в следующем десятилетии в городе работал уже свой «архитектурии помощник» Иван Аленив¹⁶⁷.

**Стилистика.
Взаимодействие
традиций
и новаторства**

Сороковые-пятидесятые годы XVIII в. явились кульминацией русского барокко, которое «в большой мере впитало в себя рационалистические тенденции раннего петровского просвещения и в то же время яркую живописную стихию национального искусства предшествующего столетия»¹⁶⁸. Данное положение распространимо и на памятники изучаемых регионов, в том смысле, что традиции XVII в., особенно «московского барокко», к середине XVIII в. были в какой-то степени видоизменены и дополнены вследствие влияния петровской архитектуры.

Такой создававшийся на локальной почве сплав обнаружил достаточную прочность на новом этапе и обусловил относительно малую восприимчивость к формам барокко елизаветинского времени. И в композиции, и в декоре несомненны преемственность, иногда даже зависимость от местных построек первой трети XVIII столетия. И если большинство памятников, укладываясь в рамки региональной традиции, не копируют старые, причиной тому блестящее владение строителями искусством аранжировки. Нельзя, конечно, отрицать, что мастера подчас заимствовали у соседей, черпали из новых столичных источников. Но это не нарушало самобытности местных школ, сохранивших барочную направленность и в 60—70-е годы, когда в столицах утвердился классицизм. Только со следующего десятилетия, после осуществления губернской реформы, экспансия столичной классицистической архитектуры, поддерживаемая светскими и духовными властями, сделалась столь велика, что ей трудно было противостоять. Угасание регионального своеобразия стало фактом, хотя не исключалась возможность отдельных реминисценций и даже достижений.

Отмеченные этапы развития школы зодчества каждого региона проходили в неодинаковом темпе, с различными отклонениями, а следовательно, своеобразно.

Единственным примером центрической композиции в устюжской школе зодчества является церковь Иоанна Предтечи на Пухове, около Троицко-Гледенского монастыря (1764). Необычное пространственное решение — октогональное ядро, дополненное равновеликими, скругленными в глубине выступами алтаря и трех маленьких притворов, объясняется, возможно, расположением храма на месте рождения почитаемого в Устюге юродивого Иоанна и к тому же над источником. В построении масс пластичность основания сочетается с ярусным развитием в высоту, при наличии редкого для устюжской архитектуры широкого восьмерика.

В остальных культовых зданиях Устюга и всего региона принцип ярусности завершения осуществлялся при «трапезной» схеме плана. Среди одноэтажных храмов, впрочем, еще практиковалось устройство притвора вместо трапезной (несохранившиеся Благовещенская церковь в Усть-Выми, 1734—1746, где притвор был общим для храма и примыкавшего с севера придела; Покровская холодная церковь в Устюге, 1768—1780). В Тихвинской церкви подгороднего архиерейского с. Богородского (1753) аналогичный притвор находился между храмовым объемом и поставленной по оси колокольней. Усть-Сысольский Троицкий собор (1716—1753; не сохранился) имел даже галерею, огибавшую четверик (не доходя, правда, до линии алтарной стены) и заканчивающуюся приделами. Однако подавляющее большинство одноэтажных церквей этого времени принадлежит к трапезному типу. Те из них, что по традиции выполняли функцию зимних при сооруженных ранее летних, лишены объемно выраженных приделов, да и колоколен. Таковы Борисо-Глебская церковь в Устюге (1735—1743), лальский Благовещенский собор (1732—1762; рис. 16—4) с его просторной трапезной и папертью, куда первоначально вело два боковых крыльца¹⁶⁹, Спасская церковь в с. Ирта Ленского р-на Архангельской обл. (1755; рис. 18—2) и Стефановская в Усть-Выми (1755—1768). В последней особенности рельефа (холм и протекавший внизу ручей) обусловили длинную входную галерею на арках и предшествовавший трапезной асимметрично сдвинутый притвор.

В других памятниках трапезная расширена приделами с одной (Спасо-Преображенская церковь в с. Слобода, 1748; рис. 16—2; Рождество-Богородицкая в Сольвычегодске, 1768—1778) или двух сторон (Спасо-Преображенский собор в Яренске, 1758—1765; Богородицкая церковь «на Бабаеве» — ныне с. Михалево Котласского р-на Архангельской обл., строилась с 1770; Николаевская в с. Палема Великоустюжского р-на Вологодской обл., 1778). Апсиды приделов частично закрывают храмовый четверик. Но, будучи одной высоты с трапезной, приделы не очень выделяются в объемном построении. Только в черевков-

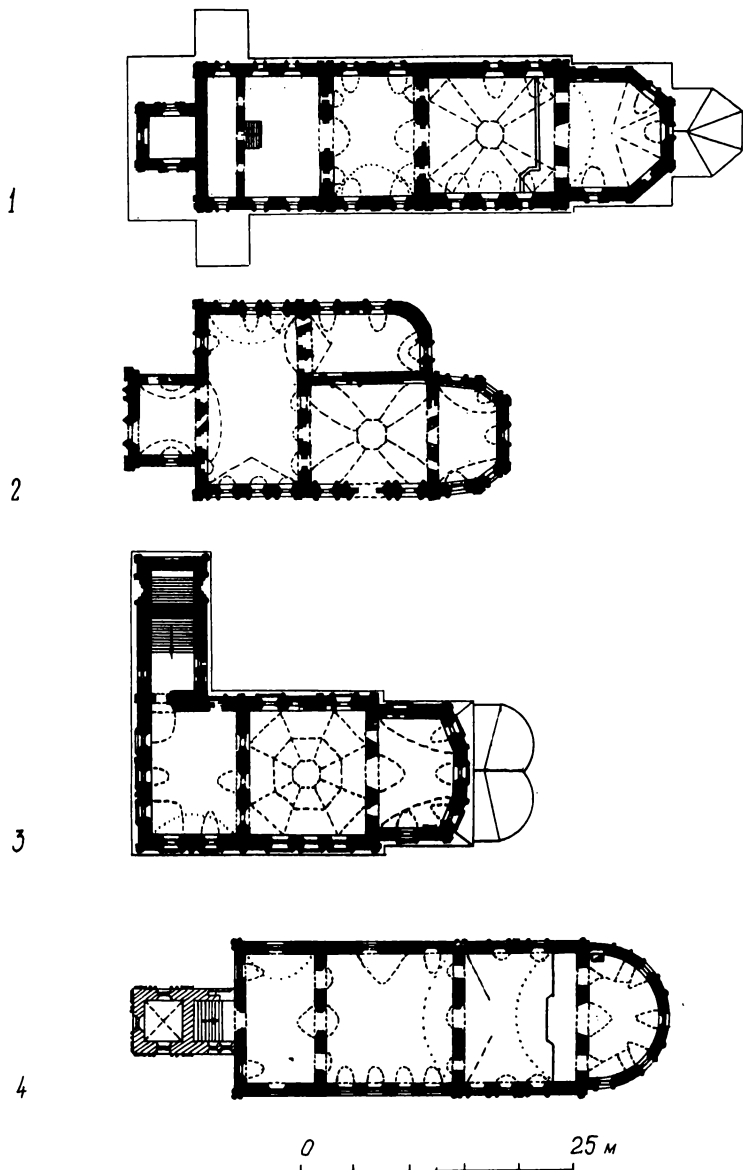


Рис. 16

1 — Богоявленская церковь в с. Яхреньга. План 2-го этажа; 2 — Спасо-Преображенская церковь в с. Слобода. План; 3 — Покровская церковь Покровского погоста на р. Лузе. План 2-го этажа; 4 — Благовещенский собор в Лальске. План

ской Троицкой церкви (Красноборский р-н Архангельской обл., строилась с 1731) оба придела были повышены, наделены «полуглавиями» и венчающими их малыми восьмериками. Подобное решение приделов, их композиционная активность родственны двухэтажным двухпридельным храмам Устюга — Иоанно-Предтеченской и Симеоновской (1725—1747; 1765) церквям. Самостоятельное значение имел придел устьвымской Благовещенской церкви, повторяя в уменьшенном масштабе формы основного храма.

Наметившаяся еще в первой трети столетия тенденция замены трех круглых апсид пятигранной теперь решительно возобладала, коснувшись и более старых культовых построек (устюжская Варваринская церковь). Однако в одноэтажных храмах есть ряд примеров использования алтаря традиционной формы, впрочем, ограниченной одним полукружием (Благовещенский собор в Лальске; памятники вычегодского ареала: Спасская церковь в Ирте, Спасская в с. Лена, 1774; рис. 18—3; Стефановская в Усть-Выми и др.), тогда как три полукружия имеет алтарь только черевковского Троицкого храма. Композиция алтарной части выстроенной в предыдущий период лальской Иоанно-Предтеченской церкви, имеющей две полукруглые апсиды, повторена в том же Лальске в конце столетия в Успенской кладбищенской церкви (1791—1796). Колокольни, если они вводились слитно с церковью, ставились теперь по ее оси. Единственное отклонение — Богородицкий храм с. Бобровниково Великоустюжского р-на (1778).

Характер решения местного двухэтажного культового здания определялся, как ранее в Христорождественской и Никольской церквях Устюга, ступенчатостью алтаря¹⁷⁰. Обе апсиды, верхняя и нижняя, отныне всегда пятигранные. Лишь в Покровской церкви на р. Лузе близ Лальска (1729—1750; рис. 16—3) нижняя апсида — двухчастная круглая, а у Спасской церкви в самом Лальске (1726—1750) — из трех полукружий. Трапезная второго этажа иногда представляет собой по сути такой же притвор, как и находящийся под ней внизу (Ильинская, 1736—1745, а также Леонтьевская, 1738—1770, церкви в Устюге; Троицкая в с. Вожем Ленского р-на, после 1772; Ильинская в с. Ильинском Великоустюжского р-на, 1777—1782). В Воскресенской церкви с. Пермогорье Красноборского р-на (1748—1752; рис. 17—2, 18—5), Троицкой с. Вотлажма (1753—1778; рис. 18—7) и Николаевской с. Комарица (1773—1781; рис. 17—3, 18—8) Котласского р-на Архангельской обл. трапезная второго этажа имеет окна на две оси, но также невелика. Объем верхней трапезной значителен только в Сергиевской Дымковской церкви (1739—1769), напоминающей Мироносицкую (в обоих случаях трапезные шире основного четверика). Растянут в длину второй этаж Богоявленской церкви с. Яхреньга Подосиновского р-на Кировской обл. (1760—1775; рис. 16—1), перед трапезной имеются еще два помещения. Приде-

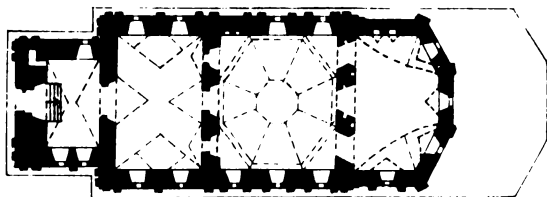
лы в двухэтажных церквях отсутствуют. Исключением, помимо храма Симеона Столпника, служит комарицкая церковь с приделом на северной стороне нижнего этажа.

Более существенное различие заключается в том, как прикомпонована колокольня. В одних двухэтажных церквях колокольни поставлены над выступом паперти (Спасо-Преображенская церковь в Ярокурье Котласского р-на, 1726—1745¹⁷¹; рис. 17—1, 18—4) либо вплотную к западной стене трапезной (несохранившаяся Петропавловская церковь в Устюге, 1738—1776; Пермгорье). В других они, также продолжая композиционную ось здания, выдвинуты вперед, соединяясь с верхней трапезной крытым переходом (или крыльцом) на арке. Впервые это было сделано, очевидно, в устюжской Ильинской церкви. Ее колокольня сооружена позднее холодного храма, но, судя по деталям, до 80-х годов. Оставшись в региональном центре единичным, такое соединение стало использоваться на «периферии» — в с. Ильинском, при достройке ряда памятников в конце XVIII в. (Вожем; Вотлажма) и даже позднее (Комарица).

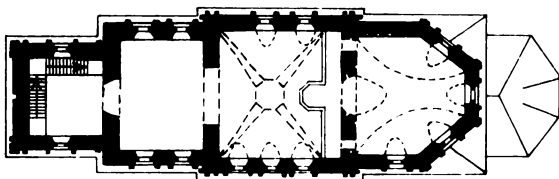
Каменным крыльцам — и тем, что устроены между трапезной и колокольней, и таким, как в Сергиевской Дымковской церкви, паперть и крыльцо которой тоже не являются изначальными, безусловно, предшествовали деревянные. Они могли находиться на месте существующих (например, в устюжском Леонтиевском храме, где крыльцо идет вдоль колокольни). В Покровской церкви на Лузе до пристройки с севера колокольни с лестницей и притвором (что не входило в первоначальный замысел) на второй этаж вели два деревянных боковых крыльца. О них доныне напоминают порталы верхней трапезной.

При стабилизации основных черт объемно-планировочной композиции как одноэтажного, так и двухэтажного храма устюжской школы еще устойчивее стал тип его завершения. После Мироносицкой церкви и реконструированного Успенского собора пятиглавие в Устюге вышло из употребления; исключение составляет несохранившаяся Знаменско-Филипповская церковь подгороднего Яикова монастыря (1735?). В регионе пятиглавым на протяжении всего периода, насколько нам известно, был только несохранившийся Троицкий храм в с. Телегово, тоже монастырский и тоже одноэтажный. Сооруженный в 1743 г. патрональным Соловецким монастырем, он венчался пятью небольшими восьмигранными барабанами с архаическими треугольными кокошниками в «перережку»¹⁷² и главками. Столь же малочисленны и храмы с широким восьмериком. Помимо уже упоминавшегося пуховского памятника, он использован в лальской Спасской церкви и Христорождественской церкви в с. Учка Лузского р-на Кировской обл. (1773 — после 1778; рис. 18—1) и выглядит довольно неказистым, особенно в последней, с ее грубо, хотя и не без своеобразия со-

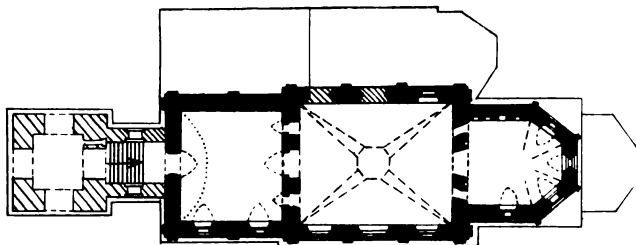
1



2



3



0 25 м

Рис. 17

1 — Спасо-Преображенская церковь в Ярокурье; 2 — Воскресенская церковь в с. Пермогорье; 3 — Николаевская церковь в с. Комарица. Планы вторых этажей

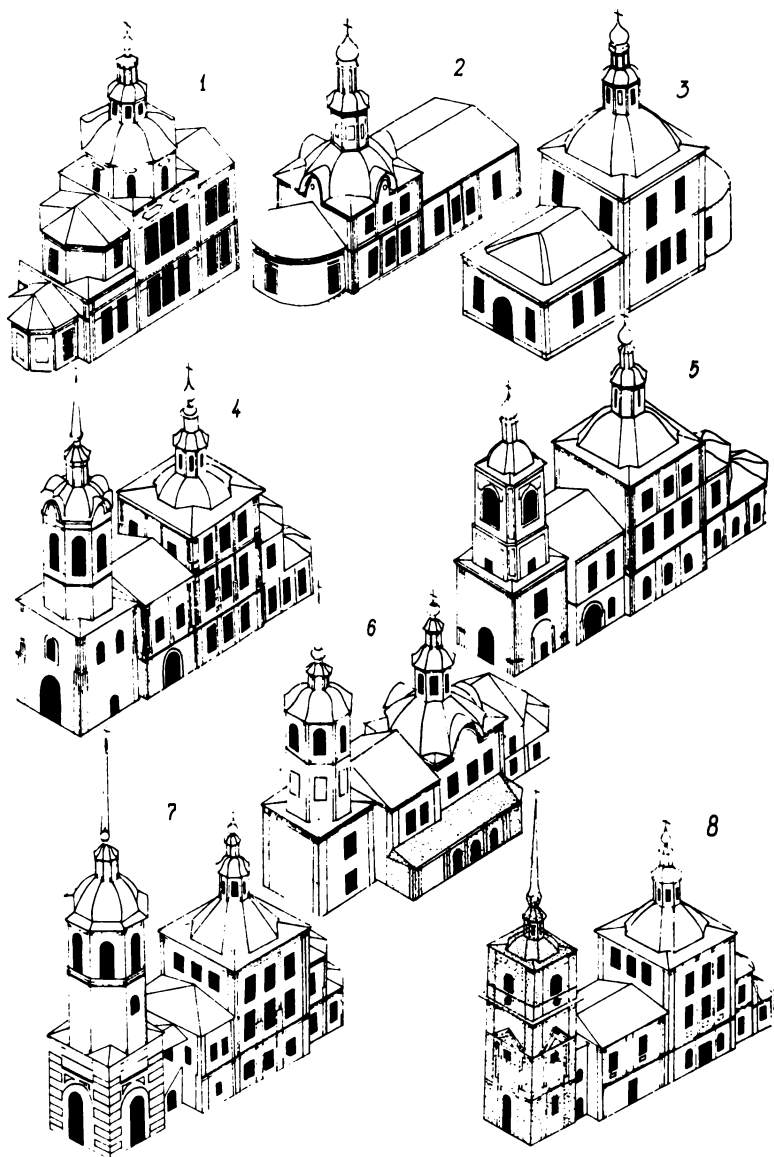


Рис. 18

Схемы объемного построения: 1 — Христорождественской церкви в с. Учка; 2 — Спасской церкви в с. Ирта; 3 — Спасской церкви в с. Лена; 4 — Спасо-Преображенской церкви в Яркуре; 5 — Воскресенской церкви в с. Пермогорье; 6 — Благовещенской церкви в с. Благовещенье; 7 — Троицкой церкви в с. Вотлажма; 8 — Николаевской церкви в с. Комарица

ставленными объемами. Остальные культовые здания, независимо от их этажности, венчал малый восьмерик, дополнявший вторым или третьим (включая барабан главки).

Пропорциональные соотношения восьмерикового верха с четвериком всегда неповторимы и визуально, без обмерных данных, поддаются лишь условной оценке. Но легко почувствовать, что для приземистых, «раздавшихся» вширь одноэтажных четвериков (Богородицкая церковь в с. Теплогорье Великоустюжского р-на, 1730—1741; Спасская церковь в Ирте) восьмерики своей легкостью и вертикальным движением создавали оттеняющий контраст. На кубическом четверике восьмерики поднимались ввысь еще эффектнее (Слобода, рис. 19), а там, где он сам очень строен (Богородицкий храм Усть-Недумского монастыря, Лузский р-н, 1763), композиция приобретала полную гармонию. Отметим, что многие храмы, скажем, Троицкая церковь в Черевкове, Спасо-Преображенский собор в Яренске, и при двух восьмериках достигали значительной высоты, причем без вытягивания свода, не отличавшегося крутой стрелой подъема. Однако выразительную роль свода зодчие осознавали. В этом убеждает посводно покрытый, увенчанный тремя динамично убывающими восьмериками лальский Благовещенский собор¹⁷³. Подчеркнуто «приподняты» на своде, играющем значительную роль в объемном решении, восьмерики храма с. Михалево (рис. 20). При невысоком четверике это вызывало диспропорцию масс, но мастера намеренно шли на такое сочетание, умея извлекать из него выразительность. В качестве примера достаточно привести храм в Бобровниково, два восьмерика на «продолговатом» своде которого делают скромный сельский памятник весьма запоминающимся.

Среди двухэтажных церквей устюжской школы встречаются выдержанные скорее в камерном масштабе, с верхним храмом в один ряд окон и переходом к двум восьмерикам при помощи плавного «полуглавия» (Леонтиевская в Устюге; церкви с. Благовещение, сооружалась с 1746, рис. 18—б, с. Ильинское Великоустюжского р-на). То же, несмотря на отсутствие «полуглавий», можно сказать и о Сергиевском Дымковском храме. Остальным свойственна монументальность, переходящая порой в статичность, не преодолеваемую и с помощью ярусного завершения (Петропавловская церковь в Устюге; Пермгорье). Это особенно ощутимо там, где грузный объем четверика венчает совсем маленький восьмерик (Комарица). Даже при трех восьмериках их вертикальное движение выглядит обособленным и не меняет статичного начала, воплощенного в основании — четверике (Вожем).

Разумеется, нетрудно привести примеры двухэтажных храмов, где, напротив, превалирует барочная динамика, с наибольшей силой звучащая в Покровской церкви на Лузе (рис. 21). Стремительно убегающие ввысь три восьмерика не уступают по эф-



Рис. 19. Спасо-Преображенская церковь в с. Слобода



Рис. 20. Богородицкая церковь в с. Михалево



Рис. 21. Покровская церковь Покровского погоста на р. Лузе

фектности Преображенско-Сретенскому храму в Устюге. В облегченном варианте эту же композицию давали сольвычегодские памятники (например, несохранившаяся Знаменская церковь, 1752—1774). В конце периода, когда стал акцентироваться несущий восьмерики свод, тремя восьмериками при весьма вытянутой форме основного была увенчана Троицкая церковь с. Шолга Подосиновского р-на (1773—1789).

Особенное положение занимает в кругу местных памятников известный храм Симеона Столпника. Связанный с устюжской школой такими приемами, как уступчатый алтарь, фланкирование трапезной приделами, он под явным влиянием столичного барокко завершен подобием купола, небольшому восьмерику которого отведена роль лишь светового фонаря. Но главное новшество заключалось в выделении западного фасада, своими террасой и «мезонином» с волютами родственного дворцовым зданиям.

Формы колокольни Симеоновской церкви, у которой мощному восьмериковому ярусу звона предшествовали прямоугольное основание, два одинаковых четвериковых яруса и легкое «полуглавие», внесли изменения в типологию устюжских колоколен, вызвав подражания (несохранившиеся колокольни Георгиевской, Тихвинской в с. Богородском, Петропавловской церковью, тоже до самого яруса звона четырехгранные). Однако это не исключало иные, даже сугубо архаичные решения (шатровая колокольня Леонтиевского храма). В тяготевшем к Устюгу регионе колокольни типа Симеоновской нам не встречались. Арочные пролеты идут поверху восьмигранного столпа, высокого (Вожем) или низкого (колокольня Введенского монастыря в Сольвычегодске, 1779—1788; не сохранилась), но всегда поставленного на четвериковое основание. Последнее у подавляющего большинства колоколен членится на два равновеликих кубических яруса. Восьмерик, возводимый над звоном, кроме единичных случаев (Слобода), очень мал и являлся барабаном устанавливавшегося на колокольне «шпица».

Для анализа декоративного убранства памятников устюжской школы допустимо разделить их на две группы, между которыми нет принципиальных расхождений в отношении фасадных схем, однако первая обладает сходной с характерной для начала столетия богатой и сочной пластикой деталей. Сами детали почерпнуты из зодчества того же времени. Красноречивым примером тому служит Сергиевская Дымковская церковь. Во втором этаже пучки угловых безордерных колонок, «завитковые» наличники храма и трапезной, так же, как единственное в новый период оформление четверика кокошниками и отрезающий их карниз, почти буквально повторяют декор Мироносицкой церкви. Используются и местные мотивы несколько более позднего происхождения — пилястры, валиковые обрамления окон и бровки. Конечно, строители пошли дальше простого копирования, предложив собственные

аранжировки и новшества (витые, с «ионическими» капителями колонки южного фасада, заостренные посередине алтарные бровки, филенки с вертикальным рядом розеток).

В Троицкой церкви с. Черевково колонный ордер, употребленный между апсидами, разорванные «вырезами» фронтоны наличников (рис. 23—1), стволы их колонок, точно покрытых резьбой, заимствованы из «московского барокко» и прямо не связаны с устюжской школой. Однако ей вполне соответствует прорисовка спаренных пилястр верхней части четверика, хотя и «висячих», наложенных постаментами на широкие нижние лопатки. Неожиданными для фасадов, наверняка подсказанными фрагментами устюжских барочных иконостасов, являются картуши в виде вертикально развернутого овала с дугообразным выступом. Некоторые наличники храмового объема и алтаря Благовещенского собора в Лальске, особенно когда по сторонам проема выведены тяги, близко напоминают черевковский памятник. Но в целом убранство собора разработано иначе: пилястры употреблены на четверике лишь по углам, над «нарышкинского» толка колоннами с валиковыми капителями (сходная колонка, только одинарная, вместе с лопаткой подклета отмечает ось стены).

Необходимо подробно остановиться на декоре такого шедевра, как лузская Покровская церковь. Ее южный фасад получил ритмическую разбивку колоннами, единую для обеих этажей (лишь на стыке с трапезной нижняя пара колонн смещена влево). Поскольку храм строился без расчета на обычное осевое примыкание колокольни, западный фасад, оформленный с не меньшей помпезностью, также имеет соответствующие этажам два яруса колонн. Ордер всех частей здания носит вполне древнерусский характер: на основном четверике вытянутые во всю высоту в простенках и на углах колонны наделены «импостными» завершениями, в нижнем этаже — валиковыми капителями. Валиковые капители мы видим и на западном фасаде. И только на верхней трапезной между бывшим порталом и окном есть колонна с «ионической» капителью. Колонки и капители того же ионического или, реже, коринфского типа использованы в большинстве наличников. Только по сторонам центрального нижнего окна холодного храма (южный фасад; рис. 23—2) идут тяги из двойных мелких балясиночек, а окнам апсиды первого этажа приданы подобия пилястр. Наличники, кроме верхних окон четверика, завершены разрезным фронтоном или тяжелой, прикрепленной к «столбикам» над раскреповками антаблемента, бровкой (рис. 23—4). Все фасадные украшения необыкновенно рельефны и создают сильную игру света и тени.

Покровская церковь, превосходя сложностью и насыщенностью своего убранства любой из храмов, сооруженных за XVIII столетие в Устюге, не лишена точек соприкосновения с устюжскими па-

мятниками. Ее разрезные фронтоны и тем более бровки, витые колонны, «ионические» капители напоминают фасады Христорожественской церкви и младшей современницы лузского храма Сергиевской Дымковской церкви. Внутри эффектных наличников первого этажа Покровской церкви находится обыкновенная устюжская «валиковая» рамка, что делает необязательным полный антаблемент. Скругленные кубические капители, присутствующие на Лузе в ордере четверика, вогнутые плиты-абаки над капителью также хорошо известны в Устюге. Не отделяя, как и в композиционном аспекте, этот памятник от устюжской школы зодчества, следует подчеркнуть неоднозначность происхождения его декора, главным источником которого был все же не Устюг. Как отмечалось в предыдущей главе, в постройках Лальска рано проступили черты, навеянные произведением строгановской школы — Введенским собором Сольвычегодска. Возможно, и в Устюг мотивы барочного ордера проникли оттуда же через Лальск. Это можно утверждать и применительно к Покровской церкви. Во многих ее деталях, вплоть до суживающихся книзу пилястр (алтарные наличники первого этажа) чувствуется влияние лальского Воскресенского собора. Несомненна и перекличка с соорудившимся с ней примерно в одно время другим храмом Лальска — Благовещенским. Родственны последнему отдельные стилевые компромиссы, например, тяги в духе «узорочья», уживающиеся с разорванным фронтоном наличника. Впрочем, в лузском памятнике такие отклонения не нарушают последовательно примененного принципа ордерности¹⁷⁴.

Декор Покровской церкви вобрал в себя не только наследие «московского барокко». Справедливо замечание Б. В. Гнедовского и Э. Д. Добровольской, что чем выше стена, тем больше в этом памятнике близкого современным ему столичным образцам¹⁷⁵. Творческая переработка лепных и штукатурных украшений налицо в картушах, представляющих собою комбинацию вписанных одна в другую филенок — двух прямоугольно-уступчатых и крестообразной. Особенно замечательны картуши южного фасада, где в вытянутую по горизонтали филенку, тоже уступчатых очертаний, помещен весьма оригинальный элемент. Он напоминает коринфскую капитель и дополнен ионическими витками, плетением и «гребнем». Необычен и рисунок фланкирующих его розеток с оторванными от сердцевины лепестками. Еще отчетливее столичное влияние в овальной форме боковых верхних окон четверика, «уша-стом» наличнике среднего окна под «полуглавием» (рис. 22). То же можно сказать и об изломе завершений порталов трапезной второго этажа, не гармонирующем с кирпичным «узорочьем» откосов и архивольты.

В противоположность объемной пластике фасадов нескольких памятников декор остальных гораздо сдержаннее и несет в себе

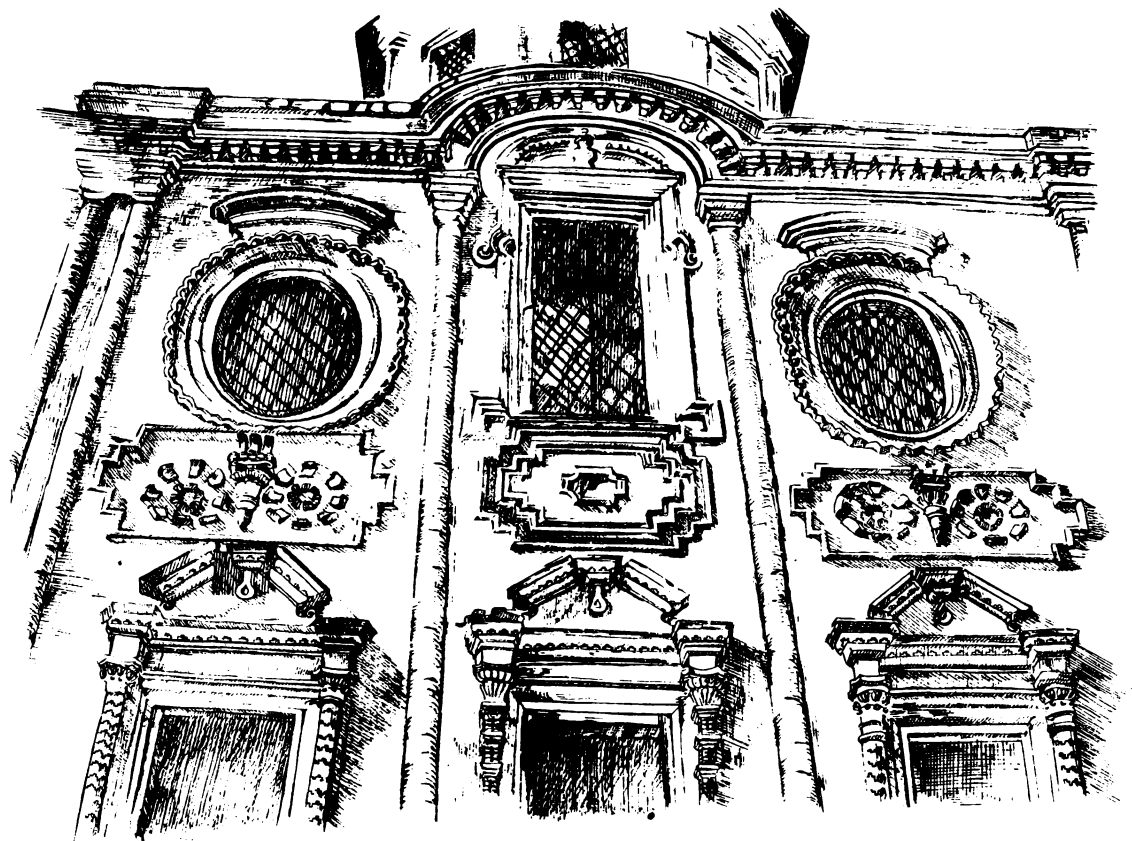


Рис. 22. Покровская церковь Покровского погоста. Фрагмент

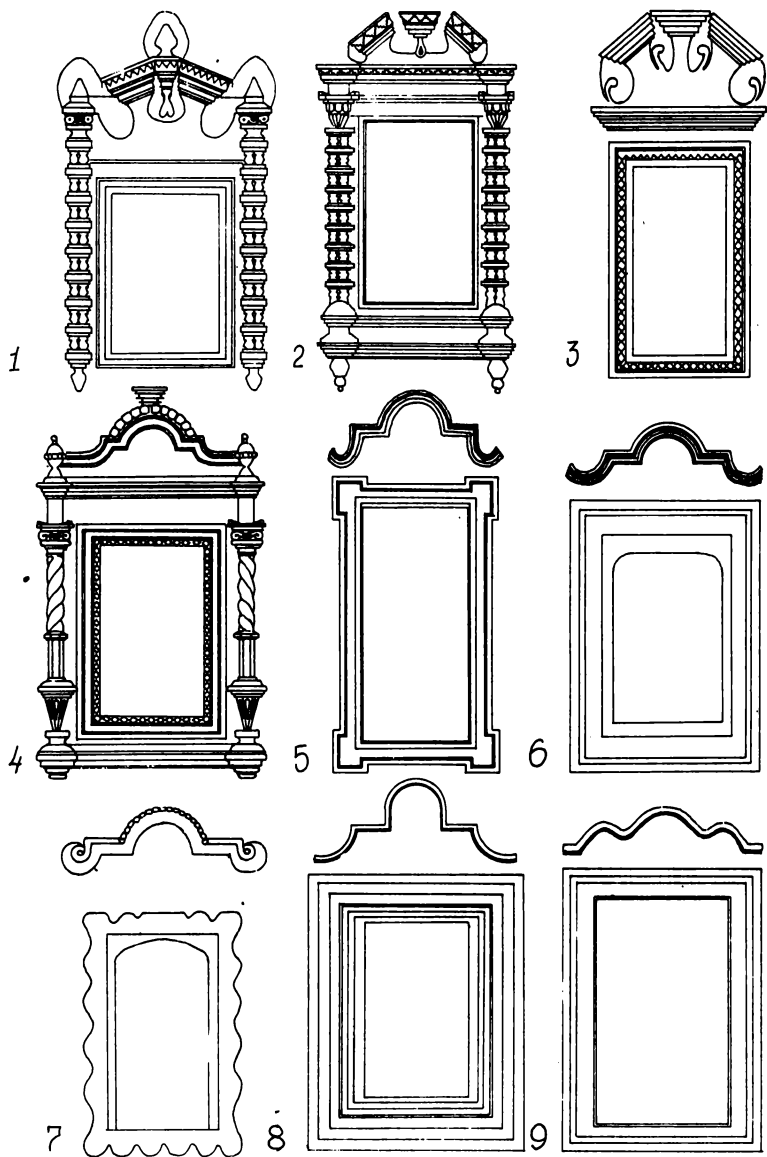


Рис. 23

Наличники: 1 — Троицкой церкви в с. Черевково; 2, 4 — Покровской церкви Покровского погоста; 3 — Богородицкой церкви в с. Теплогоре; 5 — Леонтиевской церкви в Великом Устюге; 6 — Спасо-Преображенской церкви в Ярокурье; 7 — Спасской церкви в с. Ир-та; 8 — Богородицкой церкви Усть-Недумского монастыря; 9 — Троицкой церкви в с. Шолга

плоскостные тенденции. Имеются постройки, почти лишенные украшений (Спасская церковь Коряжемского монастыря, ок. 1746, интересная комбинацией окон на фоне гладкой стены; Стефановская в Усть-Выми с ее спокойными стенными плоскостями и др.). Немало памятников и с сочными и намеренно выделенными единичными деталями — порталом, каким-либо наличником и т. п., при нейтральности и заурядности других элементов. Примерами могут служить картуш на западной стороне четверика Спасской церкви с. Лена, портал и напоминающее деревянную резьбу обрамление одного из трапезных окон иртовского храма (рис. 23—7), окна галереи собора в Усть-Сысольске, проемы которых уступчатостью и обработкой походили на перспективные порталы. Порой сохранялась характерная еще для XVII в. различная обработка фасадов. Не только в Покровской церкви на Лузе, но и в храме сел Пермогорья, Вотлажмы северный фасад разбивкой, числом окон отличается от южного.

В ряде одноэтажных культовых зданий фасад разделен посередине карнизом (яренский Спасо-Преображенский собор, Тихвинская церковь в с. Богородское, Покровская холодная церковь в Устюге) или поребриковым поясом (Ирта). Этому во всех перечисленных памятниках сопутствует двухъярусное тройное членение по вертикали, сделанное пилястрами или, как в яренском соборе, нижними лопатками и верхними пилястрами. В других же, кроме Николаевской церкви в с. Пеганово Великоустюжского р-на (1781—1784?), выдержаны одни угловые акценты, иногда — пилястрами в два яруса (Михалево). Взамен пояса могли выводиться картуши (Теплогорье, Усть-Недум).

В двухэтажных храмах случаи ограничения фасадной схемы карнизом между этажами и пилястрами на углах (Благовещение, Вожем) должны расцениваться как исключение. Подобно устюжским памятникам предыдущего периода разбивка обоих этажей, как правило, трехчастная. В нижнем этаже некоторых храмов пилястры заменены архаичными колонками (Леонтиевская церковь в Устюге), лопатками (Пермогорье, Вотлажма) или филёнками с розетками (Ярокурье, Петропавловская церковь в Устюге). В двусветном верхнем храме, как в свое время в Христорождественской и Никольской церквях, с помощью карниза сделан иллюзорный дополнительный этаж (Ярокурье, Вотлажма, устюжские Симеоновская и Петропавловская церкви). Реже такой карниз отсутствует и пилястры расположены во всю реальную высоту второго этажа (Комарица).

По-прежнему неканоничны тектоника фасадов и пилястровый ордер. Ритм окон и пилястр верхнего ряда четверика иногда нарочито «сбит» и не совпадает с нижним, причем не только в двухэтажных, сооружавшихся поэтапно, но и одноэтажных постройках (южный фасад Спасской церкви в Ирте). На фасадах пермогор-

ской церкви между имеющими тройное деление ярусами создана метрическая «пауза» в виде нерасчлененного промежуточного яруса. Нередко средние пилястры не выглядят «несущими». На устюжской Леонтиевской церкви только левая из них сопряжена с пятой арки «полуглавием»; правая же, как и простенок, с «полуглавием» не увязана и просто обрывается. Не доведены до этого скругления и пилястры храма в Яхренъге (рис. 24). Зато пилястры сольвычегодской Знаменской церкви упирались в расположенные по тем же осям восьмиугольные окна, как бы укрепленные на этих пилястрах. А в Пеганове на стволы пилястр курьезно «насажены» треугольные фронтоны, вносящие сандрикам верхних окон.

По рисунку, кроме только что приведенного мотива и отдельных других¹⁷⁶, пилястровый ордер устюжской школы остался в целом тем же, что в памятниках 20-х годов. Использовался его основной вариант, хотя «раздваивающиеся» пилястры Никольской церкви нашли еще однажды применение в Ярокурье, а «витые» Преображенско-Сретенской воспроизведены на устюжском доме Кузнецова и на «низмянном» Покровском храме (до 1772; не сохранился) при Троицком соборе Усть-Сысольска. Капитель осталась без особых изменений. Лишь в храме Симеона Столпника был создан оригинальный вариант ионической капители в майоликовом исполнении, у которой под волютками и иониками неожиданно расположены четыре «триглифа» с кронштейнами поверху. Для колокольни того же храма в аналогичной технике были изготовлены капители композитного типа. Повторенные на колокольне Ильинской церкви Устюга и во всех пилястрах второго этажа церкви в Яхренъге, они знаменовали собой последний взлет местной архитектурной керамики, сопровождавшийся шагом вперед в усвоении классического ордера.

Господствующая в регионе в 30—80-е годы XVIII в. уступчатая рамка наличника, образованная по контуру валиком (ее мы замечали даже в памятниках с богатым декором), была, как и прошивка пилястр, предопределена более ранними памятниками. Новым было отделение от этой рамки первоначально слитного с ней разрезного фронтона, происшедшее во втором этаже Ильинской церкви Устюга и в храме в Теплогорье (рис. 23—3). В таком «приподнятом» виде он еще употреблялся над верхними окнами двухэтажных культовых зданий (Ярокурье, Вотлажма), но к этому мотиву «московского барокко» обращались все реже и реже, особенно по сравнению с бровками. Насколько бровки были популярны в тот период, свидетельствовала устюжская Петропавловская церковь, где ими оформлены были все три ряда окон. Рисунок бровок не отличался, однако, многообразием, которое сводилось к вытягиванию вверх или, наоборот, приплюснутости бровки, а также к степени изгиба ее на концах (рис. 23—5, 6). Помимо обычных многообломных изредка попадаются облегченные,



Рис. 24. Богоявленская церковь в с. Яхреньга

лаконичнее профилированные бровки «типовых» (Усть-Недум; рис. 23—8) или особых, волнистых очертаний (Шолга; рис. 23—9).

Среди декоративных элементов, пожалуй, именно в наличниках наиболее отразилось нарастание столичного влияния, обозначившегося в устюжской архитектуре уже в 50—60-е годы, когда была создана загородная резиденция епископа Варлаама в Богородском, Курочкины завершили храм Симеона Столпника, а Шилов построил роскошный особняк с фасадом в характере елизаветинского барокко. Закономерно появление на Тихвинской в с. Богородском и Симеоновской церквях «ушастых» наличников с лучковыми фронтончиками (рис. 25—1), в подобия которых превращены и «полуглавия» этих памятников. В наличниках других культовых построек указанный фронтончик, как это случилось и с разрезным, приподнят над рамкой (яренский Спасо-Преображенский собор; рис. 25—3) или к тому же наделен лепными головками херувимов (Яхреньга). Используется и треугольная форма фронтончика, опять же на столичный барочный манер, в сочетании с уступчатым (Троицкая церковь в с. Вондокурье Котласского р-на, 1773—1785; рис. 25—5) или плоским «ушастым» (Пеганово; рис. 25—6) обводом окна.

С 70-х годов XVIII в. до устюжского региона дошли также и отдельные веяния раннеклассицистического толка. Таковы, к примеру, тонко прорисованные гиляндочки в подоконных картушах верхнего этажа Богоявленской церкви в Яхреньге. В какой-то степени под воздействием классицизма происходило дальнейшее усиление плоскостности убранства и общее упрощение его слагаемых, что демонстрируют фасады храмов сел Михалево, Вожем, Учка. Здесь над окнами нет ни фронтончиков, ни бровок, их заменили несложные сандрики. Эти сандрики эпизодически использовались и ранее (рис. 25—7), но теперь стали преобладающими (рис. 25—8). Еще более важным сдвигом явилось упразднение вальмовой рамки и замена ее плоской аппликативной (наличники церкви с. Палема, рис. 25—2).

Декор колоколен устюжской школы развивался параллельно с храмовым. Так, стремление к созданию «регулярных» фасадных схем при помощи пилястрового ордера нашло отражение в колокольне церкви Симеона Столпника, чьи четырехгранные ярусы трактованы как этажи, равномерно расчлененные пилястрами и наделенные настоящими и ложными окнами. Но набор деталей в колокольнях был специфичен и мог состоять из мотивов, совсем или почти не использовавшихся на фасадах храмов. Например, лальская соборная колокольня и колокольня Никольской церкви в Устюге обогатились в 60-е годы заключенными в прямоугольные филленки украшениями вполне рокайльного характера. Порой убранство колоколни своей затейливостью и сочностью затмевало храмовое. Это подтверждает даже относительно скромная колокольня

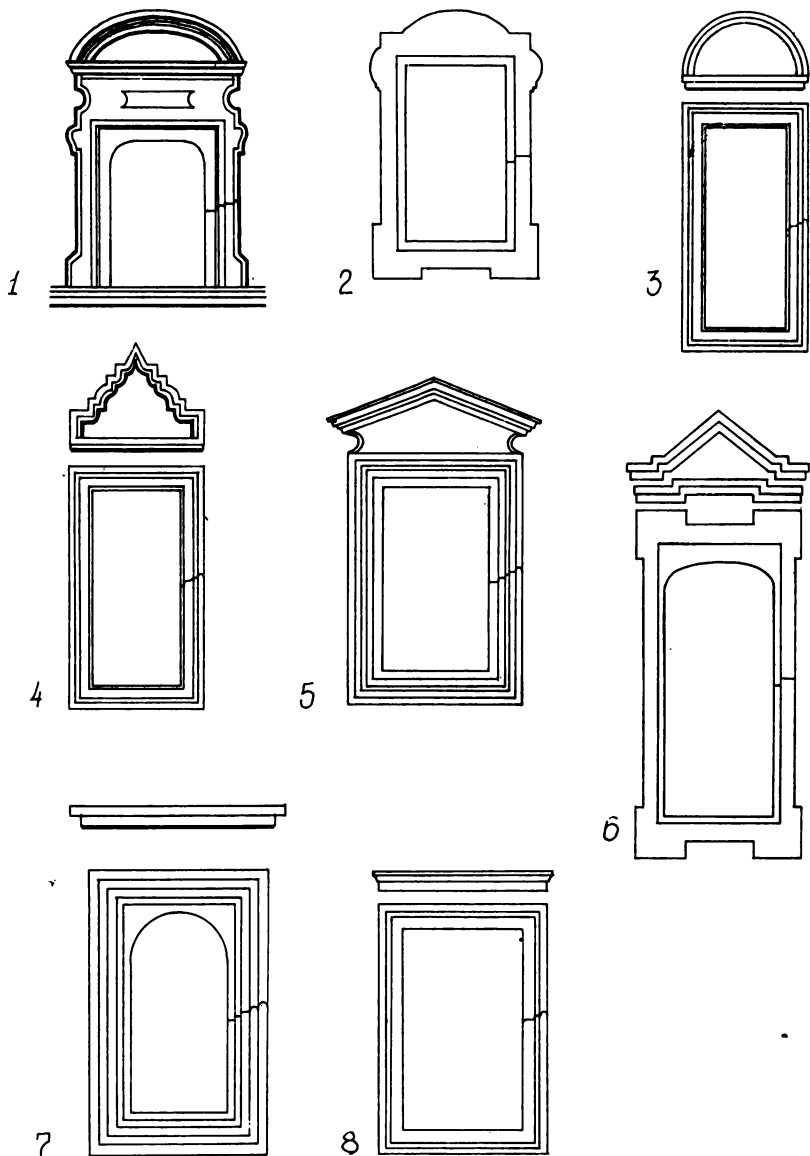


Рис. 25

Наличники: 1 — Тихвинской церкви в с. Богородском; 2 — Николаевской церкви в с. Палема; 3, 4 — Спасо-Преображенского собора в Яренске; 5 — Троицкой церкви в с. Вондокурье; 6 — Николаевской церкви в с. Пеганово; 7 — Воскресенской церкви в с. Пермогорье; 8 — Богородицкой церкви в с. Михалево

ярнского собора, которая обладает прекрасным порталом, фланкированным витыми колонками с «ионическими» капителями, украшена многолепестковыми картушами, куда вписаны восьмиугольные проемы в ленточных обрамлениях. Однако в конце периода оформление колоколен стало более скромным (Вожем, где грани колокольни обработаны только рамками, сходными с плоскими «ушастыми» наличниками) либо отсутствовало совсем (Вондо-курье).

Последующая эволюция местного культового зодчества — с конца 80-х годов — проходила под эгидой классицизма¹⁷⁷, что породило, особенно в двухэтажных церквях, определенные изменения композиционного порядка. Алтарь перестал быть ступенчатым и превратился в единую апсиду, нередко полуциркульной формы; удлинилась трапезная, а четверик вместо «полуглавий» и малых восьмериков завершался треугольными фронтонами и барабаном-ротондой. Однако в отличие от жилых домов Устюга, строившихся с уступками декоративности, по тогдашним «образцовым» проектам, церковные здания еще имели известную региональную характерность. Сохранить ее позволили оставшийся неизменным принцип продольно-осевого решения, а также ярусное увенчание четверика (Леонтиевская церковь в с. Пырском Котласского р-на, 1809). Продолжала разрабатываться входная часть с крыльцом между трапезной и колокольной (Успенская церковь близ с. Си-нега Великоустюжского р-на, 1758—1826) или, в еще более сложном варианте, с соединительным притвором и крыльцом западнее колокольни (Николаевская церковь в с. Ньюба Котласского р-на, 1818—1822). Все это свидетельствует об устойчивости некоторых традиций устюжской школы даже в классицистическом контексте.

**Вятская
школа**

В местных каменных домах еще до начала архитекторского проектирования стали входить в моду анфиладная связь комнат и антресоли. Но традиции древнерусского жилища были еще сильны. Вот как описывает мемуарист дом хлыновского купца И. Толмачева: «Несмотря на то, что этот дом довольно высок, прежде он имел только один жилой этаж — вверху. Внизу были подвалы (подклет. — А. К.), без окон, с двойными железными дверями. Верх разделялся сениями, подобно крестьянским домам, на две половины: в одной из них ... была кухня и кладовая, в другой — две чистые комнаты»¹⁷⁸. Фасадные украшения составляли каннелированные пилястры, «ушастые» наличники и подобные им, не претендовавшие на пышность, мотивы.

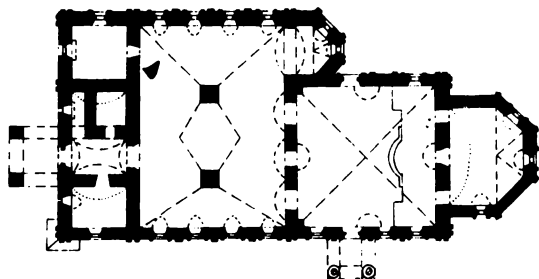
Местные культовые здания неизменно состояли из холодного храма («настоящей» церкви) и теплого придела. Придел помещали в трапезной, но это не обязательно вызывало ее расширение.

В с. Макарье «за Вяткою рекою» (ныне в черте г. Кирова) трапезная Макарьевской церкви (1770—1775) заключала в себе даже два придела той же ширины, что и основной храм. Наоборот, во Владимирской церкви с. Верхние Кумены Куменского р-на (1771—1776) трапезная при одном приделе выступает к югу. Иногда такой сдвиг был выражен еще сильнее. О Прокопьевской церкви с. Прокопье Белохолуницкого р-на (1767—1768) в представленной в конце XIX в. Археологической комиссии «метрике» говорилось: «Теплый храм выдается на юг, а холодный — на север, так что северная сторона первого расположена против середины второго»¹⁷⁹. В начале периода трапезная, «распространенная» приделом, могла, как и прежде, быть двухстолпной (Преображенская церковь в с. Великорецком Юрьянского р-на, 1731—1749, рис. 26—1; Стефановская в Хлынове, 1746—1763; не сохранилась). А в памятниках конца 70-х — 80-х годов, устанавливавшаяся ранее на 3—4 оси окон (рис. 27—2), она значительно увеличилась (Вознесенская церковь в с. Русаново Халтуринского р-на, 1776—1791; Спасская в с. Архангельском Немского р-на, 1780—1791). Трапезные большинства вятских храмов в результате позднейших перестроек были искажены (рис. 26—2, 3; 27—1). Западнее трапезной обычно располагалась паперть с двумя боковыми «палатками», к которой, подобно вятским церковным постройкам рубежа XVII—XVIII вв., примыкало арочное крыльцо на двух столбах (несохранившаяся Спасо-Хлыновская церковь, 1763—1770).

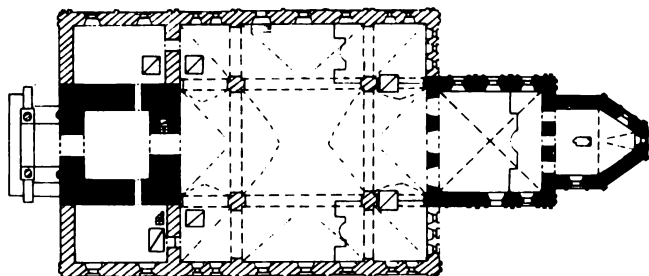
Круглая апсида стала редкостью (Дмитриевская церковь в с. Молотниково Котельничского р-на, 1751—1770; не сохранилась; Троицкая в с. Волково Слободского р-на, 1772—1785; санчурский Покровский собор, рис. 28—3). Алтарю обычно придавалась пятигранная форма. Колокольня сооружалась над папертью, реже — отдельно (при Николаевской церкви с. Сырьяны, 1746—1754, Всесвятской в с. Всесвятское Белохолуницкого р-на, 1767—1777, Троицкой в с. Кырчаны Нолинского р-на, ранее 1763—1770, Тихвинской в Санчурске, 1761—1766)¹⁸⁰. Иногда наблюдается раздельная постановка храма и колокольни с соблюдением единой оси, что предопределило их позднейшее соединение (Спасская церковь в с. Ошеть Сунского р-на, 1747—1753).

Хотя типология вятских культовых построек стала включать и двухэтажные храмы, число их, по сравнению с одноэтажными, было очень невелико. По нашим подсчетам, за 40—80-е годы в регионе появилось только 7 двухэтажных церквей. Бывало, что задумав такую постройку, прихожане, а возможно и мастера, отступали перед техническими трудностями. В с. Никулицком в 1775 г. решили не строить «верхнего апартамента» из опасения, что «под церковью фундамент не весьма тверд»¹⁸¹. Подчас второй этаж заменялся приделом, сооружаемым наверху «между настоящим

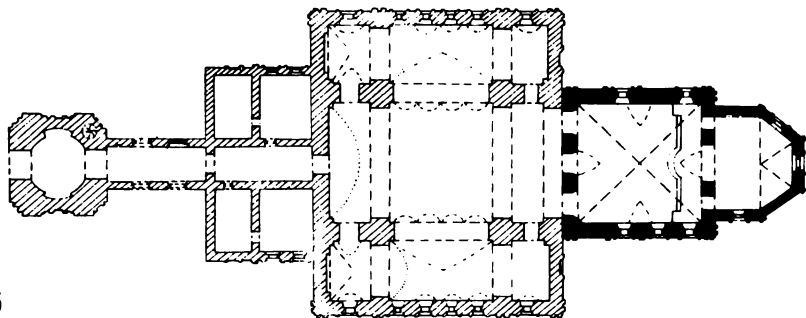
1



2



3



0 25м

Рис. 26

1 — Спасо-Преображенская церковь в с. Великорезком. План; 2 — Троицкая церковь в с. Быстрица. План; 3 — Троицкая церковь в с. Чудиново. План

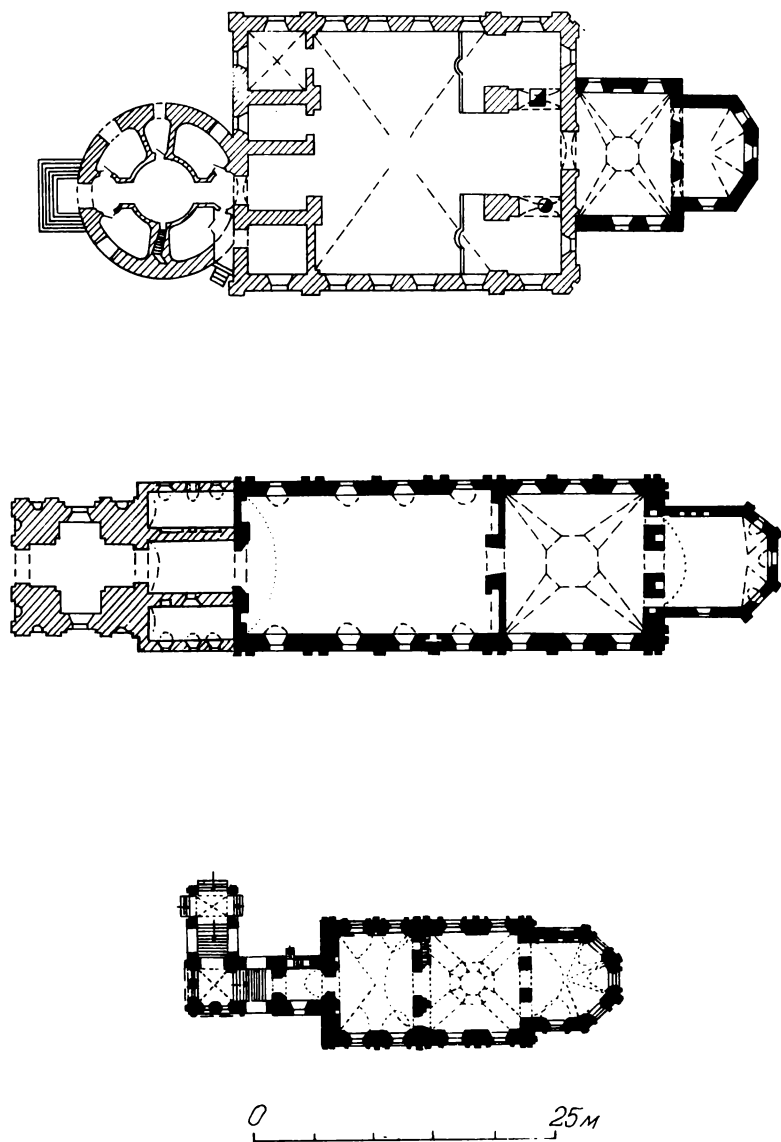


Рис. 27

1 — Ильинская церковь в с. Юрьево. План. 2 — Дмитриевская церковь в с. Пантыл. План; 3 — Спасская церковь в с. Вяз. План 2-го этажа



Рис. 28

Схемы объемного построения: 1 — Троицкой церкви в с. Кырчаны; 2 — Вознесенской церкви в с. Богородском; 3 — Покровского собора в Царевосанчурске; 4 — Богоявленской церкви в с. Рябиново; 5 — Всесвятской церкви в с. Всесвятском

храмом и колокольницею», как это было сделано в 1770—1772 гг. на хлыновской Стефановской церкви. Поскольку алтари у всех местных храмов в два этажа не были ступенчатыми, планы отличались от одноэтажных лишь отсутствием придельных выступов и отразили сходную эволюцию. Во Введенской церкви с. Макарье «за Моломою рекою» (Котельнический р-н; 1767—1796), законченной позже других из данной группы памятников, трапезная часть разрослась в длину¹⁸².

Выделяется Спасская церковь с. Вяз Кирово-Чепецкого р-на (1773—1783; рис. 27—3), у которой храмовые помещения и трапезные обоих этажей — всего на две оси окон¹⁸³. Зато усложнен вход на второй этаж, куда попадали через асимметрично выдвинутое крыльцо и притвор по крытой, устроенной на арке, лестнице в паперть, являющуюся одновременно четвериковым ярусом колокольни (рис. 29).

В типологии завершений наиболее интересны композиции с четвериком, перекрытым высокой одноглавой деревянной «курмой». Вряд ли будет ошибкой причислить к таким все памятники с декором плоскостного оттенка и кокошниками поверху стен, кроме тех случаев, где пропорции и характер членений четверика указывают на бывшее присутствие деревянного восьмерика. О живописном силуэте, создававшемся «курмами», вероятно, дают известное представление существующие железные кровли Троицкой церкви в с. Чудиново Халтуринского р-на (1748—1765), Богоявленской в с. Рябиново Куменского р-на (1759—1771; рис. 28—4)¹⁸⁴ и особенно храма в с. Всесвятское (рис. 28—5).

Деревянные восьмерики, впоследствии замененные каменными, имели храмы в селах Верхосунье Сунского р-на (1763—1773). Прокопье и др. Что касается изначального каменного широкого восьмерика, то за этот период в «поморских» уездах Вятской земли он представлен только в двух церквях — Спасской Христорождественского монастыря в Слободском (1740; не сохранилась) и в с. Ошеть. Восьмерик обеих церквей венчала когда-то луковичная «курма». Южная часть региона дает гораздо больше примеров композиций с широким восьмериком. К этому типу принадлежали не существующие ныне замечательные церкви в Кырчанах (рис. 28—1) и Богородском (1771—1779; рис. 28—2). В первой восьмерик был повышен за счет «аттика» и даже после переделки завершения смотрелся весьма впечатляюще. В Вознесенской церкви с. Богородского, отличавшейся более легкими массами, над основным возвышался второй, вытянутый еще сильнее, восьмерик, что придавало храмовой части подлинную башневидность. Оба памятника своей высотностью превосходили остальные, однако и в последних происходили изменения очертаний свода восьмерика — от низких, почти приплюснутых (Петропавловская церковь с. Ишлык Советского р-на, не ранее 1750; санчурская Тихвин-



Рис. 29. Спасская церковь в с. Вяз

ская, 1761—1766), к куполообразным (Покровский собор и Владимирская церковь в Санчурске).

Популярность «курм» и деревянных восьмериков не только свела к минимуму использование каменного широкого восьмерика, но и замедлила проникновение малого восьмерика. До рубежа 60—70-х годов он встречался лишь на единичных культовых зданиях (Владимирская, Стефановская¹⁸⁵, Спасо-Хлыновская церкви в региональном центре). И только благодаря работам Горынцевых вятчане полюбили эту композицию, которая буквально за одно десятилетие (70-е годы) сумела прочно укрепиться в храмовой архитектуре. Помимо неперенного увенчания малыми восьмериками вновь создававшихся храмов, множились просьбы о возведении их на старых. В 1784 г. игуменья Таисия писала епископу, что у церкви Преображенского монастыря в Вятке «свод сведен по старинному обыкновению, а осмериков к лучшему благолепию ... как ныне у протчих церквей построены, не имеется, почему для украшения ... желательно построить два осмерика»¹⁸⁶. Число восьмериков, названное в этом прошении, — стабильное для вятского зодчества, ибо три восьмерика встречаются лишь у Н. Горынцева в Николаевской церкви с. Истобенского Оричевского р-на (1765—1768; рис. 30)¹⁸⁷. Обычно находясь в сочетании с пришедшими из того же Устюга «полуглавиями», восьмерики лишь в отдельных случаях сами по себе несколько тяжеловаты (Казанская церковь в с. Сезенево Зуевского р-на, 1767—1770; рис. 31—1) или их утяжеляет декорировка (Ильинская церковь в с. Юрьево Котельничского р-на, 1767—1778). У большинства же храмов восьмерики подчеркнута стройны (Макарье, рис. 31—2; Троицкий в с. Раменье Куменского р-на, 1771—1784; Рождество-Богородицкий в с. Просница Кирово-Чепецкого р-на, 1771—1778; не сохранился; Вознесенский в с. Малая Суна Зуевского р-на, 1774—1786; Дмитриевский в с. Пантыл Белохолуницкого р-на, 1770—1787, рис. 31—3).

Свод, на котором возводились восьмерики, в объемно-композиционном отношении обычно малоактивен. Однако обнаружена и противоположная тенденция, ярко представленная в реконструированных в те времена верхах хлыновских Цареконстантиновской и Иоанно-Предтеченской церквей, где налицо прихотливый излом карнизов и шипцов, нечто вроде купола с «возносящимися» на нем маленькими восьмериками (для которых на куполе Цареконстантиновской церкви имелся «постамент»¹⁸⁸). Энергичное вертикальное движение, «колоколообразность» свода и капризный выгиб взамен простого «полуглавия» характеризуют венчающие части храма в с. Вяз. Отмеченные приемы, безусловно, порождены запоздалыми барочными веяниями из столиц. Закономерным было последовавшее затем изменение пропорционального строя здания (Русаново, рис. 31—4).



Рис. 30. Николаевская церковь в с. Истобенск

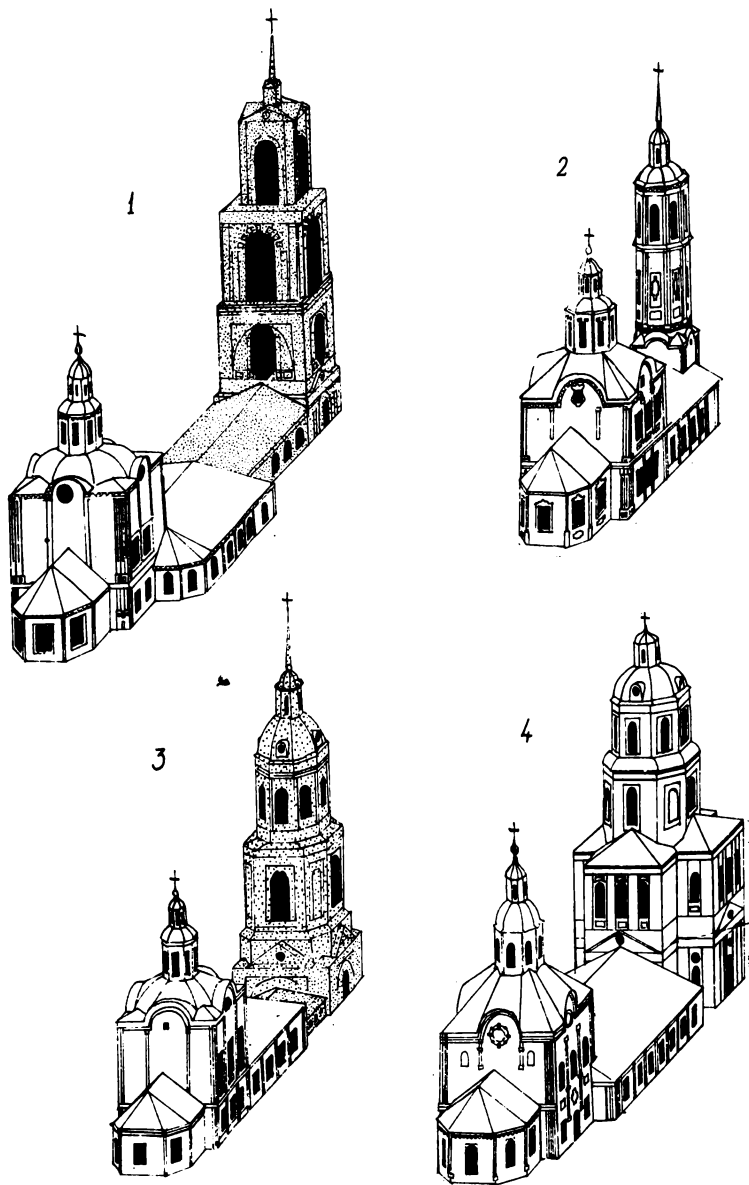


Рис. 31

Схемы объемного построения: 1 — Казанской церкви в с. Сезенево; 2 — Макарьевской церкви в с. Макарье; 3 — Дмитриевской церкви в с. Пантыл; 4 — Вознесенской церкви в с. Русаново

Пятиглавыми в тот период были лишь несохранившиеся хлыновский Кафедральный собор (1760—1772), выстроенный по стolicному проекту, и также не принадлежавшая местной школе Благовещенская церковь в городе Шестакове (ныне село Слободского р-на; 1777—1780). Из колоколен только одна — в Сырьянах — целиком восьмериковая. Но и там, где колокольня стоит на четверике, обозримо снизу или приподнятом над папертью и снабженном «полуглавиями», доминирует восьмигранник. За исключением колоколен в Истобенске и Верхних Куменах, где он четко поделен на две равные части, это высокий и зрительно очень легкий столп-восьмерик (Пасегово, Вяз, Просница и пр.). Объемное решение колокольни хлыновского Кафедрального собора, на ярусах звона четвериковой, с соотношением сторон 1:2 и срезанными углами, нашло отзвук в очень пластичной колокольне с. Кырчаны. Все колокольни, кроме Тихвинской в Санчурске, «по-нарышкински» завершавшейся убывающими восьмериками, венчал шпиль.

В начале изучаемого периода на Вятке произошла коренная перемена фасадных схем и декора. «Как по мановению волшебной палочки, в 30-х гг. XVIII в. прекращает свое существование ... народный «игрушечный» стиль хлыновских храмов»¹⁸⁹. Переход этот действительно совершился резко, почти без промежуточных звеньев. Отзвуком ушедшего стиля было убранство монастырской Спасской церкви в Слободском: окна четверика расположены асимметрично или на стыке с восьмериком, куда заходили «завитковые» завершения наличников. Другая реминисценция, но уже при новой системе разбивки, просматривается на стене полуразрушенного храма с. Ишлык, оконные проемы которого обведены традиционными розетками и фланкированы витыми, порой с «желобами», колонками, очень похожими на алтарные колонны вятских памятников рубежа XVII—XVIII столетий. Наличники эти вытесаны из опоки.

Отныне четверик приобрел на уровне трапезной и алтаря карниз на кронштейнах, широкий и сильно профилированный (его выступ, как правило, защищала кровелька). Оба яруса фасада стали разделяться на три части каннелированными пилястрами¹⁹⁰. Шаг пилястр мог не совпадать, особенно если наружу отрезок стены закрывала апсида придела; нередки и нарушающие метрический ряд сдвиги окон. Боковые прясла часто шире среднего. В случае включения в объемную композицию каменного широкого восьмерика стены четверика, завершаясь карнизом с «триглифами», оставались без кокошников, которые переносились на восьмерик (Ошеть, Ишлык, Кырчаны, Богородское). Если предполагалось иное увенчание храма («курма» на четверике), за аналогичным карнизом выводилось три кокошника, как в XVII в.¹⁹¹. Такая композиция вскоре, быть может, не без влияния «полуглавия», трансформировалась в другую: на месте центрального ко-

кошника происходило скругление карниза в виде соединяющей пилястры арочки. При этом второй ярус четверика был повышен, а его окна устроены низко; стенные плоскости над ними прорезаны единственным круглым проемом по оси фасада, часто на пересечении с линией карниза.

Подобное решение было найдено, по-видимому, строителями Преображенской церкви в Великорецком. Поскольку это село, откуда, по преданию, происходила чтимая на Вятке икона, являлось местом ежегодного массового паломничества, неудивительно, что его храм сразу взяли за «образец» (Спасская церковь в с. Кумены, 1738—1745; Николаевская в с. Сырьяны¹⁹²; Троицкая в с. Чудиново, рис. 32; Спаская в с. Полом Белохолуницкого р-на, 1751—1770; Казанская в с. Бурмакино Кирово-Чепецкого р-на, 1755—1771; не сохранилась; Преображенская в с. Спасском — ныне в черте г. Слободского, 1755—1774). Особенно хороша очень стройная Троицкая церковь с. Быстрица Оричевского р-на (1754—1773; рис. 33). Ее средняя арочка расположена не вровень с кокошниками, а несколько ниже, отчего их сочетание весьма выиграло.

Памятниками «великорецкого» типа не исчерпываются фасадные варианты вятских храмов того времени. Продолжали употребляться и три кокошника в завершении четверика (Николаевская церковь в Шестакове, 1758—1776; Троицкая в с. Лекма Слободского р-на, 1769—1777), порой при сходном с быстрицким храмом вертикализме (Преображенская в с. Верховино Юрьянского р-на, 1752—1768). Еще больше устремлена ввысь церковь в с. Рябиново, в верхней части стен которой вместо спокойной глади идет ряд окон, имеющийся и над апсидой. Даже с распространением каменных малых восьмериков характер убранства не изменился: только удалены кокошники, арочка же закономерно превратилась в «полуглавие» (Спасо-Хлыновская церковь; Молотниково). В венчаемом малым восьмериком храме с. Сезенево приверженность старой схеме продемонстрирована и расположением окон. Касаясь слагаемых декора, нельзя не заметить изменения на некоторых памятниках абриса кокошников, вытянувшихся вверх наподобие полуовала (Спасское). Согласно вятской традиции, кокошники нередко украшали раковинами (Ошеть, Кырчаны — восьмерики; Чудиново).

Пилястры нижнего ряда (а ими оформлялись, помимо четверика, трапезная и алтарь) иногда ставились на примкнутые к цоколю здания «кубышки», но независимо от места расположения их на фасаде они имели пьедестал с продолговатой филеночкой и многообломным карнизом. У спаренных угловых пилястр верхние полочки постаментов были объединены, а каннелюры и филенки «сдвоены», что создало «пучок» обломов. Такой визуальный эффект был превосходно обыгран на рябиновской церкви с ее пе-

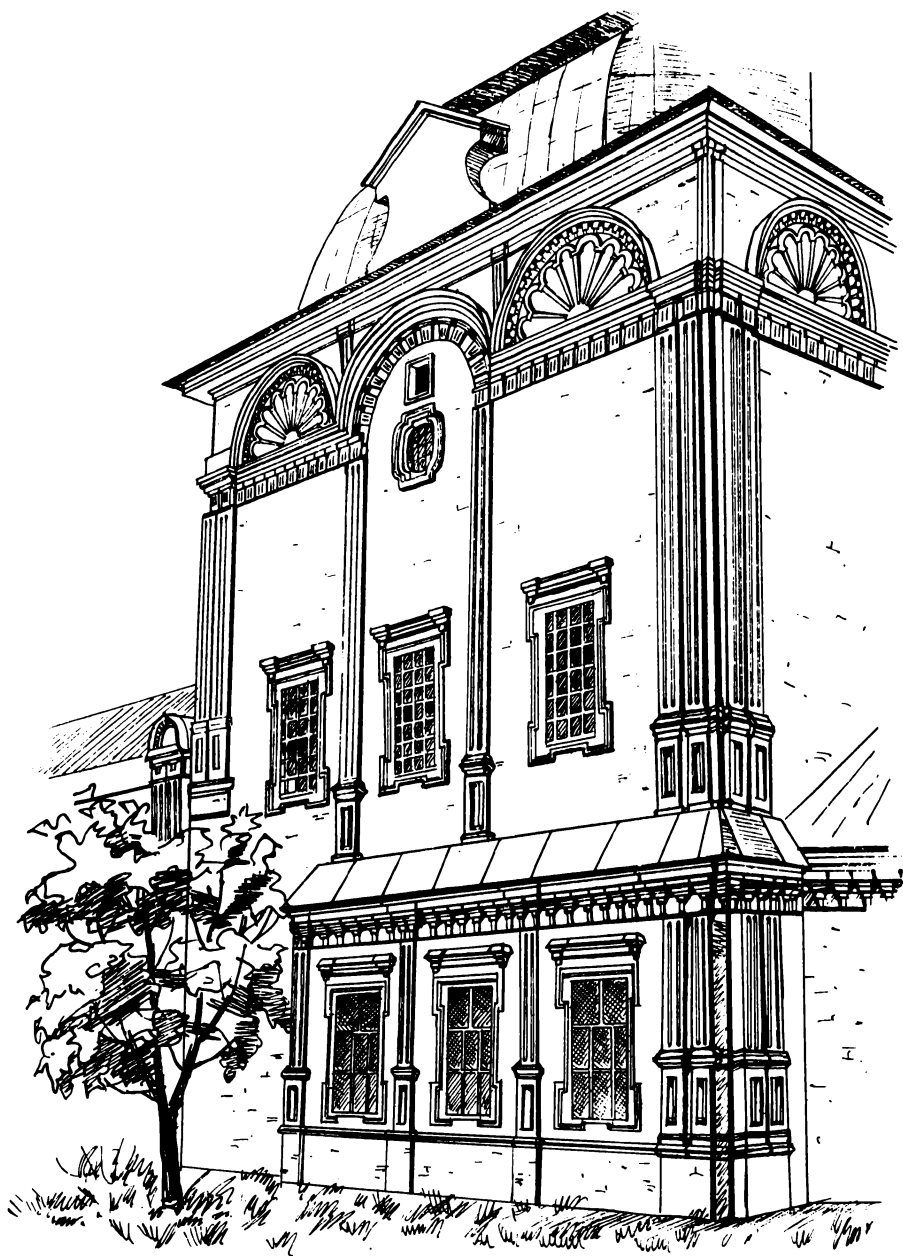


Рис. 32. Троицкая церковь в с. Чудиново



Рис. 33. Троицкая церковь в с. Быстрица

реходящими один в другой пилястровыми ярусами. Несмотря на наличие развитого пьедестала и базы, пилястры фактически были лишены капители. Ее роль выполняла раскреповка тяги, неизменно помещавшаяся под «триглифами» или кронштейнами поясов-карнизов. Наличники почти везде представляют собой единообразную, очерченную валиком уступчатую рамку с широкими «ушами» и сандриком, кронштейнами по краям, «скрепленным» с соответствующими углами обрамления (рис. 34—1).

Подводя итог анализу фасадов памятников 40—60-х годов, необходимо отметить, что только в это время вятские мастера переняли черты петровской архитектуры, перешли от нарядности древнерусского «калейдоскопического» набора к ограниченной типологии элементов, притом плоскостного оттенка. Однако воздержание от «узорочья», лаконизм деталей, видимо, не могли долго удовлетворять заказчиков и зодчих. И вот в постройках конца 60-х годов проступили симптомы новой декоративной волны.

В наличниках церкви с. Прокопье верх рамки плавно изогнут заодно с сандриком, над храмовыми окнами украшенным растительного характера навершием и розеточками. Центральное окно апсиды, помимо сходного очертания сандрика, имеет многоугольный кокошник, на обломах которого — также полоса розеток; по сторонам завершения наличника подвешены «кувшины» (рис. 34—2). Кокошники прикомпонованы и к другим алтарным окнам. У храма в с. Всесвятском каннелированные пилястры второго яруса продолжены парами колонок. На оконные сандрики опираются столбики-тяги, заканчивающиеся «рогами» (северный фасад) или являющиеся частью фронтона, который заострен посередине либо вогнут. Вставкой в тимпан служит некое сочетание «жгута» и «кисти» (рис. 34—3). С такими мотивами убранства, шедшими от местных построек более чем полувековой давности, хорошо гармонировали и сочные раковины.

Возвращению к богатому и рельефному декору очень способствовали произведения Горынцевых. Николаевская церковь в Источенском и храмы, выстроенные ими позже — в Макарье близ Хлынова, Юрьеве и др., должны были привлекать не только новым увенчанием, но и фасадной пластикой. Немедленно возникли подражания. Спасская церковь в с. Совье Слободского р-на (1765—1781) и Владимирская в Верхних Куменах, начатые еще с прежними каннелированными пилястрами, были достроены уже с иным оформлением верхней половины четверика. Всецело обновилось, следуя горынцевским постройкам, убранство возведенных в 70-е годы церковей в Пантыле, Холуницко-Ильинском, Малой Суне и т. д.

Как и на последних фасадах старого типа, были упразднены кокошники и стало использоваться «полуглавие»¹⁹³. Основной объем одноэтажного храма перестал характеризоваться вертикализ-

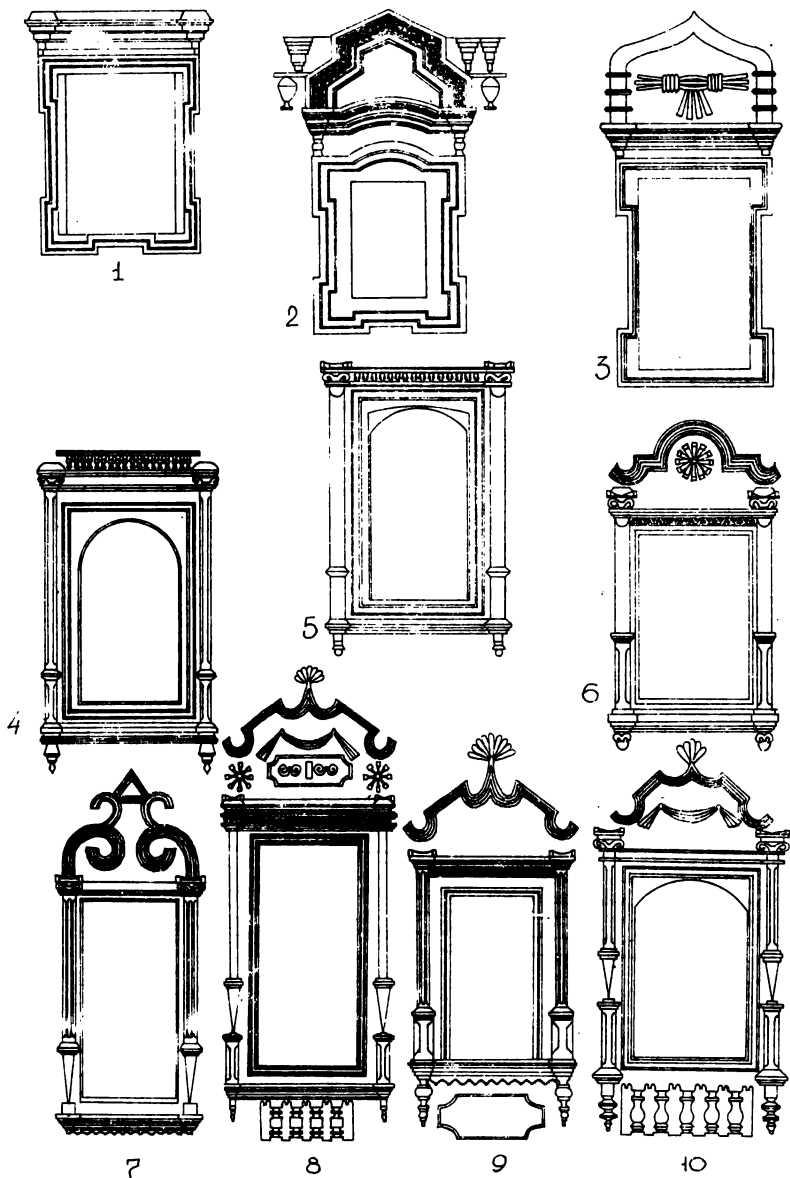


Рис. 34

Наличники: 1 — Казанской церкви в с. Сазенево; 2 — Вознесенской церкви в с. Проколье; 3 — Всесвятской церкви в с. Всесвятском; 4 — Троицкой церкви в с. Раменье; 5, 8 — Дмитриевской церкви в с. Пантыл; 6, 9 — Ильинской церкви в с. Юрьево; 7 — Николаевской церкви в с. Истобенск; 10 — Макарьевской церкви в с. Макарь

мом, и второй ряд окон уже не выглядел заниженным. Сама сетка членений серьезных изменений не претерпела, продолжая оставаться трехчастной поярусной. На двухэтажных церквях тоже нет «большого» ордера и появился лишний «этаж». Деления стены выше промежуточного карниза стали подчеркиваться легкими углублениями — арочными (Истобенск, Юрьево) или чаще прямоугольными вроде «кассет», куда вписывали окна¹⁹⁴, а ственные плоскости над проемами заполняли завершениями наличников. «Кассеты» сопутствовали именно колонному ордеру, а не пилястровому (за исключением Екатерининской церкви в с. Екатерина Котельнического р-на, 1773—1786). При использовании пилястр вместо колонн происходили отклонения от обычного числа членящих элементов. В церкви с. Екатерина крайние пилястры четверика — тройные, в храме с. Волково четверик вверху и внизу обработан раскрепованными угловыми и парными средними пилястрами.

Шаг нижних пилястр и верхних колонн (обратные примеры неизвестны) или примененных в обоих ярусах пилястр стал согласовываться строже, хотя встречалось еще несоответствие средних членений (Пантыл). Однако если еще недавно, например, в Спасо-Хлыновской церкви, средние пилястры были сопряжены с «полуглавием», то теперь его арка лишь в немногих случаях (Юрьево, Верхние Кумены) поддерживалась ордером. Обычно же оси колонн или пилястр расходились с пятами «полуглавия». Капители, как, скажем, в Раменье, Екатерине, упирались в подкарнизную тягу, а при ее отсутствии они не доходили до венчающего карниза даже на углах объема (Макарье близ Хлынова). Декоративность подобного ордера очевидна.

С деятельностью Горынцевых на Вятку пришли многие устюжские декоративные формы (они будут рассмотрены ниже, в контексте сравнительного анализа). Несмотря на то, что Горынцевы однажды, на апсиде церкви в с. Макарье близ Хлынова, использовали каннелированные пилястры, под влиянием этих мастеров тип пилястр сменился на наиболее характерный для Устюга, то есть с гладким стволом и капителью, к которой нередко добавлялась вогнутая абака. Иначе, нежели ранее, стал профилироваться переход от постамента к базе. Однако рисунок пилястр не всегда следовал устюжскому и порой был оригинален. Для угловых пилястровых пар выводились не только встречавшийся и прежде единый пьедестал, но и общая капитель (Рождество-Богородицкая церковь в с. Нижне-Ивкино Куменского р-на, 1776—1790). В с. Волково верхние пилястры обладают как бы двумя постаментами — широким основным и раскреповывающим его малым на кронштейне-«кубышке».

В первом после 1720-х годов памятнике, фасады которого декорированы колоннами, — истобенской Николаевской церкви —

колонны снабжены пьедесталами: либо аналогичными пилястровым плоскими филенчатыми (второй ярус), либо объемными трех- и пятигранными (рис. 35). Тем и другим придана, хотя и по-разному, крупная консоль. В дальнейшем колонны лишились пьедестала, его функцию стала выполнять консоль, ставшая неотъемлемой частью местного колонного ордера (рис. 36—б). Консоль была неодинаково «упруга», иногда, как в Верхних Куменах, имела какой-то вялый профиль, а у средней угловой колонны могла делиться на грани. Базы колонн выражены слабо или их не было вообще, но весьма часто использовались кольца по низу ствола и под капителью.

Пишность капителей достигалась не столько «коринфскими» элементами, довольно мелкими и из-за значительных интервалов лишь ритмически составлявшими целое, сколько дополнениями — навершиями, в нескольких начальных постройках данной группы (Совье; Введенская церковь в с. Подрелье Халтуринского р-на, 1768—1788; и др.) еще отсутствующими. Речь идет о деталях, похожих на ионическую капительку (рис. 36—а), порой — в «перевернутом» виде (Юрьево, Холуницко-Ильинское¹⁹⁵ и др.), а также о «султанах» над средними колоннами.

На вятских памятниках 70-х годов почти не найти плоскостных «ушастых» обрамлений. Даже в церкви с. Волково, где они сохранены, введено новшество — бровки. Наличники обрели объемность, в чем, да и в типологии этих украшений, нет особой разницы между фасадами с колонным или одним пилястровым (Екатерина, Нижне-Ивкино) ордером¹⁹⁶. Виды наличников, разумеется, не бесконечны, как во времена артели И. Никонова, поскольку продолжала действовать тенденция к упорядочению элементов. Устанавливалась известная дифференциация наличников соответственно декорируемой части здания. Например, на апсиде они имели, как правило, бровки устюжского характера; только центральный наличник мог быть с витыми колонками. Сходные цели преследовала систематизация по рядам.

У нижних наличников четверика колонки на кронштейнах и граненых постаментах имели капители с накладкой «ионических» волюток, аналогичных тем, что находились над членящими фасад колоннами. Наличник непременно включал пояс миниатюрных балясинок на «стержнях», заключенных между горизонтальными тягами, в зависимости от сопряжения с колонками выполняющий функции сандрика (Раменье, рис. 34—4; Истобенское) или антаблемента (Пантыл, рис. 34—5). Реже встречается полоса «бегунца» и бровочное завершение (Юрьево, рис. 34—6). Во втором ряду колонки при таких же «ионических» аппликациях на капителях и завершающей вогнутой плите опирались на постамент, чаще всего посредством промежуточного, суживающегося книзу элемента. Венчался наличник остроугольной бровкой, которой ни-



Рис. 35. Николаевская церковь в с. Истобенск. Фрагмент



Рис. 36. Макарьевская церковь в с. Макарье. Фрагменты

же сопутствовала гирляндочка. В рисунке концов гирляндочки, как и завершая бровки, узнается традиционный мотив «кисти». Под окном, в нише, очертания верхнего края которой напоминают гирьки, располагалась «балюстрада» (рис. 34—10).

Описанная схема построения наличников, конечно, не отражает их изощренной нюансировки. Даже число подоконных балясин варьировалось от трех до пяти. Колонки нижних окон пантыльской церкви примыкают к грубоватой рамке. В то же время над большинством верхних окон, дополняя бровку и гирляндочку, были выложены изящные филеночки-картуши, фланкированные розетками (рис. 34—8). У второго ряда наличников храма с. Юрьево колонки походят на каннелированные пилястрочки (ср. третий ярус Николаевской церкви в Истобенском, рис. 34—7) и «несут» бровку, почти превратившуюся во фронтончик; вместо имитации балюстрад использованы аппликативные картуши (рис. 34—9). В отличие от наличников порталы, к примеру, того же юрьевского памятника, удержали простую перспективную форму без орнаментации, изредка оживляющей лишь архивольт (окно-портал Николаевской церкви в Истобенском). Из других мотивов убранства заслуживают внимания «плетения» на цоколях, идущие понизу стен ионики, скорее напоминающие «сердечки». Популярными были фризы из мелких розеточек, особенно подкарнизные.

Декоративные находки Горынцевых и их последователей не мешали появлению иных разработок. Достаточно независимы фасады церкви с. Вяз, оформленные пилястрами. Только в завершающий ярус четверика, отделенный «балюстрадой» во всю ширину и как бы сдавленный изломом карниза, втиснута посередине колонна. Обрамления окон сведены в основном к одному типу с колонками и бровкой, но наличники притвора сделаны наподобие штукатурных. Их подоконные «фартуки» и прочие детали напоминают столичное барокко.

Стены Спасского храма с. Спасо-Талица Оричевского р-на (1765—1788; рис. 37) обработаны совсем иными, нежели в Истобенском, колоннами — тонкими безордерными, во втором ярусе поставленными на заостренные в основании консоли. Фриз (кроме «полуглавия»¹⁹⁷) содержит элементы в роли «триглифов», но на них нанесены подобия лукович с крохотными «ростками». Весьма необычно выглядят здесь наличники. Но если разобраться в их рисунке, оказывается, что верх рамки согласован с очертанием сопутствующей бровки-сандрика, а низ изогнут, как «опрокинутая» бровка в сочетании с «ушами». Сходным приемом создан и мощный средний наличник-картуш, расширенный по сторонам в характере того же «бровочного» изгиба. Вогнутость нижнего края наличника, соответствующая бровке, позволила органично прикомпоновать второй, малый картуш. Памятник доказывает, что

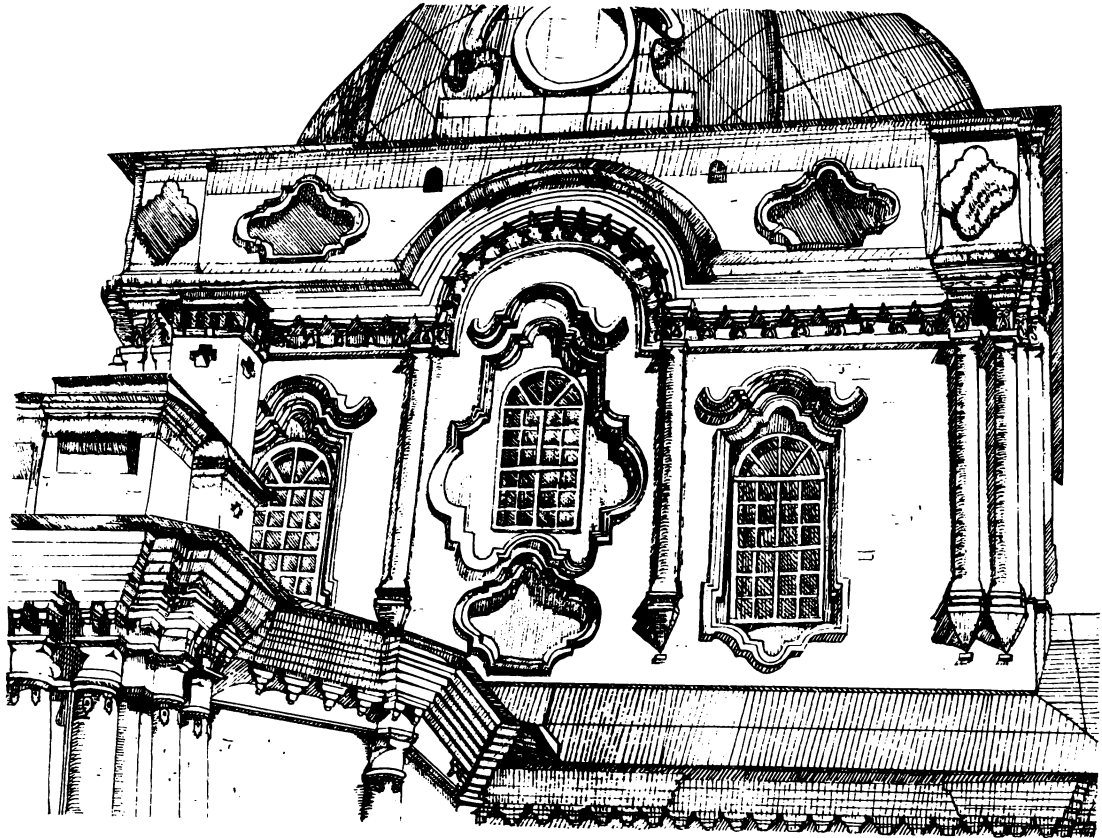


Рис. 37. Спасская церковь в с. Спасо-Талица

вятские строители были способны сохранять самобытность, даже занимаясь имитацией барочной лепнины.

Как отмечалось, в конце 70-х годов для Вятки стали выполняться архитектурские проекты. Однако по фасадам тех культовых зданий, которые, возможно, сооружались по проектам, нелегко определить, какая деталь сколько-нибудь точно взята с чертежа — до такой степени декор переиначивался народными мастерами, которые больше варьировали очередной «образец», чем следовали чертежу.

Церковь в с. Русаново в какой-то мере связана с талицкой, особенно типом колонок. Но в русановской в промежуточных членениях, ввиду отсутствия традиционного разделительного пояса четверика, они идут не от коколя, а с уровня первого ряда окон (будучи, однако, поставлены в два яруса). На месте пояса оказались укрупненные картуши, из которых, впрочем, только центральный имеет замысловатую форму. Верхние окна — арочные¹⁹⁸; соответственно введена дуга — архивольт, уступчатая и лишь условно соединяющая колонки наличника (рис. 38—2).

Пилястры, обрамления нижних окон Зосимо-Савватиевской церкви в с. Коршик Оричевского р-на (1777—1785) немногим отличаются от таковых в постройках Горынцевых. Более того, апсида, как в памятниках рубежа XVII—XVIII вв., украшена аркатурой. И все-таки основой фасада послужил чертеж архитектора. Об этом свидетельствует второй ярус четверика с рустованными углами, со сменной бровки в наличниках двумя плоскими волютками, пусть с сохранением «кисти» и гирляндочки (рис. 38—1), а граненых постаментов колонок — волутообразными же консолями.

В церкви с. Архангельское новшества коснулись, прежде всего, пилястрового ордера. Показательны постаменты с круглым медальоном или «киотцем», соединения, в том числе «кольцом», стволов крайних верхних пилястр, трактуемых как «двойные», впервые ставшие объемными «ионические» элементы в капителях и т. д. В чем-то этот ордер, вероятно, соответствует проекту, но не все детали могли быть так прорисованы даже провинциальным архитектором. Храмовые наличники остались в основном прежними — вплоть до сохранения остроугольной бровки. Однако им приданы консоли в обоих ярусах. Особой сочности достигли эти консоли, обработанные желобками, под колонками алтарных окон. Поверх капителей колонок сделано подобие импоста, вогнутые линии фронтончика подводят к увенчанию, похожему на фрагмент столичного барочного наличника с полукруглым выступом поверху (рис. 38—4).

Превосходна фасадная декорация Николаевского храма с. Лобань Богородского р-на (1780—1802; рис. 39). Пилястры (как и наличники) первого яруса четверика — почти те же, что в горынцевских памятниках. Но стволы пилястр оформлены повторяе-

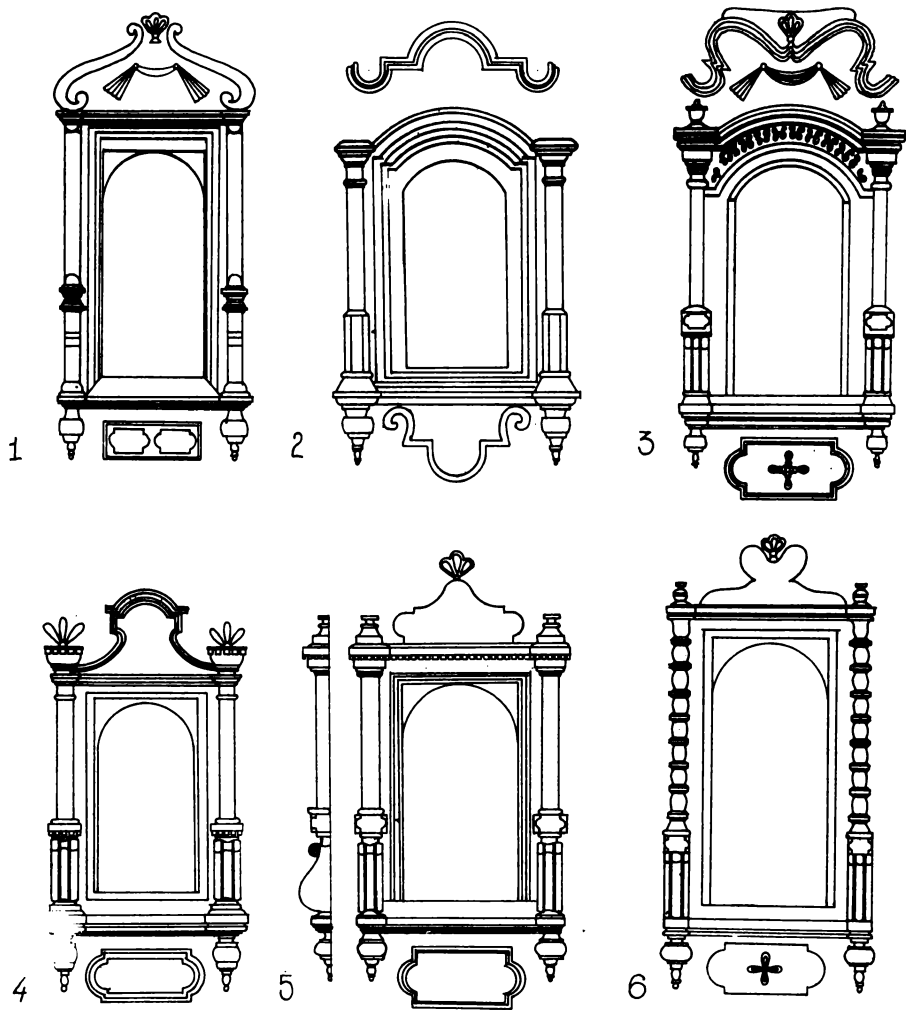


Рис. 38

Наличники: 1 — Зосимо-Савватиевской церкви в с. Коршик; 2 — Вознесенской церкви в с. Русаново; 3 — Трехсвятительской церкви в с. Лобань; 4 — Спасской церкви в с. Архангельском; 5, 6 — Петропавловской церкви в с. Петровском



Рис. 39. Николаевская церковь в с. Лобань

мыми в высоту мелкими аппликативными элементами, сходными с «геральдическим» начертанием буквы S, а также с украшениями «триглифов» церковей в Спасо-Талице и Русанове. У второго яруса отделанные под руст углы зажаты широкими плоскими лопатками, на которые наложены, помимо картуша-киота, укороченные пилястрочки. Средние пилястры поставлены на пьедесталы с углублениями в «киотцах» (вариация филенок) и имеют каннелюры по краям и трапециевидные завершения («короны»?). Арочные проемы окон и их обрамления, особенно консоли-волюты и архивольты, перекликаются с подобными деталями в рассмотренных памятниках. Над окнами расположена неизвестная дотоле бровка в виде «косичек» (рис. 38—3).

Следует кратко остановиться на убранстве санчурских памятников 60-х — начала 80-х годов, изысканном и, быть может, наиболее выражающем вкусы заказчиков и строителей юга Вятской земли. Убранство храмов типа «восьмерик на четверике», причем нерасчлененном, включало безордерные колонны, которые были вытянуты, имели кольца посередине высоты, располагались по углам четверика и разделяли грани восьмерика. Наличники также имели колонки, снабженные перехватами — «дыньками», и венчались чаще всего легкой «змеящейся» бровкой (Покровский собор).

Вятские колокольни еще в 60-е годы XVIII в. (при хлыновской Стефановской церкви, в с. Пасегово) декорировались очень скупо. У относящейся к следующему десятилетию колокольни в Сырьянах на стыках граней одна над другой тянутся пилястры — неканнелированные, на постаментах и треугольных консолях, встречающихся в талицкой церкви. Но сами грани — гладкие, не считая превосходного портала цоколя, тяг-поясов да фриза «врезанных» кокошников под карнизом четвертого яруса. В целом же в убранстве колоколен произошел такой же поворот, как и на фасадах храмов. Колокольня Николаевской церкви в Истобенском, где декор чрезвычайно «сгущен», пожалуй, еще ярче иллюстрирует новые принципы оформления. По углам расположены тройные, укороченных пропорций «коринфские» колонки. Наличники ложных окон четверикового объема тесно расставлены, а на первом восьмерике плоскости между пучками колонок заняты картушами. В Макарье на основном восьмиграннике колокольни также имеются колонны, собранные по три, только с упрощенно-плоскостным вариантом коринфских капителей. Многие детали (консоли и идущие под ними балясинки, бровки, розетки, гирляндочки) перепевают, правда в иных сочетаниях, украшения самого храма. Однако прямоугольные филенки с картушем были задуманы специально для колокольни.

Разнообразные картуши вскоре стали «ходовым» мотивом в колокольнях. На колокольне с. Ошеть (начата в 1771) с ее трехъ-

ярусными одинарными колонками, аркатурой и бровками во всю ширину каждой грани, картушам, имеющим четкую форму овала или шестиугольника, отведена роль «пятен» на массивной стене. Зато в построенной на полтора десятилетия позже колокольне в с. Всесвятском картуши нескольких видов, заполнив все плоскости, своими тонкими плавными узорами контрастируют с сильным рельефом колонных пар. Впрочем, некоторые колокольни бывали весьма нарядными и без картушей. Пример — колокольня кырчанской церкви, эффект в которой достигнут благодаря поярусному ритму «полуглавий» и арок звона, чередующихся пилястрового и колонного ордера. Ордер обладает даже долей тектоничности. Срезанный угол колокольни превращен в широкий «постамент» (хотя и с накладной филенчатой пилястрочкой), несущий колонны, выше для облегчения замененные пилястрами. Отметим и наличники, завершаемые «цветочком».

Возводя колокольни, мастера, как и в храмах, свободно творили архитектурские проекты. В с. Быстрица взяли за образец колокольню хлыновского Кафедрального собора, но сделали объем квадратным, вместо тосканских колонн вывели тонкие колонки — «дудочки», пересекаемые плоской тягой, превратили в стреловидные фронтончики над нижними пролетами звона.

Замечательны выстроенные у ряда церквей каменные ворота. Одни выразительны лишь изломом заостренной на вершине стенки (Волково), другие «захватывают» пространство и богаче декорированы. Таковы ворота при Троицкой кладбищенской церкви в Слободском, построенной в 1773 г. Боковые части развернуты под углом к средней, подготавливая ее пологий, но динамичный волютоподобный абрис. Четыре пары толстых приставных колонн «нагружены» лучковыми фронтончиками. К числу самых барочных произведений вятского зодчества принадлежат ворота в с. Сырьяны, чьи очертания — причудливый симбиоз двускатных и круглящихся элементов. «Рывок» вверх центра композиции несколько схож с известными рогообразными завершениями вятских наличников; ниже вписан второй криволинейный щипец. Колонны и восьмиугольные картуши в окружении розеток далеко превосходили подобные детали слободских ворот.

Памятники конца 70-х и большей части 80-х годов свидетельствуют о том, какой полнокровной была местная школа. Но если контакты с казанскими архитекторами не лишили ее самобытности, то деятельность Ф. М. Рослякова пресекла культивирование старых форм. Отдельные храмы традиционного характера, созданные в период установившегося архитектурского контроля, — в с. Петровском Уржумского р-на (1787—1898; интересен тягами наличников — рис. 38—5, 6), в с. Ильинском Нолинского р-на (1790—1800; однотипен с макарьевским и юрьевским) не изменяют

общей картины утраты зодчеством Вятки регионального своеобразия.

Уральская
школа

О каменных гражданских зданиях региона дает представление воеводский дом в Кунгуре (1758—1762). Оба этажа имеют по шесть комнат, группирующихся в две параллельные анфилады. Наружные лопатки, как у древнерусских палат, соответствуют внутренним стенам. Число окон нижнего этажа, не являвшегося уже подклетом, меньше, чем верхнего, но «рамочные» наличники едины. Под венчающим карнизом идет пояс «жучкового» орнамента, несколько нарушая аскетичность фасада.

В культовых постройках было допущено отклонение от пространенного трапезного типа в двухэтажной церкви Михаила Малейна соликамского Вознесенского монастыря (освящена в 1748; рис. 42—2). Не столько расположение колокольни над основным объемом, сколько восточная часть, своей прямоугольной формой вторившая трапезной (при меньшей площади и полукруглом выступе-апсиде понизу), сближали композицию с центрической. Однако следует помнить о специфических функциях данного храма, находившегося «при больничной келии». Кроме того, нет уверенности, что он не перестраивался в 80-х годах¹⁹⁹. Другим местным храмом «под колоколы» является Покровская церковь в с. Верх-Усолка Соликамского р-на Пермской обл. (1750—1757; рис. 40—3), привлекающая стройностью форм. Ярус звона поставлен в ней не прямо на четверик, а на промежуточный четырехгранный объем (рис. 43).

Отдельные памятники, например, Покровская церковь в Верхотурье (1744—1753; рис. 40—2, 42—1), так и остались без колоколен. Однако в подавляющем большинстве случаев колоколья, хотя бы и с запозданием на 30—40 лет, все же сооружалась, и возникала обычная трехчастная схема объемно-планировочного решения (рис. 42—3, 4). В одноэтажном варианте при наличии придела трапезная чаще выступает — на север (рис. 40—1) или на юг. Некоторые храмы изначально были двухпридельными (несохранившийся Екатерининский собор в Екатеринбурге, 1758—1768, к которому в процессе строительства добавили третий придел над трапезной²⁰⁰). Но только в Филипповской церкви с. Филипповка близ Кунгура (1771; рис. 44) придел уподоблен маленькой церковке с приподнятым четвериком; заход придельного алтаря на стену храма (прием, в общем-то, обыкновенный) вызвал смещение вправо не только окон, но и «полуглавия». Апсиды почти всегда пятигранная. Исключения встречаем в том же Екатерининском соборе, соликамской церкви Михаила Малейна, далматовской Никольской (1754—1776), у которой и придельный алтарь сохранил круглую форму, Иоанно-Предтеченской в с. Широково под Далматовым (1783—1793).

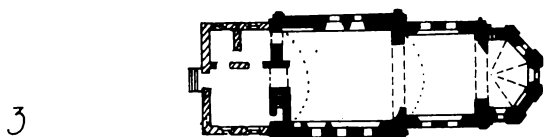
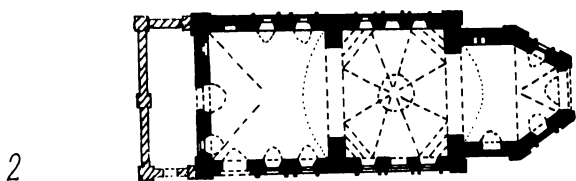
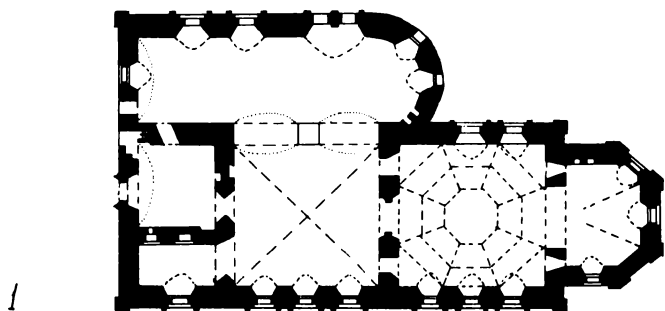


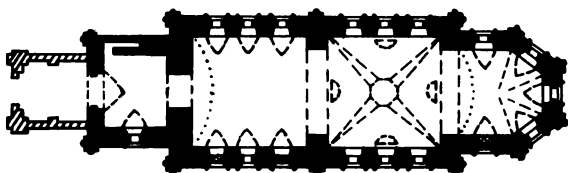
Рис. 40

1 — Спасо-Преображенская церковь в с. Сыльвенском (Каширино). План;
 2 — Покровская церковь в Верхотурье. План; 3 — Покровская церковь в
 с. Верх-Усолка. План

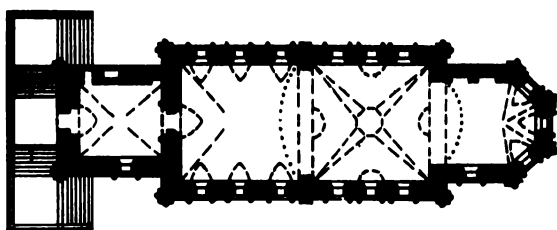
1



2



3



0 25 м

Рис. 41

1 — Преображенская церковь в Кунгуре; 2 — Введенский собор в Богословском заводе (Карпинске); 3 — Петропавловская церковь в Петропавловском заводе (Североуральске). Планы вторых этажей



Рис. 42

Схемы объемных построений: 1 — Покровской церкви в Верхотурье (реконструкция); 2 — церкви Михаила Маленна Вознесенского монастыря в Соликамске; 3 — Знаменской церкви в с. Городище; 4 — Владимиро-Богородицкой церкви в Усолье; 5 — Богоявленской церкви в с. Вильва; 6 — Христорождественской церкви в с. Комарово; 7 — Преображенской церкви в Кунгуре; 8 — Петропавловской церкви Петропавловского завода; 9 — Успенской церкви в Кунгуре



Рис. 43. Покровская церковь в с. Верх-Усолка

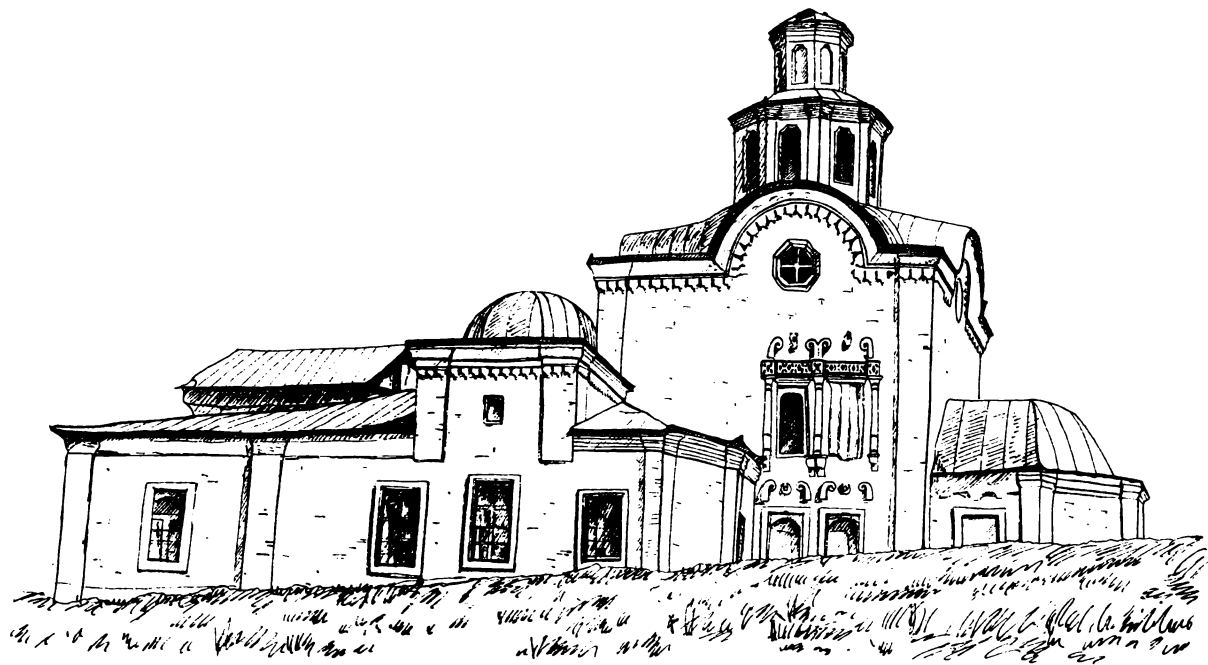


Рис. 44. Филипповская церковь в с. Филипповка

В двухэтажных культовых зданиях апсида не бывает ступенчатой. Благодаря отсутствию приделов «протяженность», даже при трех осях окон верхней трапезной, оказывалась сильно акцентированной (рис. 41—1). «Походяшинские» храмы, по крайней мере Введенский собор Богословского завода (ныне г. Карпинск; 1767—1776; рис. 41—2), имели вдоль второго этажа отлитую из чугуна галерею с ограждениями²⁰¹. К основанию колокольни Петропавловской церкви (ныне г. Североуральск; 1767—1798; рис. 41—3, 42—8) пристроено эффектное двухвходное крыльцо с арочками и гирькой посередине.

Завершением некоторых небольших храмов по-прежнему служила четырехскатная кровля с одноглавием, особенно распространенная в чердынском ареале (Михаило-Архангельская церковь в с. Цидва, с 1772; Ильинская в с. Анисимово, 1773; Христорождественская в с. Искор, 1782—1793; и др.). Сопутствовавшее обычно деревянным накатным потолкам в интерьере, такое покрытие могло сохраняться и после устройства сводов, дополняясь маленьким восьмеричком (Знаменская церковь в с. Городище около Соликамска, 1750—1757)²⁰².

Большой восьмерик оставался в уральском зодчестве относительно редким. В Покровской церкви г. Верхотурье (1744—1753), неся еще один восьмеричок, он тем не менее в соответствии с приземистыми пропорциями здания подчеркнуто широк и грузен. Подчас композиции «восьмерик на четверике» обнаруживают определенную дисгармонию. У храма в с. Сылвенском (ныне Каширино Кунгурского р-на; 1745; рис. 45), венчаемого тремя убывающими восьмериками, основной восьмерик кажется массивнее двусветного четверика, а второй, пусть оформленный фальшивыми наличниками, вообще лишен проемов. Это придало статичность и развиту ярусному построению²⁰³.

Довольно много строилось в то время, преимущественно в Прикамье, храмов с малым восьмериком. Правда, они составят численно преобладающую группу лишь при условии включения в нее храмов с деревянными восьмериком (Богоявленская церковь в с. Вильва Соликамского р-на, 1779, рис. 42—5; Тихвинская в с. Кушмангорт Чердынского р-на, с 1775), фактически родственных уже описанным одноглавым. В остальных памятниках с этим видом завершения восьмерик действительно мал. Он всецело подчинен четверику, тем более когда отсутствует смягчающее переход «полуглавие» (Тихвинская церковь в Кунгуре, не позднее 1758—1763; Христорождественская в с. Комарово Кунгурского р-на, 1761—1783, рис. 42—6; Троицкая в с. Вильгорт Чердынского р-на, не ранее 1785). Его развитие в высоту сводится к восьмеричку-барабану. То же можно сказать и об имевшем «полуглавия» двухэтажном Троицком соборе в Кушве (1775—1784; не сохранился). Только в Екатеринбургском соборе, строившемся по столичному, хо-

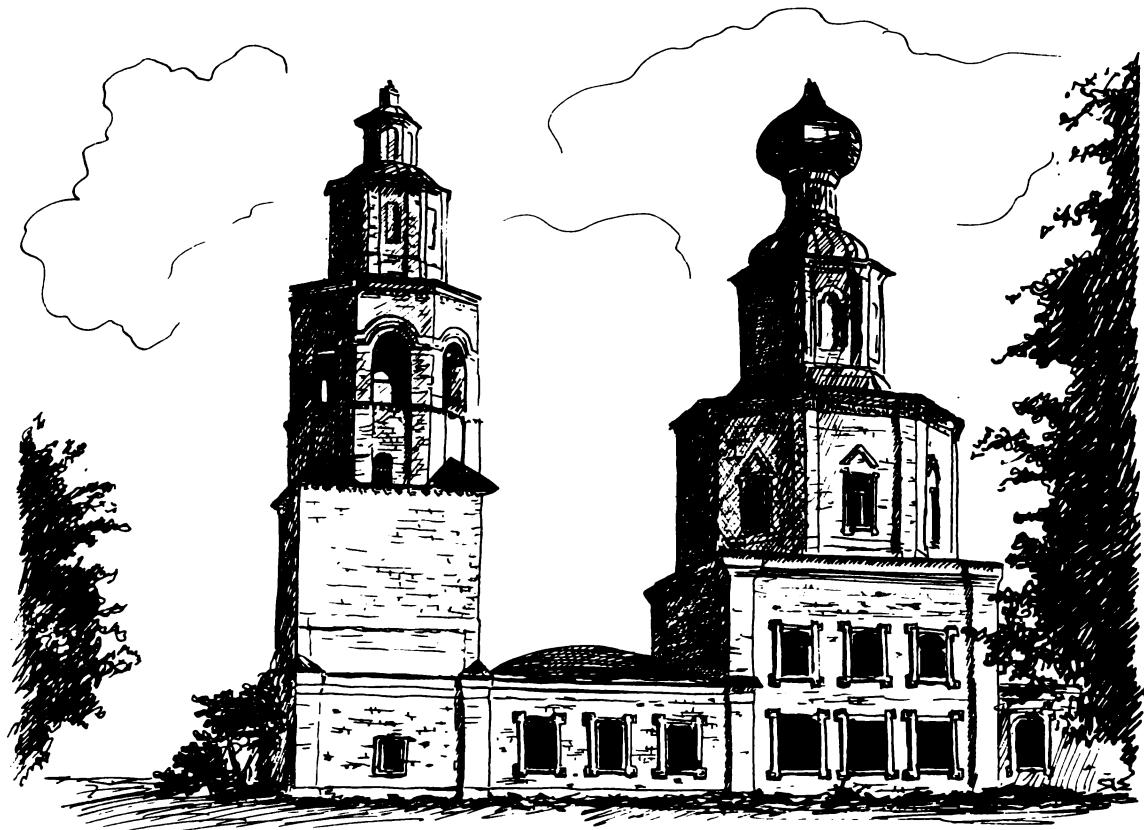


Рис. 45. Спасо-Преображенская церковь в с. Каширино

тя и измененному в Екатеринбурге проекту, первый восьмерик был крупнее, чем обычно в таких уральских храмах, и взамен «полуглавый» сопровождался фронтонами-аттиками с волютами. Второй восьмерик нес фигурную ярусную главку, вместе с фронтонами придавшую увенчанию собора сильный барочный оттенок.

Весьма значительное место среди культовых зданий Урала занимали пятиглавые. Ядром пятиглавой композиции является, за единичными исключениями, тот же малый восьмерик. В одном варианте присутствуют угловые главки с гранеными барабанами на кубических основаниях, между которыми непременно выведены «полуглавия». Впервые подобным пятиглавием, выразительность которого заключалась прежде всего в ярусности, были завершены Воскресенская церковь в Соликамске (1714—1752; рис. 46—а) и Богоявленская в Нижне-Чусовских Городках (1742; не сохранилась), затем — Воскресенский собор в Чердыни (освящен в 1753; рис. 46—б) и Успенская церковь в Кунгуре (1750—1761; рис. 42—9). Центральный восьмерик не существующей ныне Николаевской церкви в с. Верхние Муллы близ Перми (1762) был трехъярусным, и венчающие части храма по контрасту с широким «полуглавием» казались особенно дробными. В другом строгановском селе — Ильинском — они (при замене на углах четырехгранных трибунов восьмигранными) почти превышали низкий четверик храма (1775). Но силуэт любой из названных построек был куда более эффектен, чем далматовской Никольской церкви с ее слабо связанными крупным средним барабаном круглой формы и худосочными угловыми.

Другая разновидность пятиглавия — «крещатое» — прямо исходит из уральских памятников первой трети XVIII в., порой точно им следуя. Достаточно сопоставить церковь в с. Широково с Успенским собором Далматова монастыря, а также расположение уцелевших постаментов глав Богоявленской церкви в Чердыни (1751) и усольского Спасо-Преображенского собора. Но возникли и модификации. Прежде всего сказалось влияние завершения, подобных завершению соликамской Воскресенской церкви. Главы Преображенского храма в Кунгуре (1763—1781; рис. 42—7) как бы переместились с углов на оси четверика, встав по сторонам света. Правда, изменены детали — к пьедесталам примкнули очень пластичные, забавно приплюснутые на нижнем «завороте» волюты, барабаны сделаны уступчатыми, а сами главки сходны с вазами.

Значительный вклад в разработку пятиглавия внесли строители «походяшинских» церквей. Если в верхотурской Иоанно-Предтеченской церкви (1754—1776; рис. 47) четыре главы находились по углам, будучи «насажены» на квадратные основания, то в заводских храмах Походяшина крестообразно скомпонованные постаменты с люкарной (на Петропавловской церкви — даже тремя)



а



б

Рис. 46

а — Воскресенская церковь в Соликамске; б — Воскресенский собор в Чердыни



Рис. 47. Иоанно-Предтеченская церковь в Верхотурье



Рис. 48. Введенский собор в Богословском заводе (Карпинск)

сдвинуты к центральному восьмерику. Так образована удивительно цельная, полная динамики группа (рис. 48), в которой собственно главки миниатюрны, зато остальное весьма «скульптурно». Источниками такой композиции послужили Спасо-Преображенский собор в Усолье и в какой-то мере столичное барокко, но ее художественное своеобразие несомненно.

В объемных построениях уральских колоколен этого периода заметную роль играет четырехгранник, иногда продолговатый, нерасчлененный, поднимающийся выше храмового куба (Сылвенское) или без убывания (колокольня Владимиро-Богородицкой церкви в Усолье, 1791). Что касается восьмигранного столпа, то его тяжеловесность и почти полное отсутствие декора в какой-то степени компенсировались возведением над звоном дополнительных восьмериков. Впрочем, последние не всегда были сквозными, как, например, завершение колокольни Воскресенской церкви в Соликамске.

Для полноты типологии необходимо упомянуть несохранившуюся колокольню в Ныробе²⁰⁴, замечательную не только тем, что она была поставлена отдельно, но и своей шестигранностью. Укажем также на оригинальность колоколен «походяшинских» храмов. Подобно колокольне верхотурского Троицкого собора, колокольня Иоанно-Предтеченской церкви имела «усеченный» шатер, но с восьмеричка, который он нес, поднималась ввысь маковица с «фонарем» и крохотной главкой. Колокольня Введенского собора имела лишь отзвук шатрового покрытия и венчалась шпилем. К стати, шпиль — атрибут в основном колоколен горнозаводских поселений Урала.

Фасадные схемы храмов характеризуются отсутствием промежуточных членений, как вертикальных, так и горизонтальных (не считая междуэтажных карнизов). Двухъярусная разбивка четверика и тем более средние пилястры составляют очень немногие исключения, порожденные влиянием соседней Вятки. Как правило, закреплялись лишь углы объемов. Угловые лопатки четверика изредка получали со стороны алтаря диагонально-уступчатый излом (Верх-Усолка; Знаменская церковь в с. Шакшер Чердынского р-на, 1766).

Четверик был обычно двусветным. Только в упоминавшихся маленьких сельских церквях вблизи Чердыни окна расположены в один ряд с глухой стеной над ним, а Воскресенский храм в с. Большие Ключи кунгурского ареала (1775) выделяется третьим рядом окон восьмиугольной формы. В иных случаях (верхотурская Покровская церковь; Городище) восьмиугольной формы были окна второго ряда, иногда состоявшего (Верх-Усолка, Комарово) всего из одного окна. Наоборот, у несохранившейся двухэтажной Рождество-Богородицкой церкви в Усть-Боровой близ

Соликамска окно восьмиугольной формы имелось над тремя (!) рядами окон верхнего храма²⁰⁵.

Общий характер декоративного оформления изменился в сторону плоскостности. Показательно исчезновение в угловых акцентах колонного ордера (за исключением «походяшинских» памятников; храма с. Ильинского; несохранившейся Богоявленской церкви в Ирбите, 1765—1773). Отмечавшиеся на Урале в конце предыдущего периода наличники в виде аппликативной рамки завоевали ведущее положение. Правда, эта рамка редко использовалась без каких-нибудь «прибавок», как, скажем, в Верх-Усолке (рис. 49—8). Одни усиливали ее столличный оттенок — «уши» (Сыльвенское; Спасская церковь в с. Лимеж Чердынского р-на, 1778, рис. 49—9), фронтончик с полуциркульным выступом (Покровская церковь в Верхотурье, рис. 49—10), другие, напротив, представляли собой хорошо известные местные мотивы — завитки или волютки, только в плоскостном исполнении. Есть фасады с плоскими наличниками обоих «направлений» (Успенская церковь в Кунгуре; Искор, рис. 49—6, 11).

Интересно, что «перевод» мог совершаться как с точным соблюдением прежнего рисунка деталей, вплоть до антаблемента (наличники Богоявленской церкви в Чердыни, рис. 49—1), так и со внесением коррективов. В церкви с. Шакшер по сторонам оконного проема расположены подобия каннелированных пилястрочек, а завитковые элементы в основании «раздвоились», что сблизило их по форме с волутками (рис. 49—2). Завитки над храмовыми окнами в чердынской Успенской церкви закручены наподобие спиралей (рис. 49—3), а в храме с. Комарово нарочито раздвинуты, причем изменена и вставка (рис. 49—4)²⁰⁶. И все же объединение плоской рамки и традиционного завершения не было органичным. В этом убеждают хотя бы наличники соликамского Мироносицкого храма (1776—1780), в которых каждый элемент — рамка, антаблемент, превращенный в сандрик, приподнятые волютки — несколько обособлен (рис. 49—5). Строители, возможно, ощущая это противоречие, вводили в плоскостное убранство отдельные объемные акценты. Обычно это делалось на апсиде (центральные алтарные наличники освященной в 1776 г. Успенской церкви в Чердыни, рис. 50—4, достойные лучших соликамских образцов) либо в верхней части стен (например, у Богоявленского храма в Чердыни имеются два киота на колонках). В церкви с. Вильгорт, окна которой вовсе лишены обрамлений, на южной стене четверика создан причудливый асимметричный узор. Он включает «жучковую» ленту, не образующую правильной горизонтали и на выгибе прорезанную восьмиугольными окнами, а также плоские завитки. Несколько ниже, в простенке — киот, рельефный, но своим завершением родственный провисающей «бахроме» завитков. Едва ли тут не сказалось воздействие местной деревянной резьбы.

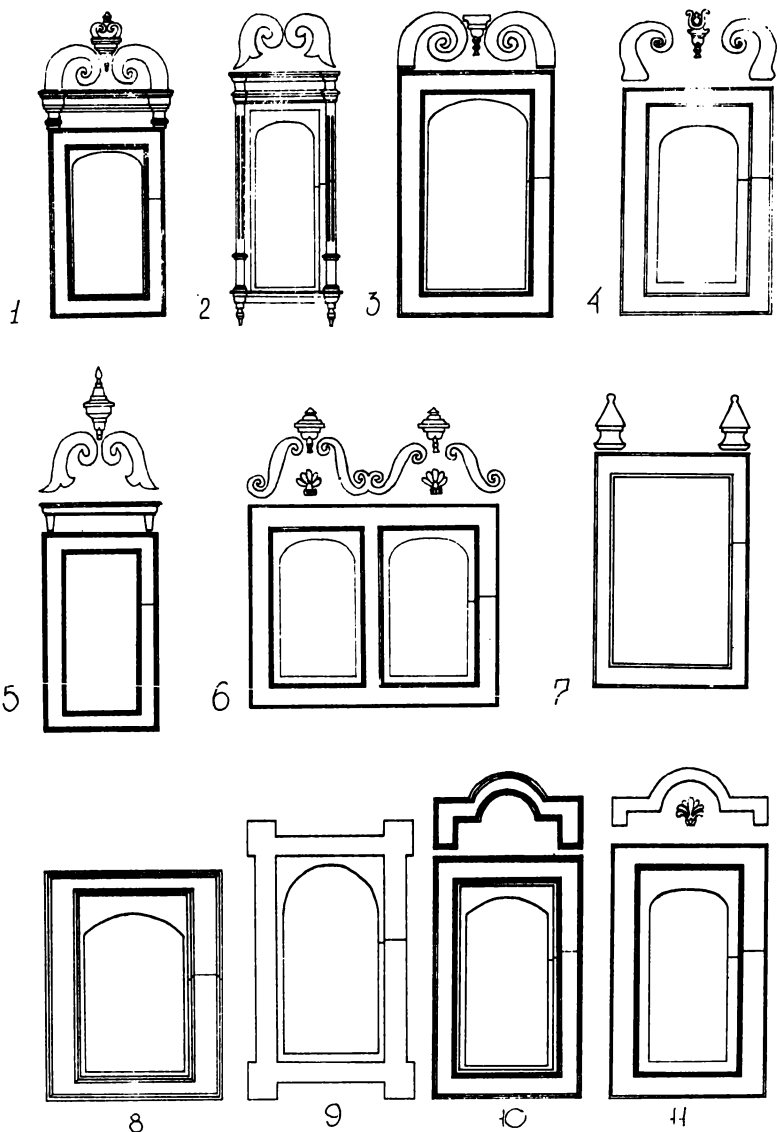


Рис. 49

Паличники: 1 — Богоявленской церкви в Чердыни; 2 — Знаменской церкви в с. Шакшер; 3 — Успенской церкви в Чердыни; 4, 7 — Христорождественской церкви в с. Комарово; 5 — церкви Жен Мироносиц в Соликамске; 6, 11 — Христорождественской церкви в с. Искор; 8 — Покровской церкви в с. Верх-Усолка; 9 — Спасской церкви в с. Лимеж; 10 — Покровской церкви в Верхотурье

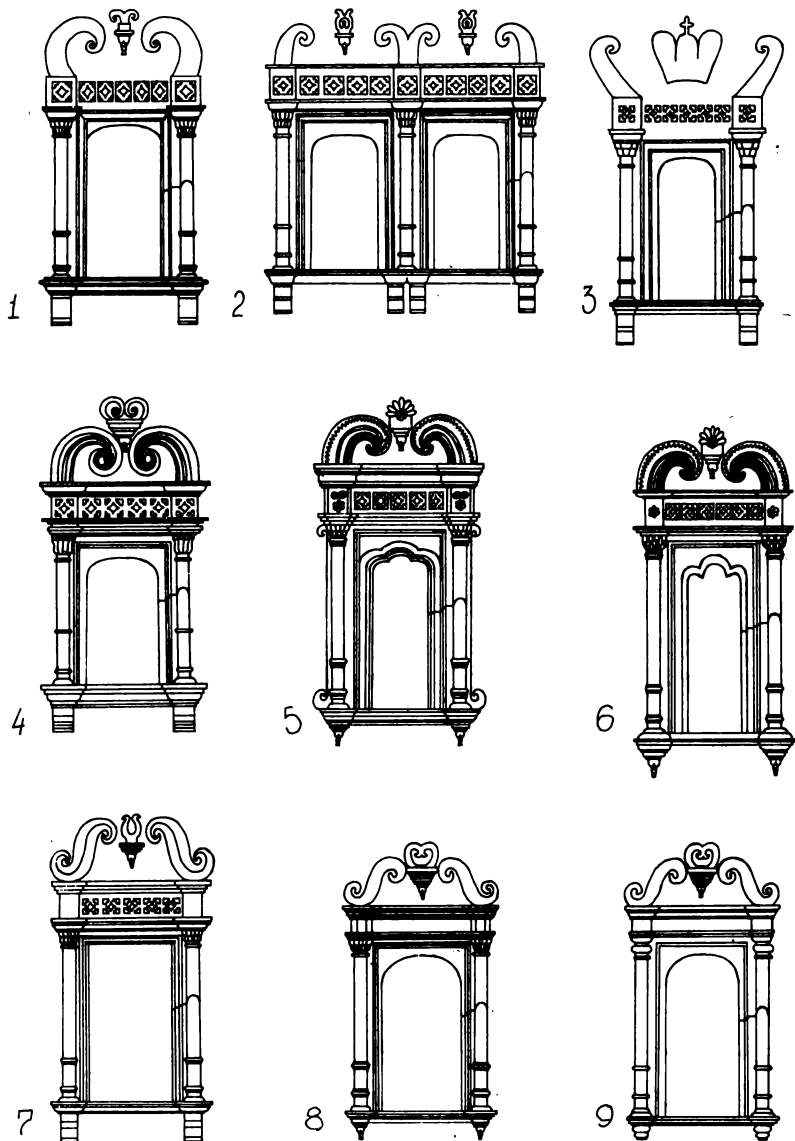


Рис. 50

Наличники: 1 — Тихвинской церкви в с. Кунгуре; 2 — Филипповской церкви в с. Филипповка; 3 — Покровской церкви в Усть-Кишерть; 4 — Успенской церкви в Чердыни; 5, 8 — Введенского собора Богословского завода; 6, 9 — Петропавловской церкви Петропавловского завода; 7 — Преображенской церкви в Кунгуре

Разделение плоскостного и объемного декоративного оформления через ряды наличников ярко выражено в церкви с. Филипповка. Четверик ее надлен как парой плоских, хотя и с завитками, рамочных наличников, так и превосходной рельефной «двойней» (рис. 50—2). Снизу вверх усложняется убранство кунгурской Преображенской церкви. Окна нижнего этажа надлены простыми рамками. У верхнего этажа в первом ряду окон рамки «ушастые» и оформлены завитками, а второй ряд украшают наличники с «коринфскими» колонками на кронштейнах, антаблементом, заполненным «жучком», и волютками (рис. 50—7).

Наконец, есть небольшое число памятников, у которых все наличники выложены объемно. В далматовской Никольской церкви, чье убранство выполнено в подражание Успенскому собору местного монастыря, в простенках четверика расположены, правда, не пальмовидные колонны (воспроизведены на приделе), а ширинки. Но обрамления, как у прототипа, соединены по вертикали. Этот же прием использован в церкви с. Широково. Антаблемнты «завитковых» наличников Тихвинской церкви в Кунгуре настолько рельефны, что их раскреповки — «кубики» обработаны и на боковых гранях продолжением орнамента — «жучка» (рис. 50—1).

Однако названные постройкн и сочностью, и «ассортиментом» декора уступают «походяшинским». К неизменным для того периода угловым лопаткам зодчие Походяшина приставили колонны. Если в нижнем этаже верхотурской Иоанно-Предтеченской церкви использованы тройные или «пучковые» колонки с валиковыми капителями, то во Введенском соборе и Петропавловской церкви — парные «коринфские» колонны. Трактованные на четверике как «большой» ордер, они оформляют и верхние этажи всех трех зданий. Колонками обработаны и венчающие восьмерики, и постаменты глав. Ордерными, разумеется, являются и наличники. Различие в том, что на Иоанно-Предтеченской церкви выдержан один вид завершения — завитки, тогда как в заводских храмах завитками увенчаны обрамления окон вторых этажей (рис. 50—5, 6), а над окнами первых поставлены волюты (рис. 50—8, 9). Стены основного объема завершает «жучковый» фриз.

Убранство «походяшинских» памятников навеяно произведениями уральского зодчества первой трети XVIII в. Так, к декору Троицкого собора в Верхотурье, помимо «коринфских» капителей колонн, восходят многообломные, с аппликацией треугольничками, завитки наличников, к убранству Спасо-Преображенского собора в Усолье (о переработке пятиглавия которого уже говорилось) — нечто вроде «секир» по сторонам окон, к декору усольских строгановских хором — «кубышчатые» капители нижних оконных обрамлений Петропавловской церкви, храма в Красном Селе — гладкая поверхность и простота профилировки волют. Тем не менее в нюансировке деталей мастера показали немалую

изобретательность. Упрощены пьедесталы колонн, по-своему прорисованы капители («тычинковые» элементы первого ряда приобрели продолговатость), над капителями сделаны кольца. Вставкой в «завитковых» наличниках служит пышная полурозетка, а в наличниках с волютами — как бы два слитых завиточка. Раскреповки антаблемента любого наличника Введенского собора «огранены», а в верхнем этаже украшены розеточкой, плиткой-ромбом и т. д. Крайне любопытны порталы. Их колонны связаны сложной, повторяющей очертания киота и дверного проема дугой или имеют наверху, изогнутые подобно стволу дерева, а затем переходящие в столбики. На постаментах глав собора в Богословске частично сохранились алебастровые изображения херувимов.

«Походяшинские» церкви, при очень незначительном влиянии столичной и сибирской архитектуры, синтезировали и развили формы, выработанные на Урале с начала XVIII столетия. Это был последний взлет самобытной местной школы. Одновременно появились храмы, целиком выдержанные в духе петровского (несохранившаяся Богоявленская церковь, впоследствии — Кафедральный собор в Екатеринбурге, 1771—1795) или елизаветинского барокко (Входо-Иерусалимская церковь в Нижнем Тагиле, 1764—1776, не сохранилась; Спасо-Преображенский собор в Шадринске, заложен в 1771). Другие совмещали барочность с налетом раннего классицизма (Симеоно-Аннинская церковь в Сысерти, 1773—1788). Незаурядные сами по себе, они были чужды сложившейся региональной традиции.

Во второй половине 80-х — 90-х годах в Прикамье еще изредка сооружались церкви с малым восьмериком, но он либо ставился на четырехгранный купол (Предтеченская церковь в с. Стефановском, ныне Ленское Кунгурского р-на, строилась с 1785), либо был уж совсем несоразмерен с огромным четвериком (Никольская церковь в с. Медяна Ординского р-на, 1787). На фоне удручающей сухости декора выделяются лишь наличники Покровской церкви с. Усть-Кишерть (ок. 1786; рис. 50—3), в которых былой «жучок» истолкован как орнамент из крестов, а между запрокинутыми завитками красуются плоские короны.

По другую сторону Урала барочная культовая архитектура продержалась дольше, перешагнув и в XIX в., но лишь немногие постройки (например, венчавшаяся малым восьмериком и декорированная «завитковыми» наличниками Знаменская церковь в Верхотурье, 1781—1808) принадлежат уральской школе как таковой. Остальные — поздние образцы широкого восьмерика на четверике и тем более купольные храмы — должны рассматриваться в связи с «сибирским барокко».

ГЛАВА 3. РЕГИОНАЛЬНЫЕ ШКОЛЫ: СФЕРЫ ВЛИЯНИЯ, ЕДИНСТВО И МНОГООБРАЗИЕ

Проведенный выше анализ показывает, что в зодчестве каждого региона есть ареалы, обладающие определенной художественной самостоятельностью, иногда даже едва укладывающиеся в общие рамки школы. Так, в памятниках вятского юга, ориентированного на Казань, обнаруживается лишь очень немного общего с зодчеством северных «поморских» уездов края (разграничительную линию можно условно провести где-то около Кукарки). Притягательность устюжской архитектуры не помешала развитию особой лальской ветви. В сфере объемной композиции обаянные Устюгу, храмы этого ареала в декоре примыкали к строгановскому наследию — не случайно именно здесь возникла непревзойденная фасадная пластика Покровской церкви. Лальск, долгое время остававшийся «пригородом» Соли Вычегодской, а также Вычегда восполнили то, что отсутствовало либо было слабо выражено в региональном центре — Устюге. В уральском зодчестве можно выделить Прикамье и Зауралье, но между их памятниками нет большой разнородности благодаря тому, что соликамские каменщики работали по обе стороны Урала. Только храмы Екатеринбурга — нового города, где, как писал современник, «все заводское и ... дворовое строение линейно обретается»¹, соприкасались с уральской традицией лишь отчасти, непосредственно впитав черты новой петровской архитектуры. Порой обнаруживается локальная нюансировка присущих школе деталей. Так, весьма популярный по всему Уралу тип наличника с завитками неодинаков в соликамском, кунгурском или далматовском ареалах.

Любая школа имеет свои «пробелы». К примеру, в Устюге и на Вятке с начала XVIII в. почти не возводилось пятиглавых церквей, на Урале же пятиглавие проходит красной нитью через культовую архитектуру всего столетия, не знавшую, однако, храмовосьмериком от земли. Ни в устюжских, ни в вятских памятниках нет орнамента-«жучка» и кронштейнов-«кубиков», так же как в уральских — «ионических» капителей, вогнутых абак (не использовавшихся и над «коринфской» капителью), бровок и фасадных картушей.

Конечно, ни одна региональная школа не может быть замкнутым явлением. Тут уместен вопрос о влияниях. Значение городов — «рассадников искусства» сохранялось и в XVIII в., и их воздействие простиралось далеко. Но в одних землях оно было серьезным, в других же еще в большей степени, чем ранее, наталкивалось на укоренившиеся местные традиции, принимаясь лишь постольку, поскольку им не противоречило. Пример тому — неравномерное распространение влияния Устюга. Там, где его мастера выступали зачинателями каменного строительства, образовывался «филиал» устюжской школы. Так было с Тотьмой, первые храмы XVIII столетия которой мало отличались от устюжских (например, церковь Воскресения, 1744—1749). Но затем последовал неудержимый рост местной художественной независимости, вылившийся в еще недостаточно объясненный феномен «тотемского барокко». Бескомпромиссный вертикализм четверика, восьмериковое пятиглавие, тонкие, тянувшиеся во всю высоту объема пилястры, причудливые картуши, изменившие даже форму оконных проемов, — все это, концентрированно выраженное во Входу-Иерусалимском храме (1774—1794), с Устюгом почти не имело общего.

Ряд памятников, однотипных с устюжскими, находим в Вологде (теплая церковь Дмитрия Прилуцкого, 1750—1759; холодная Владимирская, 1759—1764, и др.). Однако в приобщавшейся ко многим источникам вологодской архитектуре они составляют лишь одну из групп. Кроме того, для их декора, в частности, ордерных с «ионическими» капителями и «разрезными» фронтонами наличников, были в городе более ранние образцы (Сретенская церковь, 1731—1753). В костромском Заволжье сооружение отдельных храмов с малым восьмериком в характере устюжской школы (церкви Успенская в Чухломе, ок. 1730; несохранившиеся Богоявленская в Галиче, ок. 1758; в с. Козмодемьянском близ Галича, 1755)² не поколебало приверженности местных мастеров к иному увенчанию — пяти архаичного вида главам поверх четырехскатной кровли или на куполе. Весьма слабо Устюг повлиял на Нижнее Подвинье и Вагу. Утверждать, будто «город Архангельской» не имел собственных традиций каменного церковного строительства и этот вакуум заполнили устюжские формы³, значит не замечать преемственности Архангельска от Холмогор. Именно Холмогоры предопределили развитие архангелогородской школы, передав ей как основную черту монументальность. Но одно из культовых зданий Устюга XVIII в. не может соперничать с крупномасштабностью архангельского Кафедрального собора (1709—1743; не сохранился — рис. 51—а).

Если впоследствии в Архангельске, возможно, благодаря устюжанам, пятиглавие и уступало место малому восьмерику, основные объемы остались внушительными. Таков несохранившийся Со-



а



б

Рис. 51

а — Кафедральный собор в Архангельске; б — Соломбальский Морской собор в Архангельске

ломбальский Морской собор (1760; рис. 51—б), где особенно эффектен вытянутый, без горизонтальных тяг, четырехгранный ярус колокольни. Типично было устройство дополнительного ряда окон — овальных или восьмиугольных, в устюжской школе встречающегося лишь в небольшом числе периферийных памятников.

Несмотря на столь же прочные давние связи с Устюгом, и в Сибири имеются не более чем отголоски устюжских построек. Венчающий некоторые тобольские храмы восьмерик, совсем маленький и наделенный приставными волютками, специфичен. Правда, в Иркутске восьмерики Крестовоздвиженской церкви (1747—1758), «валиковые» обрамления и «бровки» Троицкой (1772) не лишены сходства с устюжскими. Однако воздействие Устюга на восточносибирские памятники нельзя признать значительным, особенно в сравнении с той ролью, которую имела потом для зодчества этого ареала Тотьма.

Устюг, в посредническом смысле, помог знакомству вятской школы с элементами петровского барокко и причастен к тому отходу от «узорочья», что совершился на Вятке в 30—40-е годы XVIII в. Тем не менее вятчане, как мы видели, не расстались ни с деревянными храмовыми завершениями, ни с кокошниками (уже упраздненными тогда в устюжских постройках). Каннелированные пилястры, использовавшиеся в Архангельске от случая к случаю, а в Устюге лишь однажды — на Христорождественской церкви, они сделали характернейшей деталью, ввели созвучный мотив «триглифов» и создали из таких пилястр, фриза и кокошников весьма оригинальную фасадную схему. Более сильной оказалась новая фаза устюжского влияния, связанная с деятельностью Горынцевых. Несомненна заслуга этих зодчих в распространении на Вятке малого восьмерика. Но став ведущим типом увенчания, он интерпретировался иначе, нежели в Устюге (в том числе почти во всех произведениях горынцевской семьи). Если в одноэтажных церквях устюжской школы три восьмерика едва ли не превосходили своей общей высотой несущий их четверик, то этого не увидишь в вятских храмах. Восьмериков там было обычно два и им не придавалось напряженного убывания. Интересно, что «полуглавие», не являвшееся для устюжских мастеров чем-то неприменным, у вятчан стало обязательным спутником малого восьмерика, который к тому же почти всегда декорировался колонками. Добавим, что объемная композиция Николаевской церкви в с. Истобенском и Введенской церкви в с. Макарье под Котельничем никак не выдает строителей-устюжан: в ней нет ни уступчатого алтаря, ни «компактной» верхней трапезной, характерных для двухэтажных культовых зданий Устюга.

Горынцевы принесли с собой новый набор украшений. Не говоря о повторении в с. Истобенском наличников устюжской Мироносицкой церкви, в с. Раменье — «витых» пилястр Преобра-

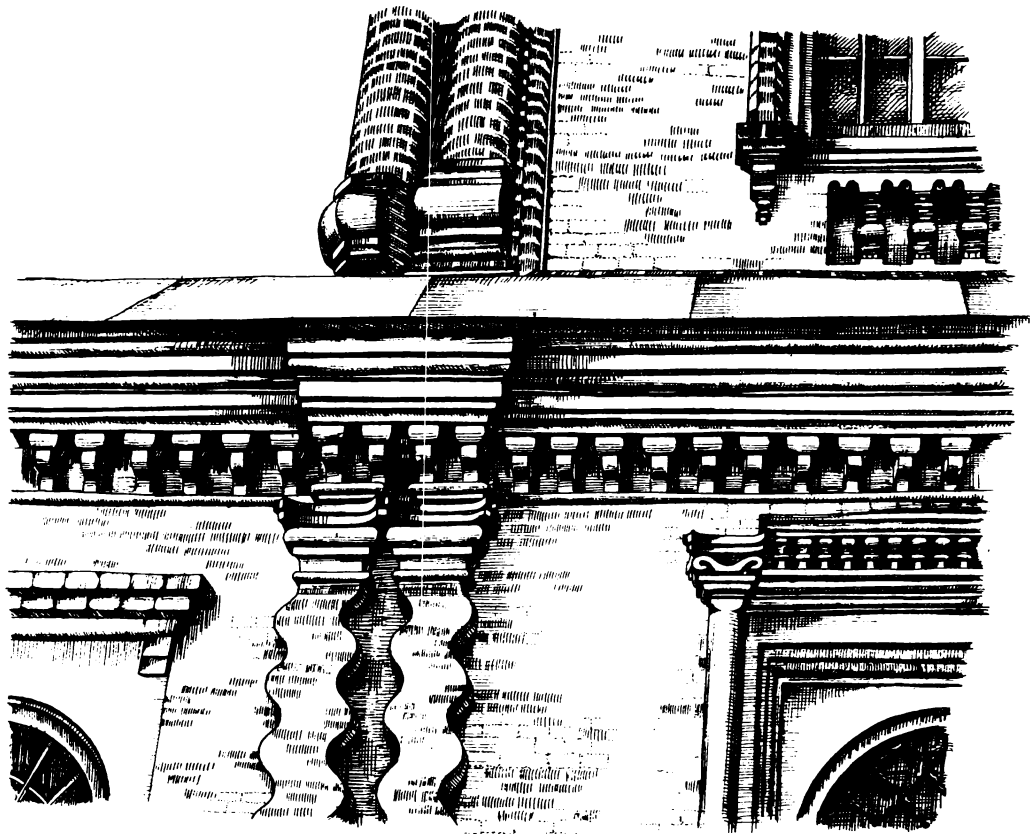


Рис. 52. Троицкая церковь в с. Раменье. Фрагмент

женско-Сретенской (рис. 52), ибо то и другое осталось в чужом регионе эпизодом, вспомним привившиеся с тех пор на Вятке пилястры с гладким стволом и вогнутой абакой, «символы» ионической капители, бровки. Однако в декоре, как и в композиции, Горынцевы выступили не только проводниками устюжского влияния. Глубоко постигнув характер местного зодчества, любовь вятчан к «изукрашенности», они насытили фасады деталями, родственными по духу кирпичным кружевам построек Хлынова и Слободского рубежа XVII—XVIII вв. Вероятно, не будет ошибкой рассматривать деятельность Горынцевых (особенно Данилы) на Вятке как непрерывную творческую ассимиляцию.

Казалось бы, архитектура Вятки должна была значительно воздействовать на зодчество Прикамья, но это осуществлялось в очень малой мере. Причина не только в том, что вятские епископы «за обширностью Великой Перьми местоположения, а паче за болотами, в иных же местах неудобь проезжающими грязьми»⁴ посещали ее нерегулярно и слабо контролировали тамошнее церковное строительство. Уральская барочная архитектура развивалась на иной художественной основе, поэтому вятские влияния оставили след буквально в считанных постройках. В с. Большие Ключи использованы валиковые «ушастые» наличники взамен уральской широкой рамки. Теплая Богоявленская церковь при Благовещенском соборе в Кунгуре (ок. 1740; не сохранилась) была оформлена раковинами. Ближе к вятским храмы сел Шерья Нытвенского р-на (1758—1779) и Сабарка Суксунского р-на Пермской обл. (ок. 1775—1777). Первый, как точно известно, строился хлыновскими каменщиками. Оба памятника имеют горизонтальное членение четверика и каннелированные пилястры, которые в Сабарке, однако, расположены только по углам. Того же рисунка пилястры, но в каком-то сумбурном ритме и в соседстве с угловыми одинарными колоннами имелись и на церкви с. Ильинского. В Сабарке и Ильинском четверик — на две оси окон. Таким образом, не была даже выдержана свойственная вятскому региону система разбивки фасадов. Что касается малого восьмерика, то он, конечно, попал на Урал не через Вятку, будучи, скорее, «вычленен» из популярной местной композиции пятиглавого завершения.

Верхотурское строительство вызвало интерес к «московскому барокко» в Сибири. Троицкий собор в Верхотурье послужил образцом для Богоявленского в Иркутске (1718—1723), так же, как верхотурская Покровская церковь — для Спасского собора в Енисейске (1750-е годы)⁵.

Изучая влияния региональных школ, приходится констатировать, что они не были взаимными. Тотьма не оказала обратного влияния на Устюг. Вятка могла повлиять на переселившихся мастеров-устюжан, но не на зодчество устюжского региона. Невоз-

можно говорить о значении уральской архитектуры для Устюга и Вятки. Как ни парадоксально, местности, находившиеся на торговой коммуникации с Сибирью, почти не восприняли «сибирского барокко». Им остались чужды «украинизмы» сибирских храмов, в частности, купола вычурных очертаний, и это несмотря на то, что в XVIII в. большинство архиереев Устюга и Вятки были, подобно тобольским, «малороссиянами». Композиция верха Захарьевской церкви Тобольска (1759—1776) — памятника, которому подражали по всей Сибири, на северо-востоке России была с упрощением использована только в Шестакове в Благовещенской церкви. Единичны аналоги с Сибирью и по части убранства. Напоминающие языки пламени кокошники над окнами яренского Спасо-Преображенского собора (рис. 25—4) ассоциируются с наличниками тобольской Спасской церкви (1704—1710), но далеки от экспрессивности последних.

Только Зауралье, подчиненное светским и духовным властям Тобольска, было в известной мере втянуто в орбиту «сибирского барокко». Достаточно отметить форму глав многих культовых зданий (например, Иоанно-Предтеченской церкви в Верхотурье, Екатерининского собора в Екатеринбурге), трехлопастные завершения наличников и порталов. Приемы тобольского барочного зодчества взаимодествовали с уральской традицией. Результатом стали девятиглавые храмы, как бы объединившие «крещатое» пятиглавие и главки на угловых диагональных фронтонах купола, изобретенных в Захарьевской церкви (несохранившаяся Покровская церковь в Туринске, 1769—1773; Спасо-Преображенская в Нижней Синячихе, 1794—1823; рис. 53)⁶. Однако в этом ареале преобладали собственно уральские черты.

Одностороннее направление влияний отнюдь не указывает на некую иерархию школ. Некоторые родственные явления должны рассматриваться не как заимствования, а как параллели с не вполне одинаковым содержанием. Тип «завиткового» наличника пришел из Москвы⁷ во все три исследуемые нами региона, но, вероятно, по разным каналам. При сравнении его употребления оказывается, что в Устюге он промелькнул лишь в двух памятниках, на Вятке, измельченный или несколько гипертрофированный, был популярнее, но к середине XVIII в. фактически исчез. Зато на Урале, обладая четкой ордерностью, он просуществовал длительное время и вправе считаться региональным мотивом. При различно пройденном пути, индивидуальности каждой школы зодчества надо подчеркнуть постоянно наблюдавшееся единство творческих устремлений и «непритий».

Не касаясь взаимоотношений школ с деревянным зодчеством своих регионов, подчеркнем бесспорное воздействие каменных построек, которое в XVIII столетии превосходило традиционное влияние дерева. Подтверждение тому — появление деревянных храмов, венчае-



Рис. 53. Спасо-Преображенская церковь в с. Нижняя Синячиха

мых малым восьмериком (в с. Соденьга, 1759)⁸ или переделка на восьмерик более ранних завершений (с. Шолым Красноборского р-на, Кичменгский Городок и др.). Даже на Вятке, где, как указывалось, деревянные надстройки долго венчали каменные церкви, после утверждения каменного малого восьмерика плотники «задались целью поставить из дерева церковные здания ... вполне подобные каменным сооружениям такого рода»⁹. Воплощением этих устремлений стал собор в Кае, где были имитированы не только восьмерики, но и «полуглавия» каменных храмов.

Для всех школ характерны разработка двухэтажного церковного здания, ярусность завершений, преобладающая пятигранная форма апсид, отказ от шатровых колоколен в пользу столпообразных и т. п. Очень важно общее предпочтение малого восьмерика большому, совершенно обратное тому, что наблюдалось целое столетие в Подмосковье или Среднем Поволжье¹⁰. Да и композиции с большим (широким) восьмериком на всей территории от Вологды до Урала включительно, за исключением единичных случаев, не были удачными.

В свое время А. И. Некрасов говорил о «пространственной костности» «нарышкинских» храмов¹¹. Но еще в большей степени это присуще памятникам изучаемых регионов. Храмовое помещение, как бы помпезно оно ни декорировалось, неизменно делалось квадратным, замкнутым в себе. Будучи отделено от трапезной капитальной стеной, не имея боковых притворов, оно развивалось лишь в высоту за счет подъема свода и световых восьмериков. Таким образом (как и в XVII в.), «проблема пространства не занимает совсем художника, на первом плане стоит пластическое выражение»¹².

Школы испытывали некоторые сходные затруднения технического порядка, сказавшиеся и на формообразовании. Не использовалась белокаменная резьба, поскольку не было материала и специалистов-резчиков (за исключением юга Вятского края, где есть залежи опоки). Хотя желание использовать мотивы «рези» было велико, приходилось довольствоваться ее имитацией в фигурном или тесаном кирпиче (наличники Воскресенского собора в Лальске, Знаменско-Богородицкой церкви в с. Пасегово, Спасо-Преображенского собора в Усолье). Видимо, тот же фактор породил лаконизм «коринфских» капителей, резко отличающихся от пышных капителей у белокаменных «нарышкинских» колонн. Как в произведениях уральской школы, начиная с Троицкого собора в Верхотурье, так и в почти аналогичных ему деталях возникших шесть-семь десятилетий спустя вятских памятников, сходство с акантовыми листьями очень отдаленное. Не зря на Вятке считали нужным добавлять к казавшейся недостаточно богатой капители украшения-навершия. За отсутствием либо недостатком штукатуров лепные детали столбчатой архитектуры — от простой плоской рамки до сложного картуша — также воспроизводились в кирпиче.

Главным же, что определяло единство школ, была питавшая их социальная среда, в основном одна во всех трех регионах. Поскольку в них не существовало вотчинных церквей, рассчитанных на небольшой круг посетителей, становится понятным отсутствие свойственных преимущественно таким постройкам центрических схем, господство трапезного типа. В роли заказчика мы чаще видим не отдельных лиц, а общину — неважно, крестьянскую или посадскую. Ведь на Севере «сельское население стояло ... гораздо ближе к посадскому, гораздо менее отграничивалось от него, чем в центре или на юге. Самые названия «посадский человек» и «крестьянин» были не более, как шаткими терминами, обозначающими не различие юридических состояний, а лишь ... места жительства»¹³. Поэтому напрасно говорить о каком-то «сельском варианте» устюжского храма¹⁴. Разве церкви в Ярокурье и других селах и погостах уступают по величине и отделке городским? А лучшие памятники вятской школы второй половины XVIII в. сосредоточены именно в сельской местности.

К этой же народной среде, разделяя ее вкусы, тяготела и часть храмоздателей-купцов. Достаточно назвать колоритную фигуру М. М. Походяшина. «Сын ямщика, безграмотный, основатель огромных и разнообразных заведений, содержал в Верхотурье богатый дом, обучал своих детей по ... дворянскому, а сам одевался как простолюдин, ходил в смуром кафтане с заплатами... в армяке и в чирках»¹⁵. Столь же объяснимой становится огрубленно-сочная трактовка ряда мотивов, которые, например в строгановском Усолье, были более утонченными.

Нельзя считать, что заказчики чуждались нового. Иначе не были бы так распространены, в сущности, уже не древнерусский малый восьмерик, а также переработанные, но заметные позднепетровские декоративные черты. Некоторое употребление, преимущественно в украшении храмовых интерьеров и колоколен, нашли рокайльные мотивы елизаветинского времени. Однако общеэстетические представления остались консервативными и поставили столичным влияниям известный предел, за которым развивалась лишь «верхушечная» культура, связанная в Устюге с отдельными архиереями и богатейшими представителями купечества, в Хлынове — как правило, с высшими духовными властями, на Урале — с горным начальством и заводчиками вроде Демидовых. Ее отражения в зодчестве малочисленны и почти всегда теряли региональную окраску.

Под воздействием этих факторов местное зодчество и в XVIII столетии развивалось в соответствии со средневековыми принципами художественного творчества — коллективностью, вариативностью, традиционностью¹⁶. Строительная практика долго отличалась от таковой в Древней Руси только несколько большим внедрением чертежа, да и тот по-прежнему часто был лишь дополнением «словесного портрета» или перерисовкой какого-либо «образца». Горноза-

водская часть Урала, где использование проектных чертежей вошло в норму, и в стилистике построек, более близкой к столичной, представляла собой особый ареал и не меняла общей картины.

Естественно, что личность зодчего, принадлежавшего к крестьянской либо посадской среде и часто обязанного следовать «образцу» (пусть с правом аранжировки), нивелировалась не меньше, чем в древнерусские времена. Постройки известных нам каменщиков, скажем, плодовитого хлыновского мастера И. Коршунова, не складываются в четко различимые группы. Только Горынцевы владели особым, бросающимся в глаза почерком, но и их находки скоро растворились во множестве подражаний.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы проследили историю каменного строительства и эволюцию архитектурных форм в Великом Устюге, на Вятке и Урале почти до конца XVIII столетия. Здесь возникли три региональные школы, и ход развития каждой, в какой-то степени совпадая с остальными, имел свои особенности.

В Устюге восприятие «московского барокко» оказалось замедленным. В 10-е — начале 20-х годов XVIII в. убранство построек оставалось почти всецело «донарышкинским», обновляясь лишь на периферии Устюга. Довольно архаичны были и объемно-планировочные решения. Напомним, что в Устюге и его епархии практиковалось раздельное сооружение летней и зимней церквей, по причине чего летние вместо трапезной получали притвор или галерею.

В 20-е годы XVIII в. устюжане усвоили новый вид завершения — малый восьмерик. Он увенчал определившийся тогда в качестве преобладающего двухэтажный тип культового здания со ступенчатым алтарем и соответствующим расхождением в планировке этажей. После предыдущего десятилетия, когда повсюду исчезали архаичные формы¹, серьезно изменилась фасадная декорация. Были, наконец, переняты (возможно, по примеру Лальска) «разрезные» фронтоны и подобные детали, которые сосуществовали с позднепетровскими чертами. Это сочетание не было слишком противоречивым, ибо были воспроизведены лишь единичные элементы петровского барокко. Остальные мотивы в основе являлись древнерусскими, подобранными или переосмысленными с учетом плоскостных тенденций столичной архитектуры. Таковы уступчатые, с контуроваликом, лишь иногда снабженным «ушами», обрамления окон², пилястры, чьи капители следует расценивать не как дорические, а как «валиковые» капители конца XVII в.

Трансформация колонного ордера в пилястровый проходила многообразно — появились гладкие, каннелированные³, «витые» стволы, хотя две последние разновидности нашли весьма ограниченное применение. Оригинальным переложением убранства петровского барокко явились в Устюге бровки. Именно с того периода, ознаменованного появлением Иоанно-Богословской, Христорождественской, Никольской и Преображенско-Сретенской церквей, устюжское зодчество следует рассматривать в качестве региональной школы. Впоследствии местный храм удерживал прежнее объемное построе-

ние, поярусную трехчастную разбивку четверика. Дополнения, наблюдавшиеся в ряде памятников, заключались в устройстве выведенных на линию переднего фасада приделов или крыльца притвора между колокольней и трапезной, использовании «большого» пилястрового ордера.

Каменное строительство Вятки склонялось сначала к строгому соборному типу, но вскоре он был вытеснен бесстолпными пятиглавыми церквями. Исключительную их нарядность нельзя считать только подражанием зодчеству середины XVII в. Орнаментально-пластическая изощренность, органически связанная с местными художественными промыслами, дробность слагаемых убранства были заложены в самом мышлении вятских мастеров, что делало их прежде всего искуснейшими декораторами. Принятая ими «калейдоскопичность» затрудняла проникновение новых приемов убранства, отчего зодчество Вятки (за исключением отдельных деталей) в начале XVIII в. пребывало еще на «донарышкинской» стадии. Да и на протяжении всей первой четверти XVIII в. мотивы «московского барокко» были в регионе малочисленны и воспринимались сквозь призму «узорочья».

О становлении на Вятке региональной школы красноречиво свидетельствовали уже произведения артели И. Никонова. Позднее, после увязки каменного храмового объема с деревянным завершением, некоторого укрупнения фасадных элементов и усиления в них барочного начала (Иоанно-Предтеченская церковь в Хлынове, Николаевский собор в Нолинске), самобытность ее окрепла. Культурные реформы эпохи Петра почти не затронули Вятский край⁴, долго неизвестна была тут и новая петровская архитектура. Однако в 30—40-е годы ее мотивы в регионе быстро набрали силу, лишив храмы недавней «пряничности». Впрочем, столичное влияние было смягчено: сохранялись деревянные покрытия-«курмы», кокошники (правда, не всегда оставленные в прежнем виде), порой даже раковины⁵.

Перемены, наступившие в конце 60-х годов (Николаевская церковь в Истобенском и др.), коснулись венчающих частей, сменившихся малыми восьмериками. В области же убранства новшества были не чем иным, как возвратом на очередном этапе развития к принципам «узорочья». Ведущее положение заняли своеобразно переработанные мотивы «нарышкинского» толка, особенно колонны, но декор включал и элементы, использовавшиеся на Вятке и ранее (например «кисти»).

В заключительных, возможно, уже представлявших собой вольный пересказ «прожектов архитектурских», памятниках вятской школы (конец 70-х — первая половина 80-х годов XVIII в.) доля столичных источников возросла, но зачастую они лишь вдохновляли мастеров на новые декоративные фантазии.

На формирование уральской региональной школы прямое воздействие оказало «московское барокко». Насколько местное зодчество к 1705 г. успело проникнуться «нарышкинским» веянием, показывает Никольская церковь в Ныробе. Зодчий искал новое в пределах старой схемы⁶, но фасадная декорация церкви оказалась несравненно более передовой, нежели у аналогичных вятских построек. Утверждению «московского барокко» на Урале весьма способствовало предпринятое правительством сооружение Верхотурского кремля. Троицкий собор в Верхотурье, в стилевом отношении обогнавший все выстроенное до этого в Устюге и на Вятке, да и в самом уральском регионе, воплотил многие «нарышкинские» приемы. Среди них наибольшее значение имело характерное для конца XVII в. угловое расположение ордерных элементов с освобождением плоскости стены для окон в ордерных же обрамлениях⁷. Сопровождаясь простотой прорисовки «коринфского» ордера, «завитковыми» наличниками, а также «крещатым» пятиглавием, это легло в основу уральской школы. Заявив о себе в первом десятилетии XVIII., она окончательно определилась в 20-е годы после появления двухэтажных церковных зданий и пополнения декоративного арсенала (волюты наличников⁸ и пр.). В отмеченной композиции пятиглавия, как и в распространенном на Урале позже другом варианте пятиглавного завершения — с ярусными главками по углам, известную роль сыграло влияние Строгановского зодчества⁹. Однако уральские постройки Строгановых имеют специфический оттенок.

Ясность и тектоничность объемов, не нарушаемые промежуточными членениями, выступили еще отчетливее в церковных зданиях Урала середины и второй половины XVIII в., в чем, очевидно, проявился и опыт промышленного строительства. Последнее осуществлялось, правда, особым контингентом заводских каменщиков, но в какой-то мере повлияло и на манеру их более квалифицированных собратьев, возводивших церкви. Под воздействием производственных построек, а не только столичных влияний, в уральском регионе усилилась плоскостность убранства. Образ местного храма стал несколько грубоват, но, подобно знаменитой Невьянской башне, полон суровости и физической силы. Это ощущуимо в колокольнях порой даже явственнее, чем в церквях (колокольня в с. Вильва под Соликамском с ее криволинейными плоскими нишами).

Однако уральские мастера не забыли найденное предшественниками. Вот почему в определенной ситуации возможно было создание шедевров, таких, как пышно украшенные «подходяшинские» церкви, которые в значительной мере подвели итог развитию барокко на Урале.

В последней четверти XVIII в. старые организационные принципы и творческие методы сделались несовместимыми с распро-

странившейся на всю страну правительственной политикой в области строительства, требовавшей «регулярности» и «соблюдения во всем законного порядка». После некоторого переходного периода они исчезли, унеся с собой и архитектурные формы, характеризующиеся местной самобытностью.

* * *

Один из современных исследователей задался вопросом, каким стало бы направление отечественного зодчества XVIII в., если бы не произошла «градостроительная революция» Петербурга, и так на него ответил: «В случае такого хода ... событий русская архитектура, свободно продолжая в своей «московской» линии художественный расцвет конца XVII в. ... в XVIII столетии завершила бы с еще большим блеском это прерванное в ней звено»¹⁰. Но то, что оборвалось в Москве, было продолжено в далекой провинции. Приемы «московского барокко», пусть не целиком и переложенные по-своему, оказались на северо-востоке, особенно в лальском ареале, а также на Урале, удивительно жизнеспособными. Из этого видно, как много дают провинциальные памятники для раскрытия потенциальных возможностей стиля, когда он уже ушел из столичного зодчества¹¹.

Не все памятники Устюга, Вятки и Урала могут быть признаны барочными. Но в целом то или иное соотношение местного варианта «московского барокко» и самобытно прочтенных элементов петровской, иногда и елизаветинской архитектуры определяло характер региональных школ на протяжении большей части XVIII в. Демократическое по своей природе, являвшееся в большинстве случаев народным творчеством, это «низовое» барокко имело возможность развиваться лишь в узких рамках культовых построек. Тем не менее оно обладает тем же светским началом, декоративной яркостью, выразительностью силуэта при простоте и ясности объемно-планировочных схем, что и произведения Растрелли и других столичных архитекторов. К рассмотренным областям с их памятниками в какой-то мере применимы слова Ф. Энгельса о средневековой культуре: «...та или иная специфическая особенность может иметь лишь местное значение, но то характерное, что она отражает, одинаково присуще всему племени»¹².

Дальнейшее расширенное изучение региональных школ, без сомнения, внесет много нового в представления о традициях и новаторстве в архитектуре России петровской и последующих эпох.

Введение

- ¹ Ленин В. И. Полн собр. соч. Т. 29. С. 318.
- ² Грабарь И. Э. Андрей Рублев // О древнерусском искусстве. М., 1966. С. 154.
- ³ Пиксанов Н. К. Областные культурные гнезда. М., 1928. С. 3.
- ⁴ Определенные успехи в его применении достигнуты литературоведами. См., например: Милонов Н. А. Литературное краеведение. М., 1985.
- ⁵ Краснобаев Б. И. О некоторых понятиях истории русской культуры // История СССР. 1978. № 1. С. 67.
- ⁶ См.: Лихачев Д. С. Семнадцатый век в русской литературе // XVII век в мировом литературном развитии. М., 1969. С. 321.
- ⁷ Лихачев Д. С. Развитие русской литературы XI—XVII вв.: Эпохи и стили. Л., 1973. С. 202, 206.
- ⁸ Там же. С. 170—171.
- ⁹ См.: Софронова Л. А., Липатов А. В. Барокко и проблемы изучения славянских литератур и искусств // Барокко в славянских культурах. М., 1982. С. 6—7.
- ¹⁰ Плужников В. И. Организация фасада в архитектуре русского барокко // Русское искусство барокко: Материалы и исследования. М., 1977. С. 89.
- ¹¹ Тренин А. Идеологическое и эстетическое значение архитектурного наследия // Архитектура СССР. 1983. № 2. С. 9.
- ¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 153—154.
- ¹³ Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII в. М., 1972. С. 120.
- ¹⁴ Колесников П. А. Северная деревня в XV — первой половине XIX в. Вологда, 1976. С. 50.
- ¹⁵ См.: Переход от феодализма к капитализму: Материалы всесоюзной дискуссии. М., 1969. С. 29.
- ¹⁶ Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь... С. 319.
- ¹⁷ См.: Колесников П. А. Северная деревня... С. 48, 50—61.
- ¹⁸ См.: Вздорнов Г. И. Вологда. Л. 1978. С. 28.
- ¹⁹ Историки рассматривают и Вологодский уезд, находившийся «на периферии как Замосковья, так и Поморья», в качестве особого по хозяйственному укладу (господство помещичьего землевладения, крепостнические порядки). См.: Бакланова Е. Н. Крестьянский двор и община на русском Севере. М., 1976.
- ²⁰ Выголов В. П. Архитектура барокко в Тотьме // Памятники русской архитектуры и монументального искусства. М., 1980. С. 103—126.
- ²¹ Мерзон А. Ц., Тихонов Ю. А. Рынок Устюга Великого в период складывания всероссийского рынка (XVII в.). М., 1960. С. 249; Колесников П. А. Северная деревня... С. 60.
- ²² См.: Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь... С. 17.
- ²³ Кондрашенков А. А. Крестьяне Зауралья в XVII—XVIII вв. Челябинск, 1966. Ч. 1. С. 3.
- ²⁴ Проекты зданий Оренбурга разрабатывались петербургскими или прошедшими стилистичную выучку архитекторами и фактически не имели общего со стилисти-

кой тогдашнего уральского зодчества. См.: Крашенинникова⁵ Н. Л. Облик русского города XVIII в. на примере Оренбурга // АН. М., 1976. № 24. С. 72—75.

²⁵ До губернской реформы 1775 г. Архангелогородская губерния, занимавшая территорию Центрального и Восточного Поморья, разделялась на четыре провинции: Архангелогородскую, Вологодскую, Великоустюжскую и Галицкую. Параллельно в ней существовало три епархии — Холмогорская, Вологодская и Великоустюжская, границы которых не совпадали с провинциальными. Так, Готыма, находясь в Вологодской провинции, подчинялась устюжским архиереям.

Вятка и Прикамье, первоначально причисленные к Сибирской губернии, в 1727 г. были переданы в Казанскую, и образовали в ней Вятскую и Пермскую провинции. До 1799 г. они продолжали составлять единую епархию с центром в Хлынове. Все Зауралье первоначально входило в Сибирскую губернию. В 1737 г. из части зауральских земель была образована Исетская провинция, вскоре вошедшая в состав Оренбургской губернии, но оставшаяся в ведении тобольских архиереев.

Глава I

¹ Колесников П. А. Северная деревня в XV — первой половине XIX в. Вологда, 1976. С. 310.

² Политов В. В. Яренск. Л., 1979. С. 31.

³ См.: Кафенгауз Б. Б. Очерки внутреннего рынка России первой половины XVIII века. М., 1958. С. 174—200.

⁴ Репин Н. Н. Участие купечества Европейского Севера во внешней торговле через Архангельск в первой четверти XVIII в. // Мат-лы по истории Европейского Севера СССР: Северный археографический сборник. Вологда, 1973. Вып. III. С. 185.

Это не относилось к горнозаводскому Уралу, продукция которого доставлялась водным путем в Петербург.

⁵ Эммаусский А. В. Исторический очерк Вятского края XVII—XVIII веков. Киров, 1956. С. 214.

⁶ Интересно, что Горка просил у Прокоповича «рисунок» дома архиерейской школы в Петербурге на Карповке, который и был ему послан (Буевский А. Эпизоды из жизни основателя Вятской семинарии // Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1900 год. Вятка, 1899. С. 219—220). «Славяно-российская» и «Славяно-латинская» школы были основаны в Устюге епископом Лукой в 1738 г.

⁷ Брюсова В. Г. Русская живопись XVII века. М., 1984. С. 158.

⁸ Мальцев Н. В. О деревянной скульптуре Великого Устюга // Русское искусство XVIII в.: Мат-лы и исследования. М., 1973. С. 144—145; Он же. Скульптурный декор иконостасов Великого Устюга // Памятники культуры: Новые открытия. 1977. Л., 1977. С. 285—287.

⁹ Когда В. Геннин в 1734 г. собирался строить в Екатеринбурге каменную церковь, он обратился в поисках «моляров» в Пыскорский монастырь, Чусовские Городки и к вятскому архиерею. Привезенный из Чусовских Городков «моляр» нижегородец Дмитрий Попов заявил, что «он писать святые иконы умеет на досках а живописно не умеет» и был отпущен (ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 509. Л. 81—83, 89 об., 94 об.).

¹⁰ Исключения составляют несохранившиеся здания каменных богаделен в Устюге, Лальске, Хлынове (находились, как правило, при церквях). Есть упоминание о постройке в Соликамске каменной таможни.

¹¹ В этот период в Устюге возвели Покровскую теплую, начали Христорождественскую и Иоанно-Богословскую церкви, в Хлынове завершили Владимирскую церковь, построили настоятельский корпус Трифонова монастыря. На Урале были сооружены верхний этаж собора Далматова монастыря, Иоанно-Богословская церковь в Чердыни.

¹² Буевский А. Указ. соч. С. 199.

¹³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 48. Л. 76; Д. 268. Л. 61.

¹⁴ *Старицын Н.* Кунгурский Благовещенский собор // ПЕВ. 1869. № 24. С. 307.

¹⁵ СМ.: ТВУАК. 1912. Вып. 1—11. Отд. 11. С. 111—196.

¹⁶ Мироносицк я церковь в Устюге выстроена на средства купца П. Р. Худякова, Александр-Невская и Иоанно-Предтеченская — А. В. Чалбышева (последняя, несмотря на то, что находилась в монастыре, являлась в XVIII в. фамильным храмом Чалбышевых). Заказчик Иоанно-Богословской церкви сибиряк В. С. Балуев тоже, по всей вероятности, был торговым человеком. Совершив закладку здания, он снова отправился в сибирские города собирать недостающие деньги.

¹⁷ Однако и здесь в числе «храмоздателей» мы находим «гостиной сотни» Гаврилу Машковцева (Цареконстантиновская церковь), купцов-заводчиков Ивана Тряпицына (Казанская церковь при Воскресенском соборе) и Григория Вяземского (Владимирская церковь).

¹⁸ «Более половины дней в году купец вынужден был проводить в разъездах по ярмаркам и базарам, по пристаням и с караванами своих судов. Такова была жизнь типичного представителя российского купечества XVIII в.» (*Миронов В. Н.* Внутренний рынок России во второй половине XVIII — первой половине XIX в. Л., 1981. С. 70).

¹⁹ Список членов артели см.: *С. В. Копылова.* Каменное строительство в Сибири: Конец XVII—XVIII в. Новосибирск, 1979. С. 217.

В 1700 г. осталось четырнадцать человек, в 1701 г. — не более одиннадцати. Это было вызвано недовольством оплатой труда, конфликтами с воеводой, а также посылкой на заводы и в сибирские города (Иркутск и др.).

²⁰ *Плотников Г.* Описание Далматовского Успенского монастыря. Екатеринбург, 1906. С. 58.

²¹ *Макарий.* Описание города Верхотурья. Спб., 1854. С. 29—30; *Баранов В. С.* Летопись верхотурского Николаевского монастыря. Нижний Новгород, 1910. С. 24—25.

В списке, составленном *С. В. Копыловой*, Никифор («Микишка») Яковлев ошибочно именуется Никитой. В документе 1707 г. упомянут «Микифор Яковлев, верхотурский каменного дела подмастерье», взявший деньги в счет подряда «за строение заводские каменные церкви», вероятно, на Алапаевском заводе (ЦГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Д. 169. Ч. 2. Л. 444).

²² Горяев появился на Верхотурье не позже 1704 г., когда поставлял известь на строение Троицкого собора (*Шишонко В. Н.* Пермская летопись. Период 5-й. Ч. 3. Пермь, 1889. С. 326). В 1708 г. он давал воеводе Глебову «скаску» о количестве необходимых для достройки кремля материалов (ЦГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 1286. Л. 26).

²³ *Берх В. Н.* Путешествие в города Чердынь и Соликамск, Спб., 1821. С. 99.

²⁴ *Терехин А. С., Канторович Г. Д.* Древнерусские строители Урала // Проектирование, строительство и эксплуатация зданий и сооружений. Пермь, 1971. С. 6—7.

²⁵ *Попов А., Чижов А.* Церковь св. великомученицы Варвары в г. Устюге // ВолЕВ. 1892. № 9. С. 94.

²⁶ *Понамарев И.* Сборник материалов для истории города Лальска Вологодской губернии. Великий Устюг, 1897. Т. 1. С. 115.

²⁷ ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 1550. Л. 3—3 об.

²⁸ Там же. Л. 6—9. Высшую оплату имели в этой артели Андрей Яковлев, Иван Григорьев и Петр Васильев, хотя в другом документе «мастерами ж», с которыми Михайло приехал в Устюг, названы только первые два (Там же. Л. 10).

²⁹ Там же. Л. 12—12 об., 14.

³⁰ Там же. Л. 15—16.

³¹ ВФ ГАВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1, 2 (переписные книги города 1710 и 1717 гг.).

В первой переписной книге города среди «мастеровых людей», взятых «в переденье», вероятно, в Санкт-Петербург, упомянут один каменщик (Л. 288).

³² Вятка: Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1887. С. 43, 47, 50, 63.

³³ *Верещагин А. С.* Подрядная запись старосты Машковцева с мастерами

// ВятГВ. 1884. № 90. С. 5; *Никитников Г.* Историко-статистическое описание Воскресенского собора в г. Вятке. Вятка, 1869. Приложение. С. 55.

³⁴ Ранними работами иконово́й артели с меньшей долей вероятности могут быть названы Троицкая церковь в с. Кстинино (дата неизвестна) и Введенская церковь Богооявленского монастыря в Слободском (начата в 1693 г.). Не исключено участие Никонова «с товарищи» в сооружении хлыновского Спасского собора (1693; выстроен заново в конце XVIII в.).

³⁵ В объяснении причины этого мы следуем за А. Г. Тинским (*Тинский А. Г.* Планировка и застройка города Вятки в XVII—XIX веках. Киров, 1976. С. 196). Никонов и Москвитинов записаны и в ландратской книге города 1717 г., сохранившейся не полностью.

³⁶ Их имена см.: Вятка. Материалы... С. 59, 82, 85, 87, 89, 91; *Каптиков А. Ю.* Народные мастера-каменщики в русской архитектуре XVIII века (на примере Вятки и Урала). М., 1988. С. 9.

³⁷ См.: Вятка. Материалы... С. 140—141; *Каптиков А. Ю.* Народные мастера-каменщики... С. 9.

³⁸ Публикацию их «порядной записи» см.: *Каптиков А. Ю.* Народные мастера-каменщики... С. 56—57.

³⁹ См. об этом: *Копылова С. В.* Каменное строительство в Сибири... С. 135—138; *Каптиков А. Ю.* Народные мастера-каменщики... С. 8, 11, 50.

⁴⁰ П. А. Тельтевский (*Тельтевский П. А.* Троицкий собор в Верхотурье // АН. 1960. № 12. С. 178), а также А. С. Терехин и Г. Д. Канторович (*Терехин А. С., Канторович Г. Д.* Древнерусские строители Урала. С. 8), основываясь на буквальном истолковании слов «усольским каменщиком» в «записи» Калитина, связывают этих мастеров с Усольем, что, безусловно, ошибочно. В документах XVII—XVIII вв. прилагательное «усольский» заменяло «соликамский». Кроме того, существуют прямые указания на то, что в Верхотурье работали соликамцы (см. ниже).

⁴¹ *Копылова С. В.* Каменное строительство в Сибири... С. 220, 226, 240.

О Суботине так и говорится, что он был взят «для церковного каменного строения», а Марково — «к лал соборную церковь» (но не Спасскую, как уточняет исследовательница, — в Верхотурье соборной всегда была Троицкая церковь).

⁴² ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 236. Л. 159.

⁴³ *Шишонко В. Н.* Пермская летопись. Период 5-й. Ч. 3. С. 374—375; *Плотников Г.* Описание... С. 57—58.

Емельян Гульков и в дальнейшем находился в Далматове, руководя в 1720-е годы возведением монастырских стен и башен.

⁴⁴ Извлечение из летописи о церквях села Нового Усоля // ПЕВ. 1869. № 50. С. 575.

⁴⁵ См. о них: *Каптиков А. Ю.* Народные мастера-каменщики... С. 12—13.

⁴⁶ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 255. Л. 60.

⁴⁷ *Терехин А. С., Канторович Г. Д.* Древнерусские строители Урала. С. 9.

Положение московских каменщиков в Верхотурье красноречиво охарактеризовано в их челобитной царю (1699): «...и ныне мы холопи твои живем на Верхотурье ... но работы нам ... не дано и кормового хлеба ... не дано ж и пити и ясти нам ... нечего помираем голодную смертью». В другой челобитной того же года есть еще более выразительная фраза: «...чтоб нам холопам твоим у того твоего Великого государя каменного строения голодную смертью не померети» (ЦГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Д. 9. Л. 151, 190).

⁴⁸ *Булкин В. П., Овсянников О. В.* Каменных дел подмастерье Петр Некрасов // Памятники культуры: Новые открытия. 1980. Л., 1981. С. 557. Из подрядной записи на постройку Дмитриевской церкви на Курострове близ Холмогор (1726).

⁴⁹ *Никитников Г.* Историко-статистическое описание... Приложение. С. 40—41, 55—56.

⁵⁰ *Верещагин А. С.* Подрядная запись старосты... С. 5.

⁵¹ Там же; *Никитников Г.* Историко-статистическое описание... Приложение. С. 55.

⁵² *Попов А., Чижов А.* Церковь св. великомученицы Варвары... С. 94.

- ⁵³ Макарий. Описание города Верхотурье. С. 30.
- ⁵⁴ ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 1550. Л. 3 об.
- ⁵⁵ Там же. Л. 15.
- ⁵⁶ Памятники сибирской истории XVIII века. Спб., 1882. Кн. 1. С. 65.
- ⁵⁷ ЦГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Д. 189. Ч. 2. Л. 273.
- ⁵⁸ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 244. Л. 72.
- ⁵⁹ Там же. Оп. 1. Д. 509. Л. 3.
- ⁶⁰ Правда, уже в 1732 г. им пришлось в реконструированном здании «под стену, которая над алтарем где явилась щель ... закласть стеною глухую да против того к стене с вонную сторону сделать бык» (ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 1550. Л. 15 об.). В 1757 г. епископ Варлаам запрашивал Синод о разрешении на разборку соборной церкви «за опасным ея верхом». Этого добивался в 1763 г. и премирник Варлаама — Феодосий, донося, что Успенский собор «ныне в вящей опасности состоит, понеже верх ... совершен тяжелым весьма осмериком ... от каковой одного осмерика неумеренной тягости в церкви и олтари во многих местах значат расселины» (ВФ ГАВО. Ф. 363. Оп. 1. Д. 668). Но все же памятник выдержал испытание временем.
- ⁶¹ ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 1550. Л. 14.
- ⁶² См.: *Тельтевский П. А.* Проблемы барокко в русской архитектуре: Автореф. дис. ... д-ра искусствоведения. М., 1965. С. 12, 33.
- ⁶³ На условность этих терминов указывалось неоднократно. Отрицалась и сама барочная сущность русской архитектуры конца XVII в. (*Н. И. Брунов, Б. Р. Виппер*). Ныне исследователи также подчеркивают ее антибарочные тенденции, предпочитая говорить о «ренессансных чертах в их самобытном национальном выражении» (*Гуляницкий Н. Ф.* Традиции классицизма и черты Ренессанса в архитектуре Москвы XV—XVII вв. // АН. М., 1978. № 26. С. 28). Однако для нас несомненна общая барочная направленность русского зодчества того времени, а следовательно, и правомерность традиционного термина «московское барокко» для обозначения «допетербургской» стадии развития барокко в России.
- ⁶⁴ *Плужников В. И.* Распространение западного декора в петровском зодчестве // *Древнерусское искусство: Зарубежные связи.* М., 1975. С. 368.
- ⁶⁵ *Тельтевский П. А.* Проблемы барокко в русской архитектуре. С. 24.
- ⁶⁶ *Плужников В. И.* Соотношение объемных форм в русском культовом зодчестве начала XVIII века // *Русское искусство первой четверти XVIII века: Мат-лы и исследования.* М., 1974. С. 84.
- ⁶⁷ *Выголов В. П., Бочаров Г. Н.* Сольвычегодск. Великий Устюг. Тотма. М., 1983. С. 78.
- ⁶⁸ *Плужников В. И.* Распространение западного декора... С. 363.
- ⁶⁹ Храмовданная грамота предписывает: «...и в предел двери учинить из паперти, а не из церкви» (*Пономарев И.* Сборник материалов... С. 92).
- ⁷⁰ Граненые барабаны В. П. Шильниковская (*Шильниковская В. П.* Великий Устюг. М., 1973. С. 145) считает следствием влияния деревянного зодчества. Нам такая их форма представляется барочной.
- ⁷¹ При церкви была сооружена каменная богадельня (*Попов А.* Церковь св. благоверного князя Александра Невского в г. Устюге // *ВолЕВ.* 1885. № 22. С. 441).
- ⁷² *Шильниковская В. П.* Великий Устюг. С. 167.
- ⁷³ *Выголов В. П., Бочаров Г. Н.* Сольвычегодск. Великий Устюг. Тотма. С. 235.
- А. Попов пишет: «Храм этот ныне (курсив наш — А. К.) об одной главе» (*Попов А.* Георгиевская церковь в г. Устюге // *ВолЕВ.* 1878. № 13. С. 256). В поданном в 1781 г. прошении причта и прихожан об освящении храма, который, как они раздрались, «в совершенство пришел», характер ремонтно-восстановительных работ не назван (ВФ ГАВО. Ф. 363. Оп. 1. Д. 4666. Л. 2).
- ⁷⁴ *Попов А.* Описание Великоустюжского Иоанно-Предтеченского девичья монастыря // *ВолЕВ.* 1877. № 9. С. 150.

⁷⁵ Поливные изразцы с изображениями сказочных птиц, цветов в вазах и т. п. в большом количестве вывозились из Устюга. Они украшают в Лальске не только Воскресенский собор, но и Богоявленскую церковь. Аналогична устюжской и фасадная керамика церкви в с. Туглим, в том числе обрамление центрального алтарного окна (рис. 3—3). Однако в Лальске и Туглиме использован непрерывный (без ширинок) изразцовый фриз, чего нет ни на одном из памятников Устюга.

⁷⁶ Портал, расположенный на северном фасаде четверика над уровнем подклета, указывал на существование балкона или какой-то пристройки (возможно, галереи).

⁷⁷ Шильниковская В. П. Великий Устюг. С. 176—177.

⁷⁸ С другой стороны, это могла быть неумелая поздняя имитация, выполненная при расширении церкви, предпринятом в 1845 г.

⁷⁹ Згура В. В. Проблема возникновения барокко в России // Барокко в России. М., 1926. С. 29.

⁸⁰ ГАКО. Ф. 237. Оп. 2. Д. 51. Л. 721.

⁸¹ Селivanовский К. История вятского Успенского Трифонова монастыря. Вятка, 1912. С. 111.

⁸² ГАКО. Ф. 237. Оп. 2. Д. 37. Л. 685. Церковь была разобрана в конце XVIII в.

⁸³ ИАК. Спб., 1912. Вып. 44. С. 100.

В 1780—1785 гг. обновлялся. Штукатурные работы по заказу секретаря Вятской верхней расправы Ивана Титова выполняли каменщики Яков Черемных. Родион Золотухин, Перфило Метелев и Анкидин Малышев (ГАКО. Ф. 237. Оп. 2. Д. 58. Л. 981—981 об.). При этом прежнее убранство фасадов было уничтожено.

⁸⁴ В 1775 г. причт просил церковь «до сводов разобрать и свод выбрать, и по выборке вновь также стены и осмерик наподобие сооруженной здешней градской Знамения (она же Цареконстантиновская. — А. К.) ... церкви скласть» (ГАКО. Ф. 237. Оп. 82. Д. 563. Л. 1—2).

⁸⁵ «Нынешний храм более поздний» (ИАК. Вып. 44. С. 98). Имеется известие о постройке в 1728 г. восьмерика на холодной Николаевской церкви в с. Усть-Чепце, тоже не сохранившейся (ТВУАК. 1916. Вып. I—II. Отд. I. С. 22).

⁸⁶ Шатровое завершение этой колокольни при всей своей индивидуальности было, возможно, позднейшим.

⁸⁷ Имевшиеся в верхней части четверика Сретенской церкви «каннелированные» пилястры и плоские наличники, характерные для вятского зодчества середины XVIII в., появились после пожара 1742 г., когда сильно пострадавшее здание восстанавливалось (с 1755 г.) на средства откупщика И. Дряхлова (Замятин А. Радостные и печальные дни города Слободского // ТВУАК. 1907. Вып. I. Отд. II. С. 23—24). В 1758 г. с севера пристроили придел, несколько раз видоизменявшийся и в конце концов «сросшийся» с храмовым объемом; число фасадных делений четверика увеличилось на западной и восточной сторонах до шести (рис. 6—2). В интерьере имела портал с витыми колоннами.

⁸⁸ ЦГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Д. 189. Ч. 2. Л. 400. Впервые опубликован: Кап-тиков А. Ю. Региональное многообразие архитектуры русского барокко. М., 1986. С. 105.

⁸⁹ ЦГАДА. Ф. 214. Кн. 853. Л. 47.

⁹⁰ В типологической таблице В. И. Плужникова (Плужников В. И: Соотношение объемных форм... С. 88, 94) Крестовоздвиженский собор ошибочно отнесен к пятиглавым.

⁹¹ Шишонко В. Н. Пермская летопись. Период 5-й. Ч. 3. С. 32.

Этот восьмерик мог исчезнуть в 1857—1859 гг., когда был «значительно переустроен главный алтарь через разборку стен и свода» (Баранов В. С. Свято-Троицкий собор в Верхотурье. Нижний Новгород, 1909. С. 10).

⁹² Существующее мнение, будто основание колокольни предназначалось для светских учреждений и вся постройка была задумана чем-то вроде Сухаревой башни (см.: Памятники истории и культуры Пермской области. Пермь, 1976. С. 94—95), неверно. В действительности «покои» под колокольней, построенной «церковным коштом», предназначались для того, чтобы «от купцов и других партикулярных

людей за кладку товаров и протчаго получаться мог доход к церкви», но почти с самого начала «заняты Соликамской воеводской канцелярией, которая по згорении в пожарные случаи ее покоев сама собою яко на время вошла в 725-м году и расположилась в верхнем апартamente в четырех каморах присутствием, казною денежною и приказными делами, в среднем колодниками и в нижних нескольких ... архивами». Добиваясь освобождения помещений, соборный причт и Вятская духовная консистория многократно обращались к губернским властям Казани, однако долготелая переписка ни к чему не привела. С упразднением воеводской канцелярии в 1782 г. ее сменили под колокольней уездный суд и городническое правление, обязавшиеся вносить в соборную казну определенную плату (ГАКО. Ф. 237. Оп. 2. Д. 47. Л. 589—594 об.; Д. 49. Л. 868—869). Шпиль на колокольне установлен в 1848 г.

⁹³ См.: *Тельтевский П. А.* Троицкий собор в Верхотурье. С. 175.

⁹⁴ Еще в 1700 г. в Верхотурье и Тюмень были присланы «черепишные ... станки да ... глины, из которой на Москве делают печные образцы и черепицу» (ЦГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Д. 189. Ч. 2. Л. 264). «Запись» о строительстве упоминает выдачу жалованья «мурамшикам от муравления к той соборной церкви всяких образцов и подписей» (*Шишонко В. Н.* Пермская летопись. Период 5-й. Ч. 3. С. 328).

⁹⁵ Текст ее см.: *Макарий.* Описание города Верхотурья. С. 19. Подобную изразцовую надпись имел и кунгурский Благовещенский собор (*Старицын Н.* Кунгурский Благовещенский собор. С. 312).

⁹⁶ Представляется возможным условно датировать верхний этаж храма 30-ми гг. XVIII в. Во всяком случае, вряд ли он не существовал до 1772 г., когда Красное Село приобрел у Демидовых А. Ф. Турчанинов.

⁹⁷ Вызывает недоумение утверждение А. С. Терехина и Г. Д. Канторовича (*Терехин А. С., Канторович Г. Д.* Архитектурный ансамбль Верхнекамского Усолья // Уральский археографический ежегодник за 1972 год. Пермь, 1974. С. 34), что для Спасо-Преображенского собора характерен архаизм декоративных форм, использовавшихся в зодчестве Москвы середины XVII в. С этим периодом убранство памятника не имеет ничего общего. О каком-либо архаизме можно говорить лишь в сравнении с Петербургом и московскими храмами круга И. П. Зарудного.

Глава 2

¹ См.: *Миронов Б. Н.* Внутренний рынок России во второй половине XVIII—первой половине XIX в. Л., 1981. С. 74.

² *Кашиинцев Д.* История металлургии Урала. М., 1938. Т. 1. С. 216.

³ Особенно важным событием была секуляризация для вятского крестьянства, примерно четверть которого проживала в монастырских (хлыновский Трифонов монастырь владел в 1764 г. более чем 25 тыс. крестьян) и архиерейских вотчинах.

⁴ *Клокман Ю. Р.* Социально-экономическая история русского города: Вторая половина XVIII в. М., 1967. С. 196—199, 309.

⁵ Столетие Вятской губернии. Вятка. 1880. Т. 1. С. 13.

⁶ *Пономарев И.* Сборник материалов для истории города Лальска Вологодской губернии. Великий Устюг. 1897. Т. 1. С. 255.

⁷ Цит. по: *Замятин Г. А.* Ксенофонт Алексеевич Анфилатов: Его жизнь и деятельность. Спб., 1910. С. 10.

⁸ Там же. С. 16.

⁹ В 1762 г. в Лальске было выдано паспортов на отлучки на разные сроки «для купчества и торгового промысла» в сибирские города — 35, тогда как в Москву — 10, а в Петербург — только 1 (*Пономарев И.* Сборник материалов... С. 179).

¹⁰ *Колесников П. А.* Северная Русь (XVIII столетие). Вологда, 1973. С. 154—155.

¹¹ Материалы для истории Вятской епархии // ВятЕВ. 1865. № 17. С. 522.

Учителем рисования был назначен сын консисторского регистратора Федор Черепанов, обучавшийся в Москве (ГАКО. Ф. 237. Оп. 2. Д. 60. Л. 946).

¹² Брюсова В. Г. Русская живопись XVII века. М., 1984. С. 149—150.

¹³ В 1777 г. братья Иван и Борис Березины выполняли роспись лальского Воскресенского собора (*Пономарев И.* Сборник материалов... С. 203).

¹⁴ ВФ ГАВО. Ф. 363. Оп. 1. Д. 891; *Полов А.* Воскресенская Обыденная церковь в г. Устюге // *ВолЕВ.* 1889. № 20. С. 353; Иоанно-Богословская церковь // Там же. 1895. № 7—8. С. 113—114.

Иконостас Иоанно-Богословской церкви (1794) считался лучшим в городе.

¹⁵ Нельзя не привести выдержки из контракта Протопопова и Попова, представляющего большой интерес для изучения системы живописных изображений в местных барочных храмах, литературных источников, иконографии и техники росписей: «...в холодной церкви Покрова Пресвятыя Богородицы росписать клеймами, всех клеєм в олтаре, в церкви и в паперти семьдесят, ис которых клеєм во святом олтаре писать шестнадцать а в них писать семь тайн церковных а в прочних из Ветхаго Завета при том Сошествие Святого Духа, Тайную Вечерю, а в округе клейма писать разноцветными красками, то есть из рапинту, из яри веницейски, из баку, из лазори, из киновари все писать означенные семьдесят клеєм раковинами и с травами с ломанидами (?) просекные, в церкви сорок клеєм, а в них во сводах писать Страсти Господни да из Евангелия в восмериках по приличеству мест, в самом куполе вверху писать Господа Саваофа, а ниже сводов писать из книг Руна Орошенного да Звездой Пресветлой чудеса Пресвятой Богородицы, да на западной стене в зделанном клеїме написать избранной воеводе победителная, то есть когда Царица Небесная воеводством своим избавила Царьград от нашествия супостатов, морем корабли сокручила и сухим путем воинство супротивных побила и прогнала, да в паперти писать четырнацать клеєм а в них написать ис Пролога и ис Патерика что будет к тому приличествовать по их священническому разсудку, во святом олтаре и в церкви кроме паперти писать на откосах в окошках святителей преподобных, мучеников и мучениц всех числом тридцать, обводя их дорожниками и на краях тех дорожников и на срединах и на верхах писать в олтаре, в церкви и в паперти в каждом окошке и во дверях попеременно в кружалах Святого духа да херувима...» (ВФ ГАВО. Ф. 361. Оп. 3. Д. 1721. Л. 2).

¹⁶ В 1777 г. они работали в лальском Воскресенском соборе (*Пономарев И.* Сборник материалов... С. 203), в 1781 г. были вызваны по заключенному ранее подряду в Екатеринбург для штукатурных работ на Богоявленской церкви (ВФ ГАВО. Ф. 361. Оп. 3. Д. 262).

¹⁷ *Шабалин В. Н.* Иконописцы и иконопродавцы по Вятской и Пермской провинциям во второй половине XVIII столетия // ТБУАК. 1910. Вып. II—III. Отд. III. С. 78, 83; ГАКО. Ф. 237. Оп. 1. Д. 10. Л. 8; Оп. 2. Д. 23. Л. 536.

¹⁸ Там же; Ф. 237. Оп. 2. Д. 52. Л. 871; Д. 56. Л. 1245; Д. 60. Л. 463; Ф. 408. Оп. 1. Д. 3. Л. 6—6 об.; *Шабалин В. И.* Иконописцы и иконопродавцы... С. 85.

¹⁹ *Шабалин В. И.* Иконописцы и иконопродавцы... С. 84—85; ГАКО. Ф. 237. Оп. 2. Д. 31. Л. 1030.

²⁰ ГАКО. Ф. 237. Оп. 1. Д. 4. Л. 80 об.

Александр Рязанцев обучался у Евсевия Кузнецова, на которого, однако, еще в бытность учеником жаловался, что тот «в письме иконного художества искусство ... не имеет, о чем де явно засвидетельствует имеющаяся ево Кузнецова в селе Великорещком в большой каменной церкви» работа (Там же. Д. 1. Л. 465). В 1755 г. Рязанцев заключил контракт в с. Кырмышском, дающий хорошее представление о композиции иконостасов тогдашних вятских храмов: «...иконостас по надлежащим местам вызолотить ... а потом на царские двери Евангелистов, а наверху оныя сень нарицаемую Тайная Вечеря восемь тумб, на коих по приличеству святых образов выбрав из Библия написать образы ж, на северной и южной дверях Архидиакона Стефана да Лаврентия, вокруг же храмового образа Николая Чудотворца в четырех местах чудеса, над местными же образами во втором поясе во семь дванадесятых праздников, а в середине образ Святыя Троицы, в третьем Апостолов, в середине Царя царем, в четвертом пророков, в середине Богоматере сидящая на престоле, в пятом праотцов, в середине Отечество, в шестом двенадесять об-

разов страдания Христова, а наверху того образ Господа Саваофа...» (Там же. Оп. 76. Д. 1294. Л. 80).

²¹ В 1765 г. Пяткин подрядился сделать иконостасы в приделах строящегося Кафедрального собора, а в 1768 г. — надпрестольную сень в алтаре Воскресенского собора «на четырех столпах со шпрендели и цыркули резными ж» (Там же. Д. 235. Л. 151; *Никитников Г.* Историко-статистическое описание Воскресенского собора в г. Вятке. Вятка, 1869. Приложение. С. 25). Пяткин, как и Исаев, владел также профессиональной штукатура. В 1765 г. они вместе заключили договор на лепную и штукатурную отделку приделов Кафедрального собора (ГАКО. Ф. 237. Оп. 76. Д. 235. Л. 48—49).

²² ГАКО. Ф. 237. Оп. 1. Д. 12. Л. 137—137 об.

Значительно позже, в 1783 г., упоминается о подряде Пяткина «вырезать клейма» в котельническом Троицком соборе, не выполнявшемся ввиду занятости мастера в с. Березинском (Там же. Оп. 2. Д. 50. Л. 1563).

²³ Там же. Оп. 2. Д. 24. Л. 595—595 об.

²⁴ Там же. Оп. 1. Д. 10. Л. 78 об.—79. Подряд получил Евсевий Кузнецов.

²⁵ Там же. Л. 326 об.—327.

²⁶ *Шабалин В. И.* Иконописцы и иконопродавцы... С. 88—89; ГАКО. Ф. 237. Оп. 2. Д. 38. Л. 345, 406.

²⁷ Как считает А. Г. Тинский (*Тинский А. Г.* Планировка и застройка города Вятки в XVII—XIX веках. Киров, 1976. С. 44—45), число каменных гражданских построек Хлынова было большим.

²⁸ *Лепехин И. И.* Записки // Полное собрание ученых путешествий по России. Спб., 1822. Т. IV. С. 252.

²⁹ *Фальк И.* Записки // Полное собрание ученых путешествий по России. Спб., 1824. Т. VI. С. 323.

³⁰ См.: *Алферов Н. С.* Зодчие старого Урала. Свердловск, 1960. С. 18.

Число их было к 1770-м годам довольно велико лишь на Екатеринбургском, Нижнетагильском и Кыштымском заводах.

³¹ См.: *Словцов И.* Пысковский старовигиальный Преображенский монастырь. Спб., 1869. С. 17—20, а также приложенный к книге план.

Вновь построенные (на р. Лысьве) монастырские здания своей ансамблевой организацией и масштабом были беспрецедентными для уральской архитектуры XVIII в. и, будучи выдержаны в упрощенных столичных формах, не отражали каких-либо региональных особенностей. Они просуществовали весьма недолго, ибо в 1793 г. монастырь был переведен в г. Пермь.

³² *Попов А.* Дмитриевская церковь в г. Устюге // ВолЕВ. 1875. № 7. С. 122.

³³ Симеоновская церковь в Устюге была завершена местным купцом-заводчиком Иваном Курочкиным. Лальская, а затем устюжская купеческая фамилия Захаровых финансировала постройку храмов в с. Слобода, Усть-Недумской пустыни, а также Покровской холодной церкви и колокольни Сретенской церкви в Устюге, яренские купцы Осколковы — церковей в селах Вожем и Лена. Сооружение великоленного храма Покровского погоста на р. Лузе шло на средства лальских торговых людей Семена и Максима Пестовских, церкви в с. Ильинском — устюжанина Ивана Бестужева. Строительство церкви в Ярхенге организовал «устюжской купец а деревенской ... в Иахренгском Богоявленском приходе владелец» Митрофан Мурогин (ВФ ГАВО. Ф. 363. Оп. 1. Д. 2836).

³⁴ Солепромышленник Максим Суровцов выстроил в родном Соликамске Мироносицкую церковь. Храм в с. Городище близ Соликамска возводился «при помощи» другого местного промышленника — М. Ростовщикова. У церковей в селах Усть-Боровое, Верх-Усолка, Половодово был один и тот же заказчик — соликамский купец Герасим Онуфриев, у кунгурских Успенской и Преображенской — купец и президент местного магистрата И. М. Хлебников.

³⁵ Среди последних должен быть особо отмечен верхотурец М. М. Походяшин, церковные постройки которого на Богословском и Петропавловском заводах, а также в Покровском монастыре Верхотурья образуют яркую художественную группу. «Народная память поныне присваивает им наименование «походяшин-

ских», — свидетельствовал в начале XX в. один из краеведов (*Кривошецов И. Я.* Словарь Верхотурского уезда Пермской губернии. Пермь, 1910. С. 225).

³⁶ Кроме президента Вятского провинциального магистрата Ивана Толмачева, предпринявшего сооружение церкви в с. Чудиново, можно назвать только несколько слободских купцов. Сидор Попов «обнадежил» жителей с. Сезенево «в найме работников и в приуготовлении потребных надобностей» для кладки каменного храма (ГАКО. Ф. 237. Оп. 82. Д. 18. Л. 1). Иван Платунов выстроил в своем городе Троицкую церковь, Алексей и Лука Анфилатовы — Благовещенскую церковь в Шестакове, но чаще всего упоминается в связи с храмосодательством Леонтий Песьяков (церкви в селах Лекма, Холуницко-Ильинское и др.).

³⁷ К примеру, тот же Песьяков, происходивший из Кунгура, затеял в этом городе строительство Мининской церкви. На сооружение храма в с. Шарденском-Николаевском Устюжского уезда инициаторы его — крестьяне Иван и Кирилл Пестовские — получили 750 рублей из Сибири от промышленавших там брата и зятя (ВФ ГАВО. Ф. 363. Оп. 1. Д. 1892. Л. 1).

³⁸ ГАКО. Ф. 237. Оп. 2. Д. 33. Л. 1485.

С 1778 г. и по крайней мере до 1786 г. Санников в качестве выборного ведал также сооружением колокольни в с. Быстрица (Там же. Д. 35. Л. 665; Д. 59. Л. 579).

³⁹ В отдельных случаях избирался еще «строитель», которому давались более широкие полномочия и целый штат помощников. Крестьяне с. Чепецко-Ильинского в 1780 г., приговорив быть «строителем» хлыновскому купцу Егору Шмелеву, предоставили в его распоряжение «выборных двух, сотских двух же, десятских шесть человек, также... для посылки ... человека, а для письменных дел одного ж писца». Приговор содержит любопытную деталь: «...а для делания кирпича земли, в чьих бы дачах не была, и в селе под строение, где ты строитель с майстером отыщешь удобные к тому места, в том мы препятствовать ничем не будем» (Там же. Оп. 83. Д. 112. Л. 2—3). В 1776 г. жители с. Малая Суна, сочтя, что «у строения ... церкви смотрения настоящего не имеется», назначили в «строители» своего священника Поликарпа Томилова (Там же. Оп. 1. Д. 18. Л. 131 об.).

⁴⁰ Там же. Ф. 240. Оп. 1. Д. 305. Л. 30—30 об.

⁴¹ Там же. Ф. 237. Оп. 2. Д. 52. Л. 1366.

⁴² Там же. Оп. 1. Д. 13. Л. 268—268 об.

⁴³ Об этом см.: *Каптиков А. Ю.* Народные мастера-каменщики в русской архитектуре XVIII века (на примере Вятки и Урала). М., 1988. С. 23.

Крупные конфликты возникали в ходе строительства также между священнослужителями и церковными старостами. В с. Макарье близ Хлынова в 1770 г. их отношения обострились до того, что однажды, когда «случился быть для просмотра того строения ... староста церковной отставной вахмистр Василий Трушков ... прибежал церковничей сын Василий Левашов со обнаженным ножом и ... кинувшись на показанного вахмистра Трушкова хотел зарезать», что «ему учинить не дали» каменщики Петр Тупасов и Василий Швецов (ГАКО. Ф. 237. Оп. 2. Д. 24. Л. 351 об.).

⁴⁴ См.: *Каптиков А. Ю.* Народные мастера-каменщики... С. 24, 52.

Пожертвования принимались не только деньгами. При «свидетельствовании» книги на постройку колокольни в с. Всесвятском (1788) в ней значилось, кроме суммы в «шесть сот пятьдесят четыре рубли шестнадцать копеек», «три чети ... хлеба ржи, овса и ячмени сто пятьдесят осмин, холста триста сорок пять аршин с половиною» (ГАКО. Ф. 237. Оп. 91. Д. 81. Л. 3).

⁴⁵ Вот несколько примеров. Прихожане с. Макарье близ Хлынова в 1770 г. заняли 400 руб. в с. Волково, прихожане с. Рамење в 1779 г. — 300 руб. в с. Нижне-Ивкино. На сооружение храма с. Екатерина в 1779 г. добивались займа в селах Курино и Круглыж, где «церковная казна имеется, а строение не производится» (ГАКО. Ф. 237. Оп. 1. Д. 15. Л. 136 об.; Оп. 2. Д. 24. Л. 332—332 об.; Д. 38. Л. 619—619 об.). Жители с. Лема в 1784 г. взяли «взаимообразно» 200 руб. в с. Мухино, но этого не хватило, и в том же году пришлось одалживать еще 200 руб.,

на сей раз в с. Мудровском. Тем не менее и после второго займа причт «за неимением в церковной казне денег» просил «дозволить нам в окольные села и жительства ходить с образом», на что епископ не согласился (Там же. Оп. 83. Д. 56. Л. 14—15, 20—21, 24—24 об.).

Бывали, естественно, и случаи отказов. Безрезультатной, в частности, оказалась попытка прихожан с. Юрьево «для достройки нынешним (1771 г. — А. К.) летом застроенной... каменной церкви» получить заем в с. Екатерина (Там же. Оп. 1. Д. 14. Л. 324 об.—325, 332—332 об.). Известны и попытки одалживать строительные материалы. Так, в 1776 г. прихожане с. Холуницко-Ильинского намеревались взять 10 тыс. кирпичей из заготовленных в с. Пантыл. Но местные жители, которые перед этим на дело кирпича «на каждую душу по принадлежасшему числу денег развели и собрали», заявили, что в случае отдачи «оная Ильинская церковь достроится, а пантыльская Дмитриевская — без окончания будет ... и более по разводам к деланию кирпича им, приходским людям, денег давать не в состоянии», и добились «избавления от выдачи» (Там же. Д. 18. Л. 453).

⁴⁶ См.: *Каптиков А. Ю.* Народные мастера-каменщики... С. 24.

⁴⁷ ГАКО. Ф. 237. Оп. 1. Д. 13. Л. 38; Д. 14. Л. 65 об.—66.

⁴⁸ Там же. Оп. 1. Д. 15. Л. 316 об.; Оп. 2. Д. 30. Л. 904.

⁴⁹ Там же. Оп. 1. Д. 15. Л. 229.

В 1780 г. тот же священник Иоанн Марьин жаловался, что «о строении верхнего апартамента приходские крестьяне никакого рачения не имеют и выборных к тому строению никого не определяют» (Там же. Оп. 2. Д. 41. Л. 946).

⁵⁰ Там же. Оп. 2. Д. 30. Л. 903.

⁵¹ Там же. Оп. 1. Д. 11. Л. 137 об.

⁵² Там же. Оп. 2. Д. 24. Л. 211—211 об.

⁵³ Единственное известное нам исключение — каменщики Иван Леонтьев из Костромского уезда и Иван Лобанов из Соли Галицкой, построившие Благовещенскую церковь в Усть-Выми (*Гагарин Ю. В.* Усть-Вымь. Сыктывкар, 1980. С. 14).

⁵⁴ Правда, на одном из этапов строительства (в 1763 г.) Варфоломей, бывший ранее настоятелем Спасского монастыря в Ярославле, поручил архитектору И. Г. Кутузову «будучи в Москве приложить старание отыскать ... каменщиков ярославцов или других городов только мастеров дватцать человек» (ГАКО. Ф. 237. Оп. 76. Д. 193. Л. 159), но это не было исполнено.

⁵⁵ ВФ ГАВО. Ф. 363. Оп. 1. Д. 509.

⁵⁶ Там же. Д. 561.

⁵⁷ Там же. Ф. 361. Оп. 1. Д. 1798. Л. 1, 8, 9 об.

⁵⁸ Их списки см.: *Каптиков А. Ю.* Строительные кадры Устюга Великого второй половины XVIII века // Вопросы исследования памятников архитектуры. М., 1990. С. 181—185.

⁵⁹ Имея кожевенный завод и «разный торг», нажив на подрядах определенный капитал, Квасов вступил в купечество. Кроме него из строителей купцами числились только Иван Григорьевич Петров и Василий Семенович Юхляевской.

⁶⁰ Сокращенный текст договора В. Квасова, содержащий имена членов его артели, см.: *Каптиков А. Ю.* Региональное многообразие архитектуры русского барокко. М., 1986. С. 68—69.

⁶¹ ВФ ГАВО. Ф. 363. Оп. 1. Д. 1419. Л. 1.

Попутно отметим, что и несколько более ранняя Стефановская церковь в Усть-Выми — произведение мастеров из крестьян, местных жителей Василия Белорукова, Григория и Василия Тренькиных (*Гагарин Ю. В.* Усть-Вымь. С. 14).

⁶² Текст договора см.: *Каптиков А. Ю.* Строительные кадры Устюга Великого... С. 185—186.

В 1795 г. И. Г. Петров с сыновьями Прокопием и Степаном подрядился строить Николаевскую церковь в погосте Ягрыж «по данному плану и фасаду архитектуры помощника Аленева» (ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 4903).

⁶³ ВФ ГАВО. Ф. 363. Оп. 1. Д. 5910.

⁶⁴ Каменщики-устюжане попадали даже на юг России. В одном документе, от-

носящемся к 1783 г., упомянуты находившиеся в Херсоне «в городской работе ... по заключенным договорам» Осип Каменнухин, Андрей Чирков и умерший в том же городе Александр Шебанов (ВФ ГАВО. Ф. 361. Оп. 3. Д. 879. Л. 1—2).

⁶⁵ ГАКО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 398; *Смородинцев Н.* Материалы для истории некоторых церквей и приходов Екатеринбургского уезда // ЕЕВ. 1893. № 47. С. 1180; Материалы для истории церквей г. Екатеринбурга // Там же. 1901. № 4. С. 131—132. Публикацию контракта Вешнякова с Сысертской заводской конторой см.: *Калтиков А. Ю.* Народные мастера-каменщики... С. 77—78.

⁶⁶ ГАКО. Ф. 408. Оп. 1. Д. 3. Л. 4.

⁶⁷ В 1742 г. перекладку поврежденного барабана старого хлыновского Кафедрального собора продалаши хлыновские мастера Анника Калинин, Зиновий Толстоухов «с товарищи» (*Тинский А. Г.* Памятники культурного зодчества Кировской области // Ленинское отношение к памятникам истории и культуры. Киров, 1970. С. 79).

⁶⁸ Полный список см.: *Калтиков А. Ю.* Народные мастера-каменщики... С. 57—65.

⁶⁹ ГАКО. Ф. 237. Оп. 1. Д. 2. Л. 88—88 об.; *Калтиков А. Ю.* Народные мастера-каменщики... С. 50.

⁷⁰ См.: *Калтиков А. Ю.* Народные мастера-каменщики... С. 14.

⁷¹ ГАКО. Ф. 237. Оп. 1. Д. 7. Л. 161; Д. 8. Л. 80—80 об., 284 об.; Д. 10. Л. 274; Оп. 2. Д. 51. Л. 151—151 об.; *Калтиков А. Ю.* Народные мастера-каменщики... С. 17, 51, 71—73.

⁷² ГАКО. Ф. 237. Оп. 76. Д. 315. Л. 160—163.

⁷³ Там же. Д. 214. Л. 132—132 об.

⁷⁴ Там же. Оп. 2. Д. 23. Л. 28; Оп. 74. Д. 534. Л. 9.

⁷⁵ Там же. Оп. 2. Д. 52. Л. 1261—1263.

⁷⁶ Там же. Оп. 76. Д. 1294. Л. 32; Оп. 1. Д. 16. Ч. 2. Л. 314.

⁷⁷ Там же. Оп. 2. Д. 50. Л. 919; Д. 60. Л. 585.

⁷⁸ Там же. Д. 53. Л. 815 об.

⁷⁹ Там же. Оп. 1. Д. 10. Л. 174—174 об.

⁸⁰ Там же. Оп. 82. Д. 18. Л. 1.

⁸¹ Там же. Оп. 1. Д. 12. Л. 233 об.

⁸² Там же. Оп. 2. Д. 23. Л. 159.

⁸³ См.: *Калтиков А. Ю.* Народные мастера-каменщики... С. 72.

Впервые постройки Коршунова на основании данного документа были с небольшой неточностью перечислены А. Г. Тинским (*Тинский А. Г.* Памятники культурного зодчества... С. 77).

⁸⁴ Публикацию договора см.: *Калтиков А. Ю.* Народные мастера-каменщики... С. 65—66.

⁸⁵ ГАКО. Ф. 237. Оп. 2. Д. 40. Л. 1111; Д. 42. Л. 279—280 об.

⁸⁶ Там же. Д. 51. Л. 83.

О сооружении Цепелевых церкви в с. Спасо-Талица сообщено И. В. Беровой.

⁸⁷ ГАКО. Ф. 237. Оп. 2. Д. 24. Л. 601; Ф. 240. Оп. 1. Д. 511. Л. 1—2.

⁸⁸ Там же. Ф. 237. Оп. 2. Д. 44. Л. 809—809 об.; Д. 45. Л. 732—737 об.; Ф. 240. Оп. 1. Д. 570. Л. 32—32 об.

⁸⁹ Там же. Ф. 237. Оп. 2. Д. 45. Л. 438—440 об.

⁹⁰ Там же. Ф. 240. Оп. 1. Д. 441. Л. 10—10 об.

⁹¹ Публикацию «записи» см.: *Калтиков А. Ю.* Народные мастера-каменщики... С. 66—68.

⁹² Публикацию см.: *Калтиков А. Ю.* Народные мастера-каменщики... С. 68—70.

⁹³ ГАКО. Ф. 240. Оп. 1. Д. 441. Л. 60—61.

⁹⁴ См. подробнее: *Калтиков А. Ю.* Народные мастера-каменщики... С. 17.

⁹⁵ ГАКО. Ф. 237. Оп. 76. Д. 1294. Л. 95; Оп. 2. Д. 38. Л. 334 об.; Оп. 89. Д. 519. Л. 4; Оп. 95. Д. 14. Л. 1—9.

Публикацию договора М. Л. Злобина в с. Петровском см.: *Калтиков А. Ю.* Народные мастера-каменщики... С. 73—75.

⁹⁶ Сокращенный текст договора см.: *Каптиков А. Ю.* Региональное многообразие архитектуры русского барокко. С. 65—67.

⁹⁷ ГАКО. Ф. 237. Оп. 1. Д. 11. Л. 43—43 об.; Д. 13. Л. 97 об. См. также: *Каптиков А. Ю.* Нар дные мастера-каменщики... С. 18.

⁹⁸ *Вештомов А.* История вятчан. Казань, 1907. С. 198.

Автор, правда, указал только фамилию подрядчика, что дало основание А. Г. Тинскому (*Тинский А. Г.* Планировка и застройка г. Вятки... С. 202) утверждать, будто перекладка сводов была поручена сыну Никиты — Даниле Горынцеву. Представляется, однако, что Данило не обладал тогда опытом для столь серьезной работы и она могла быть осуществлена только его отцом. Возможно, Вештомов смешал в своем сообщении двух Горынцевых — Никиту и Данилу (последнего он мог еще застать в живых «котельническим крестьянином»).

⁹⁹ ГАКО. Ф. 237. Оп. 76. Д. 214. Л. 101.

¹⁰⁰ Публикацию этого документа — своего рода «послужного списка» мастера см.: *Каптиков А. Ю.* Региональное многообразие архитектуры русского барокко. С. 67—68.

¹⁰¹ Приписывание ее хлыновцам Василию Швецову и Петру Тупасову, к тому же ошибочно именуемому Рупасовым (*Тинский А. Г.* Памятники культурного зодчества... С. 82; Памятники истории и культуры города Кирова: Справочник. Горький, 1986. С. 115), совершенно несостоятельно. Швецов и Тупасов являлись лишь участниками (возможно, только начального этапа) стройки, возглавлявшейся Никитой Горынцевым. Позднее Данило включил и этот храм в перечень своих подрадов.

¹⁰² ГАКО. Ф. 237. Оп. 1. Д. 15. Л. 269—270; *Каптиков А. Ю.* Народные мастера-каменщики... С. 18—19.

Известно лишь, что в 1775 г. Данило пытался переслать из Просницы в родную Ярокурскую волость подушную подать за себя и «за отца своего» (ГАКО. Ф. 237. Оп. 2. Д. 33. Л. 1407—1407 об.).

¹⁰³ ГАКО. Ф. 237. Оп. 2. Д. 32. Л. 1053—1053 об.; Д. 33. Л. 307 об.; Д. 34. Л. 800—800 об., 1694—1694 об.; Д. 39. Л. 972—972 об. (материалы, касающиеся сарапульского подряда Горынцева и найма его и каменщиков в с. Екатерина); Ф. 237. Оп. 2. Д. 46. Л. 1184, 1407—1407 об.; Ф. 12. Оп. 3. Д. 403. Л. 1—2 (об участии его в постройке церкви с. Волково). См. также: *Каптиков А. Ю.* Народные мастера-каменщики... С. 19, 51.

¹⁰⁴ ГАКО. Ф. 237. Оп. 2. Д. 40. Л. 1111—1111 об.; Д. 42. Л. 280—281. *Каптиков А. Ю.* Народные мастера-каменщики... С. 19—20.

¹⁰⁵ Историческое описание Благовещенской церкви с. Ржанополомского // ВятЕВ. 1988. № 5. С. 149.

¹⁰⁶ Сообщено И. В. Беровой.

¹⁰⁷ *Тинский А. Г.* Планировка и застройка города Вятки... С. 202.

¹⁰⁸ ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 398; Ф. 141. Оп. 1. Д. 32. Л. 137—157; ГАКО. Ф. 237. Оп. 2. Д. 39. Л. 107—109 об.; *Каптиков А. Ю.* К истории внешних связей уральской архитектуры второй половины XVIII века // Вопросы архитектуры и градостроительства Урала. М., 1987. С. 85—87.

¹⁰⁹ Соликамская кладбищенская Мироносицкая церковь была построена мещанином Иваном Горбовским «с чадами и домочадцами» (Памятники истории и культуры Пермской области. Пермь, 1976. С. 96).

¹¹⁰ Кремлев и Григорий Татаринов попали в Верхотурье не позднее 1755 г. В этом году Кремлев именно оттуда приезжал в Екатеринбург брать заказ на иконостас Старо-Златоустовской церкви (ГАСО. Ф. 141. Оп. 1. Д. 3. Л. 182 об.—183), а Татаринов поручился за Матвея Пинягина, чинившего главы и кресты верхотурского Троицкого собора (ЦГАДА. Ф. 615. Д. 1911. Л. 6 об.).

¹¹¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1510. Л. 45—48, 92.

¹¹² *Чупин Н. К.* О богословских заводах и заводчике Походяшине, Пермь. 1882. С. 13.

¹¹³ Публикацию этого документа см.: *Каптиков А. Ю.* Народные мастера-каменщики... С. 75—77. После достройки собора Кремлев совместно с «решиком»

Иваном Симановым подрядился сделать для него иконостас (ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1510. Л. 191).

¹¹⁴ Их имена (как и работавших с ними устюжан и вятчан) см.: *Каптиков А. Ю.* К истории внешних связей уральской архитектуры... С. 84—85.

¹¹⁵ Церковная летопись г. Кунгура // ПЕВ. 1902. № 11. С. 129—130. Колокольня Преображенской церкви была начата в 1775 г. крестьянином Михаилом Комаровым.

¹¹⁶ ЦГАДА. Ф. 429. Оп. 1. Д. 1. Л. 11 об.; *Копылов А. Н.* Очерки культурной жизни Сибири XVII — начала XIX вв. Новосибирск, 1974. С. 146.

¹¹⁷ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1510. Л. 50 об.; *Каптиков А. Ю.* Народные мастера-каменщики... С. 21.

¹¹⁸ ГАСО. Ф. 141. Оп. 1. Д. 3. Л. 253—256.

В 1756 г. «госпитальной подрядчик» Нечкин был прислан в Верхотурскую воеводскую канцелярию «для некоторого следственного дела», но вскоре был отпущен обратно в Екатеринбург (ЦГАДА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 105. Л. 29—29 об.).

¹¹⁹ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 121. Л. 109.

¹²⁰ Подробнее см.: *Каптиков А. Ю.* К истории внешних связей уральской архитектуры... С. 80—82.

¹²¹ ГАКО. Ф. 237. Оп. 76. Д. 168. Л. 8 об.

¹²² Там же. Ф. 240. Оп. 1. Д. 441. Л. 10—10 об.

¹²³ Там же. Л. 60. Из обязательства П. Ситнова и Д. Цырочкина по достройке церкви в с. Кичма.

¹²⁴ Там же. Ф. 237. Оп. 2. Д. 39. Л. 972 об. Состав артели, в которую входил Краев, см.: *Каптиков А. Ю.* Народные мастера-каменщики... С. 51.

¹²⁵ Об этом, как и о самом производстве работ, см.: *Тинский А. Г.* Планировка и застройка города Вятки... С. 173—181, 200—209. *Каптиков А. Ю.* Народные мастера-каменщики... С. 26—35.

¹²⁶ ГАКО. Ф. 237. Оп. 1. Д. 12. Л. 188 об.

¹²⁷ Там же. Оп. 2. Д. 45. Л. 733.

¹²⁸ Там же.

¹²⁹ О перестройке верха Иоанно-Предтеченской церкви см. прим. 84 к гл. 1. Причт и прихожане Богоявленского собора ходатайствовали о разрешении «верх означенного собора ... воздвигнуть наподобие одного ж города Донской ... церкви» (ГАКО. Ф. 237. Оп. 2. Д. 34. Л. 1281), куменцы — «церковь строением выше воздвигнуть, свод по верхним окнам разобрать и для выгоды крыши вновь построить осмерик ... маниром против того, что в городе Хлынове называемая Цареконстантиновская...» (Там же. Д. 39. Л. 777), нолинчане — «на манер ... Донской Богородицкой или Владимирской церковей накласть вновь ... каменной осмерик...» (Там же. Д. 51. Л. 721).

¹³⁰ Там же. Д. 45. Л. 439 об.

¹³¹ ВФ ГАВО. Ф. 363. Оп. 1. Д. 4650. Л. 1.

¹³² ГАКО. Ф. 237. Оп. 2. Д. 45. Л. 439 об.

¹³³ Там же. Оп. 83. Д. 112. Л. 2.

¹³⁴ Там же. Оп. 2. Д. 24. Л. 601.

¹³⁵ *Шляпин В.* Орловская Всесвятская церковь // ВолЕВ. 1899. № 22. С. 556.

¹³⁶ ВФ ГАВО. Ф. 363. Оп. 1. Д. 5030.

¹³⁷ Первое известное нам упоминание о проектном чертеже в этом регионе относится к 1742 г., когда плотники, крестьяне «Чепецкого тяглово стана» Родион Лихачев и Спиридон Вахрушев строили деревянную церковь «в Еловской деревне» — первый храм «в новокрещенных вотяцких жилищах» — «по выданному рисунку» (ГАКО. Ф. 237. Оп. 1. Д. 4. Л. 20). В 1743 г. при договоре с каменщиками на сооружение колокольни Николаевской церкви в Нолях «план был черчен на земле, подобие обещано было куменской колокольни» (Там же. Ф. 390. Оп. 1. Д. 5. Л. 12).

¹³⁸ *Вештомов А.* История вятчан. С. 198.

¹³⁹ Там же. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1510. Л. 63.

¹⁴⁰ ВФ ГАВО. Ф. 363. Оп. 1. Д. 668.

Тем не менее устюжские архиереи, вероятно, хоть изредка заказывали проекты в столицах. Только архитектором могла быть спроектирована их загородная резиденция Богородское с парком и прудами, изображавшими в плане инициалы заказчика — епископа Варлаама.

¹⁴¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1510. Л. 7—8. Автор этого проекта — архитектор Яган (Иоганн) Вернер Миллер (или Мюллер) известен по нескольким постройкам в Оренбурге, где работал с 1746 г. А. Кичигин был видной фигурой в екатеринбургской архитектурно-строительной практике, ему принадлежат проекты планировки города, деревянной Вознесенской церкви и др. (См.: ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1872. Л. 862—864; Очерки истории Свердловска. Свердловск, 1958. С. 30). Деятельность же «архитекторских помощников», находившихся в штате «Экспедиции мраморной ломки и прииска цветных камней» (М. Колмогоров, М. Горяинов, Н. Яковлев), едва ли распространялась на проектирование зданий.

¹⁴² ГАКО. Ф. 237. Оп. 76. Д. 148. Л. 1 об.

Построенный в 1757—1764 гг. храм дошел до нашего времени с позднейшими переделками.

¹⁴³ Проект Входа-Иерусалимской церкви в Нижнем Тагиле был, возможно, заказан Н. А. Демидовым архитектору К. И. Бланку. Над подмосковной усадьбой этого представителя рода Демидовых (Петровское-Алабино) работал М. Ф. Казаков.

¹⁴⁴ ГАКО. Ф. 237. Оп. 76. Д. 168. Л. 10 об.; ТВУАК. 1907. Вып. IV. Отд. III. С. 24.

Т. Иевский вместе с Ухтомским обучался в «команде» архитектора И. Ф. Мичурина (*Михайлов А. И.* Архитектор Д. В. Ухтомский и его школа. М., 1954. С. 33, 35).

¹⁴⁵ О И. Г. Кутукове см.: *Михайлов А. И.* Архитектор Д. В. Ухтомский... С. 172, 257—258, 276—278.

По окончании сезонов 1760 и 1763 гг. он ездил в Москву для консультации со своим учителем. Двенадцатого ноября 1763г. Ухтомский писал епископу Варфоломее: «на строение ... соборной вашей церкви господином Кутуковым сочиненной фасад и профиль разсматривал, по которому холодную церковь с олтарем с мезонином советуя Вашему Преосвященству ... и производить» (ГАКО. Ф. 237. Оп. 76. Д. 193. Л. 173). Однако речь шла, очевидно, о небольшой переработке чьего-то (Т. Иевского?) первоначального проекта, который в 1760 г., еще до прибытия Кутукова в Хлынов, был послан архиереем на рассмотрение Ухтомского (Там же. Д. 168. Л. 23).

¹⁴⁶ О конфликте Кутукова с духовными властями по поводу используемого при строительстве собора кирпича см.: *Тинский А. Г.* Планировка и застройка города Вятки... С. 186; *Калтиков А. Ю.* Народные мастера-каменщики... С. 41—42.

¹⁴⁷ ГАКО. Ф. 237. Оп. 76. Д. 193. Л. 1—2 об.

¹⁴⁸ Там же. Оп. 1. Д. 12. Л. 460.

¹⁴⁹ Там же. Оп. 76. Д. 387. Л. 436. Из письма Лаврентия казанскому губернатору П. С. Мещерскому от 6 февраля 1778 г.

¹⁵⁰ См.: *Калтиков А. Ю.* Народные мастера-каменщики... С. 43. Так, в 1775 г. был проведен осмотр церкви в с. Някулицком, где предстояла перекладка сводов (ГАКО. Ф. 237. Оп. 1. Д. 16. Ч. 2. Л. 326 об.—327).

¹⁵¹ ГАКО. Ф. 237. Оп. 2. Д. 34. Л. 598—598 об.

Впервые этот этапный документ был кратко процитирован А. Г. Тинским (*Тинский А. Г.* Памятники культурного зодчества... С. 77). Казанский архитектор Василий Кафтырев тоже был учеником Ухтомского. О нем см.: *Михайлов А. И.* Архитектор Д. В. Ухтомский... С. 66, 192, 256, 307, 328.

¹⁵² ГАКО. Ф. 237. Оп. 2. Д. 36. Л. 138; Д. 39. Л. 75.

¹⁵³ Там же. Д. 42. Л. 541—541 об., 647—647 об.

¹⁵⁴ Там же. Оп. 82. Д. 563. Л. 1.

¹⁵⁵ См. его публикацию: *Калтиков А. Ю.* Народные мастера-каменщики... С. 70—71.

¹⁵⁶ Там же. Д. 52. Л. 1261 об.—1262.

¹⁵⁷ Там же. Д. 51. Л. 83—83 об.

¹⁵⁸ Подобные резолюции имеются на прошениях о перелелке верха Николаевской церкви в Нолинске, о постройке колоколен в селах Всесвятское, Усть-Чепецкое, Чудиново и др. (Там же. Д. 51. Л. 721; Д. 51. Л. 1088—1088 об.; Д. 53. Л. 855; Д. 57. Л. 260).

¹⁵⁹ Там же. Д. 57. Л. 909 об. Резолюция на поданном в 1785 г. прошении о постройке Покровской церкви в Сарапуле.

¹⁶⁰ Там же. Д. 54. Л. 702—702 об.

¹⁶¹ См.: *Калтиков А. Ю.* Региональное многообразие архитектуры русского барокко. С. 67—68.

¹⁶² В 1783 г. епископ Лаврентий велел с постройкой Троицкой церкви в Орлове «обождать до расположения в городе ... по планам строения и дорог» (ГАКО. Ф. 237. Оп. 2. Д. 51. Л. 83 об.).

¹⁶³ Там же. Д. 62. Л. 206.

¹⁶⁴ Там же. Оп. 90. Д. 193. Л. 2—3.

¹⁶⁵ Там же. Оп. 2. Д. 37. Л. 1433—1433 об.

¹⁶⁶ Об архитекторах, работавших тогда в Перми (Ф. Ф. Леонгард, Г. Х. Паульсен, Ф. Казанцев), сведения крайне скудны (см.: *Терехин А. С.* Пермь: Очерк архитектуры. Пермь, 1980. С. 26). О первом тобольском губернском архитекторе А. Гучеве и его преемнике — землемере Ф. Уткине см.: *Копылова С. В.* Каменное строительство в Сибири: Конец XVII—XVIII в. Новосибирск. 1979. С. 199—203.

¹⁶⁷ См. прим. 62.

¹⁶⁸ *Алексеева Т. В.* Ф.-Б. Растрелли и русская культура // От средневековья к новому времени: Материалы и исследования по русскому искусству XVIII — первой половины XIX в. М., 1984. С. 139.

¹⁶⁹ *Пономарев И.* Сборник материалов... С. 194. Эти крыльца исчезли во второй половине XIX в.

¹⁷⁰ Среди двухэтажных культовых зданий региона только Преображенская церковь с. Вонгода Котласского р-на имеет незначительный сдвиг алтаря. Но удалось выяснить, что вопреки датировке 1775 г. (ИАК. Вып. 64. Пг., 1917. С. 21) разрешение на ее постройку (ВФ ГАВО. Ф. 363. Оп. 1. Д. 3733) было выдано только в 1778 г. и, следовательно, она завершалась уже в период стилевых изменений.

¹⁷¹ «Шнурозапечатанная книга» на постройку колокольни была выдана лишь в 1777 г. (ВФ ГАВО. Ф. 363. Оп. 1. Д. 3485), что показывает, как подчас был велик хронологический разрыв между сооружением храма и колокольни.

¹⁷² По замечанию одного исследователя, эти кокошники «запаздывают почти на полтора века» (*Бакланов Н. Б.* Эволюция архитектурных форм в русском провинциальном церковном зодчестве XVIII в. // Известия Российской академии истории материальной культуры. Пг., 1922. Т. 2. С. 262).

¹⁷³ Этот памятник имеет на фасаде тягу со скруглением посередине наподобие «полуглавия», что, напоминая об изначальной высоте четверика, указывает на имевшую место надстройку здания. К тому же восьмерики поставлены на цилиндрический свод и не открыты вовнутрь. Однако о подобной перелелке собора ничего не говорится у И. Пономарева, чья летопись Лальска доведена до 1800 г., а в XIX в. в таких формах и пропорциях это едва ли было возможно.

¹⁷⁴ Нельзя также не отметить большого сходства тех наличников Покровской церкви, в которых колонки, обработанные под резьбу, или тяги несут разорванный фронтон, с черевковской Троицкой церковью.

¹⁷⁵ *Гнездовский Б. В., Добровольская Э. Д.* Дорогами земли Вятской. М., 1971. С. 131.

¹⁷⁶ «Каннелированные» (на четверике — только в нижней части своего ствола) пилястры Спасской церкви в Лальске, ромбики-накладки на стволах пилястр (церковь Симеона Столпника), «колосья» в филеночках постаментов (Леонтьевская церковь), уступчатость и перелом пополам самих постаментов (пилястры на стыках граней нижней апсиды храма в Пермьгорье).

¹⁷⁷ Более подробный обзор памятников этого периода см.: *Каптиков А. Ю.* О сфере влияния устюжского зодчества в XVIII веке // *Охрана окружающей среды в архитектурно-строительных и инженерно-технических решениях.* М., 1985. С. 37—39.

¹⁷⁸ ТВУАК. 1913. Вып. 1—11. Отд. III. С. 6.

¹⁷⁹ ИАК. Спб., 1913. Вып. 48. С. 87—88. Это изменилось после пристройки в 1911 г. северного придела.

¹⁸⁰ Разрешение на постройку каменной сырянской колокольни было дано в 1770 г. (ГАКО. Ф. 237. Оп. 2. Д. 34. Л. 158).

¹⁸¹ Там же. Оп. 1. Д. 16. Ч. 1. Л. 184 об.—185.

¹⁸² В 1915 г. И. Осокин видел под окнами верхнего этажа углубления-гнезда, указывавшие на наличие в прошлом деревянного гульбища (ТВУАК. 1916. Вып. I—II. Отд. I. С. 38).

¹⁸³ Обычное число оконных осей храма — три. Только в постройках, связанных с мастером А. Окуловым (Стефановская церковь в Хлынове, Вознесенская в Суе), их четыре, а в санчурских памятниках (правда, при завершении большим восьмериком) — две.

¹⁸⁴ Восьмерик на этом храме разрешено было построить в 1786 г. (ГАКО. Ф. 237. Оп. 2. Д. 59. Л. 1177).

¹⁸⁵ В 1774 г. вдове купца С. Злыгостева дали позволение построить «полуглавие на двух осмериках большой холодной церкви матери» (ГАКО. Ф. 237. Оп. 1. Д. 15. Л. 137 об.). Не было ли речи о сооружении не только «полуглавия», но и самих восьмериков? В таком случае число «догорынецких» памятников с малым восьмериком сводится практически к нулю.

¹⁸⁶ Там же. Оп. 2. Д. 53. Л. 324. См. также прим. 129.

Полученными разрешениями по тем или иным причинам пользовались не всегда. Так, верх храма Преображенского монастыря переделан не был.

¹⁸⁷ Верхний храм был освящен, очевидно, в декабре 1781 г. (ГАКО. Ф. 237. Оп. 2. Д. 50. Л. 6).

¹⁸⁸ Следует упомянуть также церковь в с. Хмелевка, под восьмериком которой тоже был сходный постамент, а в верхней части стены — как бы огромная «бровка».

¹⁸⁹ *Гнедовский Б. В., Добровольская Э. Д.* Дорогами земли Вятской. С. 33.

¹⁹⁰ Отсутствовало лишь в верхнем ярусе четырехосевого фасада хлыновской Стефановской церкви. Неясен характер первоначального членения того же яруса храма с. Прокосье.

¹⁹¹ Самые ранние известные примеры — несохранившиеся храмы начала 1740-х годов в селах Филейском и Волче-Троицком (ИАК. Спб., 1912. Вып. 44. С. 118, 129—130) — несколько сомнительны из-за поздних искажений, очевидных даже на фотографиях.

¹⁹² Верх сырянской церкви был в конце XVIII в. переделан на малый восьмерик (об аналогичном изменении завершения куменской церкви см. прим. 129). При этом у обоих исчезли кокошники.

¹⁹³ Сочетание нового, объемного фасадного декора с кокошниками имелось лишь на несохранившейся церкви в с. Кинчино, где боковые кокошники, возможно, были все же позднейшей «надкладкой».

¹⁹⁴ Нетипично расположение этих «кассет» на фасаде церкви в с. Совье.

¹⁹⁵ В храме села Холуницко-Ильинского они «изображены» поверху пилястр.

¹⁹⁶ Исключение составляла церковь с. Лебяжье, особенно третий ярус четверика с плоскими наличниками.

¹⁹⁷ Купол храма относится к позднему времени и, вероятно, сменил «куру» или малый восьмерик.

¹⁹⁸ Арочные окна получили распространение с конца 1770-х годов в венчающих храмы восьмериках (Екатерина, Коршик, Русаново, Архангельское и др.).

¹⁹⁹ В 1778 г. архитектор В. Каптырев, осмотрев монастырь, предложил «показанные» церковь и колокольню за недостатком места и в состоянии без-

надежностью, не дожидаясь падения, разобрать и построить на том же месте» (ГАКО. Ф. 237. Оп. 76. Д. 87. Л. 460 об.—461).

²⁰⁰ Такие же верхние приделы, построенные несколько позже самих храмов, имели Богоявленская церковь в Чердыни, Старо-Златоустовская в Екатеринбурге.

²⁰¹ См. обмерный чертеж 1817 г. (ГАСО. Ф. 59. Оп. 12. Д. 7712).

²⁰² В 1769 г. городищенскому причту было разрешено «вместо деревянных накатных потолков ... над всею церковью со олтарем своды ... построить каменные» (ГАКО. Ф. 237. Оп. 2. Д. 23. Л. 44 об.). В том же году «летним временем» были сооружены «вместо деревянных подволок» своды в теплой Богоявленской церкви при Благовещенском соборе г. Кунгура (Там же. Л. 389 об.).

²⁰³ Тот же отпечаток при ином соотношении объемов (два возведенных «уступом» восьмерика на высоком монументальном четверике) свойствен кыштымской Духовской церкви (ок. 1770). В екатеринбургской Старо-Златоустовской церкви (1755—1768; не сохранилась) восьмерик, как и стоявший на нем барабан с крупными окнами были, наоборот, проникнуты вертикализмом, которого недоставало четверику. В целом оба храма, особенно их декор, совершенно различного характера (пояс «стрел» и крупные городчатые кронштейны в Кыштыме, богатые, чем-то походящие на растрелиевские, наличники в Екатеринбурге), не принадлежали к местной школе.

²⁰⁴ «Шнурозапечатанная книга» на постройку колокольни была выдана в 1754 г. (ГАКО. Ф. 237. Оп. 2. Д. 16. Л. 535).

²⁰⁵ Ни один из уральских памятников, даже церковь в другом пригороде Соликамска — Красном Селе, не мог соперничать с этим по высоте и вертикальной устремленности основного объема.

²⁰⁶ На апсиде того же храма есть оригинальные рамочные наличники с «копьями» (рис. 49—7).

Глава 3

¹ Кириллов И. К. Цветущее состояние Всероссийского государства. М., 1977. С. 263.

² Позднее, с 1792 г., устюжане достраивали верх Рождественского собора в Солигаличе, но неожиданно использовали конструкцию, напоминавшую деревянные покрытия украинских церквей (см.: Тиц А. А. На земле древнего Галича. М., 1971. С. 100—101).

³ См.: Гнедовский Б. В., Добровольская Э. Д. Вокруг Архангельска. М., 1978. С. 90.

⁴ ГАКО. Ф. 237. Оп. 2. Д. 11. Л. 729.

⁵ См.: Скопин В. В. Новые материалы по Богоявленскому собору Иркутска // Реставрация и исследование памятников культуры. М., 1975. Вып. 1. С. 245—246; Гринберг Ю., Роднянская И. Енисейск — город исторический // Декоративное искусство СССР. 1985. № 3. С. 36.

На Богоявленском соборе в том же Енисейске имеется уральский «жучковый» орнамент.

⁶ См. об этом подробнее: Капчиков А. Ю. Урал и региональные школы Вятки и Тобольска второй половины XVIII века // Из истории художественной культуры Урала. Свердловск, 1985.

С Сибирью сближала Зауралье и сама строительная практика. Еще в петровскую эпоху проводившееся параллельно каменное строительство в Тобольске, Тюмени и Верхотурье сопровождалось своего рода кооперацией с постоянным обменом людьми и припасами. Одинаково функционировала система ученичества, привлечения к работам населения, ссыльных и военнопленных. Позднее как в Сибири, так и на горных заводах Урала проектное дело и надзор за строительством в значительной степени сосредоточились в руках геодезистов.

⁷ Он присутствует, прежде всего, в постройках, связанных с именем крупнейшего мастера «московского барокко» Я. Г. Бухарцова: «третий ярус окон! Успен-

ского собора в Рязани, 1693—1699; церковь Ризположения на Донской ул. в Москве, 1701).

⁸ К этому же типу, вероятно, принадлежали два деревянных храма 1762 и 1772 гг. в Ошлапье на Вычегде. О них в описи церковей Яренского уезда говорится: «...строены по новоманерному примеру» (ВФ ГАВО. Ф. 363. Оп. 1. Д. 1912. Л. 89).

⁹ *Спицын А. А.* Постройка старинных вятских деревянных церквей // Календарь Вятской губернии на 1892 год. Вятка, 1891. С. 306.

¹⁰ См.: Памятники архитектуры Московской области: Каталог. М., 1975. Т. 1—2; Памятники истории и культуры Горьковской области. Горький. 1981.

¹¹ *Некрасов А. И.* О начале барокко в русской архитектуре XVII века // Барокко в России. М., 1926. С. 58.

¹² *Згура В. В.* Проблема возникновения барокко в России // Там же. С. 42.

¹³ *Богословский М. М.* Земское самоуправление на русском Севере. Спб., 1909. Т. 1. С. 124.

¹⁴ См.: *Гнедовский Б. В., Добровольская Э. Д.* Дорогами земли Вятской. М., 1971. С. 92. Авторы переносят это неправомерное понятие и на Вятку, считая, что там был заимствован именно этот «вариант».

¹⁵ *Словцов П. А.* Историческое обозрение Сибири. Спб., 1886. Ч. 2. С. 46—47.

¹⁶ О применимости этих терминов к народному, особенно крестьянскому, искусству см.: *Зубова Т.* О границах понятия народного искусства // Декоративное искусство СССР. 1973. № 8. С. 26.

Заключение

¹ См.: *Плужников В. И.* Распространение западного декора в петровском зодчестве // Древнерусское искусство: Зарубежные связи. М., 1975. С. 364.

² Этот тип обрамления, известный на Руси по меньшей мере с начала XVII в. (см.: *Тиц А. А.* Русское каменное жилое зодчество XVII в. М., 1966. С. 203—205), использовался и в ранних произведениях «московского барокко», правда, уже в сочетании с «разорванным» фронтономчиком (верхняя церковь Иосафа Царевича в Измайлове, 1687—1688).

³ Каннелированные пилястры гермовидной формы были частой принадлежностью строгановских храмов конца XVII в. Иногда их использовали и в Москве (передняя часть палат Аверкия Кириллова, начало XVIII в.).

⁴ См.: *Эммаусский А. В.* Исторический очерк Вятского края XVII—XVIII веков. Киров, 1956. С. 214.

⁵ В. И. Плужников (*Плужников В. И.* Организация фасада в архитектуре русского барокко // Русское искусство барокко: Материалы и исследования. М., 1977. С. 117—118) отмечает, что распад прежней схемы кокошников шел по двум направлениям — путем нарушения горизонтальной непрерывности и искажения традиционной формы. Как раз на Вятке средний кокошник часто заменяла арочка или все три кокошника делались обычно продолговатыми.

Что касается мотива раковин, восходящего на Руси к Архангельскому собору Московского Кремля, то он возродился в конце XVII в. в ярусных (церковь Петра и Павла в Петровско-Разумовском, 1692), но больше в традиционных кубических пятиглавых храмах (московские церкви Николая Большой Крест, 1680—1688; Ризположения на Донской ул.). На Вятке он стал устойчивой региональной чертой.

⁶ Слова исследовательницы, относящиеся к однотипной московской церкви Николая Большой Крест (*Брайцева О. И.* Новое и традиционное в храмовом зодчестве Москвы конца XVII в. // АН. М., 1978. № 26. С. 31).

⁷ См.: *Гуляницкий Н. Ф.* Традиции классицизма и черты Ренессанса в архитектуре Москвы XV—XVII вв. // Там же. С. 25.

⁸ Наличники с волютами известны в московских постройках конца XVII в. (собор Богоявленского монастыря, 1693—1696 и др.).

⁹ До верхотурского Троицкого собора «крещатое» пятиглавие, но на четверике, известно в московской церкви Параскевы Пятницы в Охотном ряду (1687) и начатой в 1697 г. Рождественской Строгановской церкви в Нижнем Новгороде. Прообразом пятиглавых уральских церквей типа Воскресенской в Соликамске, Богоявленской в Нижне-Чусовских городах мог послужить строгановский храм в Гордеевке (1690-е годы), чьи фронтоны — аттики были, однако, заменены «полуглавиями».

¹⁰ Капун А. И. *Стиль в архитектуре*. М., 1985. С. 130.

¹¹ См.: Плужников В. И. *Организация фасада в архитектуре русского барокко*. С. 91.

¹² Маркс К., Энгельс Ф. *Соч.* 2-е изд. Т. 16. С. 521—522.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН	— Архитектурное наследство
ВолЕВ	— Вологодские епархиальные ведомости
ВФ ГАВО	— Великоустюжский филиал Государственного архива Вологодской области
ВятГВ	— Вятские губернские ведомости
ВятЕВ	— Вятские епархиальные ведомости
ГАВО	— Государственный архив Вологодской области
ГАКО	— Государственный архив Кировской области
ГАСО	— Государственный архив Свердловской области
ЕЕВ	— Екатеринбургские епархиальные ведомости
ИАК	— Известия Археологической комиссии
ПЕВ	— Пермские епархиальные ведомости
ТВУАК	— Труды Вятской Ученой архивной комиссии
ЦГАДА	— Центральный государственный архив древних актов

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение

3

Глава 1

**Каменное зодчество первой четверти XVIII в.
и процесс формирования региональных школ**

10

Глава 2

**Региональные школы на новом этапе развития
(40—80-е годы XVIII в.)**

53

Глава 3

**Региональные школы: сферы влияния,
единство и многообразие**

145

Заключение

156

Примечания

160

Список сокращений

180

Каптиков А. Ю.

**К206 Каменное зодчество русского Севера, Вятки и Урала
XVIII в.: проблема региональных школ. — Свердловск: Изд-во
Урал. ун-та, 1990. — 184 с.
ISBN 5—7525—0146—6**

В книге рассматривается процесс становления и развития региональных школ каменного зодчества на севере Европейской России (Великий Устюг), Вятке и Урале. На примере большого числа малоизвестных построек выявляются свойственные каждой школе самобытные композиционные и декоративные особенности. Уделено внимание творческим биографиям мастеров-каменщиков и характерным чертам местной строительной практики.

Книга рассчитана на архитекторов и искусствоведов.

К 4902020000—73
182(02)—90

ББК Щ 135.7

Научное издание

Аврам Юрьевич Кантиков

**КАМЕННОЕ ЗОДЧЕСТВО РУССКОГО СЕВЕРА,
ВЯТКИ И УРАЛА XVIII в.**

Младший редактор Т. А. Нечитайленко

Технический редактор Т. М. Качула

Корректор А. А. Герасимов

ИБ № 417

Сдано в набор 12.09.90. Подписано в печать 13.12.90.
Формат 60×84¹/₁₆. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 10,7. Усл. кр.-отт. 10,93.
Уч.-изд. л. 11,8. Тираж 3700 экз. Заказ 4612. Цена 1 р. 20 к.

Издательство Уральского университета.
620219, Свердловск, просп. Ленина, 136.

Верхнепышминская типография Управления издательств, полиграфии и книжной
торговли.
624080, г. Верхняя Пышма, Свердловской области, ул. Кривоусова, 11.